Н.Н. Лишинъ

На Каспійскомъ морѣ

Годъ дѣлой борьбы.

Дорогому Володѣ
на памятъ
отъ Шуры.
Май 1938 г. Париж.

НА КАСПІЙСКОМЪ МОРѢ

ЗАРУБЕЖНАЯ
МОРСКАЯ БИБЛІОТЕКА № 53

Н * Н * ЛИШИНЪ

НА КАСПІЙСКОМЪ МОРѢ

ГОДЪ БѢЛОЙ БОРЬБЫ

ИЗДАНІЕ МОРСКОГО ЖУРНАЛА

ПРАГА

Copyrigth by the auhtor 1938.

„Libris“ trk., Tallinn, Narva m. 15

Посвящаю моей Матери и родной Морской Семьѣ

Пишущему эти строки, бывшему офицеру Балтійскаго Флота, пришлось, волею судебъ, оказаться въ центрѣ боевой и политической жизни на Каспійскомъ морѣ въ 1918-мъ и первой половинѣ 1919-го годовъ, въ положеніи благопріятномъ для разностороннихъ наблюденій. Тѣ событія, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ трудѣ, извѣстны немногимъ. Разсказъ очевидца и участника этихъ событій, пожалуй, единственный въ своемъ родѣ (другихъ не пришлось встрѣтить въ печати), сохранитъ для будущаго страницу, хотя бы и маленькую, того, что не должно кануть въ вѣчность, потому, что это отрывокъ родной исторіи.

Авторъ

ВВЕДЕНІЕ

Бакинская Школа Морской Авіаціи пріютила меня у себя въ концѣ 1917-го года послѣ того, какъ пришлось покинуть берега Балтики изъ-за обвиненія въ «активной контръ-революціи», ареста, и послѣ безконечныхъ мытарствъ. Если бы не совершенно неожиданная мягкость помощника комиссара Балтійскаго Флота, нѣкоего студента Франкфурта, пришлось бы навѣрное распрощаться съ жизнью, вмѣсто того, чтобы, проѣхавъ черезъ взбалмученную Русь въ Баку, заняться изученіемъ лётнаго дѣла. Это изученіе, однако, продолжалось недолго. Начало 1918-го года ознаменовалось на берегахъ Каспія довольно внезапнымъ измѣненіемъ дотолѣ мирной обстановки. Море крови и огня захлестнуло солнечное Баку. Воспользовавшись наступившей и здѣсь революціонной разрухой, не сдерживаемые болѣе крѣпкой русской рукой армяне и татары позволили своей взаимной ненависти выйти наружу. Рѣзню начали армяне, татары не остались въ долгу, и произошло побоище кровавое и дикое, потребовавшее тысячъ и тысячъ жертвъ. Политическаго въ этомъ было мало, но была полная и ужасная картина гражданской войны. Кровь, море крови, пожары и грабежи.

Когда массовыя убійства нѣсколько улеглись, отъ старой мирной и беззаботной Бакинской жизни не осталось и слѣда. Нервы у всѣхъ были напряжены. Было ясно, что

это только начало, что еще очень много придется пережить несчастному городу, какъ и всей Родинѣ нашей. Стала чувствоваться усиленная революціонная агитація. Волны россійской революціи подкатывали и сюда.

Школа морской авіаціи жила своей рабочей жизнью. Офицеры жили дружно съ командой, никакихъ недоразумѣній не было. Работа и ежедневные учебные полеты послѣ нѣкотораго перерыва пошли опять нормально. Сталъ ощущаться недостатокъ въ моторахъ, и меня послали за ними въ Севастополь. О какихъ моторахъ могла тутъ итти рѣчь? Севастополь переживалъ волну страшнаго террора, хуже того, который пришлось пережить въ Гельсингфорсѣ. Кое-какъ выбрался оттуда. Возвращеніе въ Баку было долгимъ. Все кипѣло по дорогѣ въ спазматическихъ всплескахъ террора. Изъ Тифлиса пришлось ѣхать въ санитарномъ поѣздѣ. Только такіе имѣли возможность проскочить черезъ раіоны, во владѣніе которыхъ вступили вооруженныя банды дезертировъ съ турецкаго фронта. Всеже поѣздъ былъ обстрѣлянъ.

Въ Баку была зловѣщая тишина, нарушаемая одиночными выстрѣлами. Образовались разные комитеты самообороны, городъ патрулировался самыми разнообразными патрулями, иногда обстрѣливавшими другъ друга. Авіаціонная Школа продолжала дружно работать. Это былъ островокъ порядка и дисциплины. Неожиданно и безсмысленно былъ убитъ какимъ-то ночнымъ патрулемъ Начальникъ Школы, Георгіевскій Кавалеръ, Старшій Лейтенантъ Петровъ.

Городъ притихъ. Говорили, что въ этомъ убійствѣ виноваты татары. Ихъ нѣкоторое время не стало видно на улицахъ. Говорили, что татары боятся, что летчики разне-

BIBLIOTECA NAȚIONALĂ

сутъ бомбами татарскую часть города. Но этого не случилось.

Положеніе стало стремительно измѣняться къ худшему. Власть въ городѣ перешла въ какія-то архиреволюціонныя руки. Была объявлена регистрація всѣхъ офицеровъ «на предметъ мобилизаціи въ красную армію».

Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы итти въ красную армію. Къ сожалѣнію, мы были разрознены, никакихъ крупныхъ группировокъ для совмѣстныхъ однородныхъ дѣйствій у насъ не было, мы не были и не могли быть связанными ни съ какими бѣлыми частями, т. к. о существованіи такихъ мы не знали и не могли знать. Одно мы знали твердо, это то, что мы нужны Россіи, и что мы будемъ такъ или иначе Ей служить. Больно отозвалось въ сердцѣ извѣстіе о Брестъ-Литовскомъ мирѣ. Онъ казался міровымъ позоромъ для Россіи. Мы считали необходимымъ продолжать войну съ Германіей. Во Франціи были русскіе отряды ген. Лохвицкаго. Въ Баку оставаться было невозможно, и мы рѣшили пробираться во Францію.

«Мы — это были пять офицеровъ, связанныхъ дружбой. Два инженеръ-механика, мичманы Глѣбъ Сергіевскій и Каминскій, оба впослѣдствіи погибшіе, два кавалериста и я. Въ нашемъ рѣшеніи было, конечно, нѣкоторое Донъ-Кихотство. Но мы не собирались погибать безъ всякой пользы для Родины: мы были молоды, мы крайне остро переживали все происходящее, мы искали примѣненія своихъ силъ. Все, что могло быть обращено въ деньги, было продано, и въ мартѣ 1918-го года, когда было издано запрещеніе офицерамъ выѣзжать изъ Баку, мы бѣжали въ Красноводскъ, оттуда въ Мешедессеръ въ Персіи. Арестъ въ

Мешедессерѣ, мытарства, походъ чрезъ дикія горы и вѣчные снѣга (мы пересѣкли вершину горы Демавендъ) въ Тегеранъ. Вновь на короткое время тихая и мирная обстановка. Мы обласканы нашимъ посольствомъ.

Немного передохнувъ въ Тегеранѣ, даже заработавъ концертомъ нѣкоторую сумму, запасшись документами, мы двинулись дальше на Казвинъ съ цѣлью пробраться оттуда въ Басру, а затѣмъ уже моремъ во Францію.

Въ Казвинѣ оказалось, что всякій транспортъ, кромѣ пѣшаго, находится въ рукахъ англійскаго генерала Дансервиля. Обратились къ нему. Онъ сразу заявилъ, что никакихъ возможностей для нашего дальнѣйшаго продвиженія онъ не дастъ, т. к. мы ему нужны, и онъ приглашаетъ насъ поступить на англійскую военную службу и войти въ его отрядъ. Мы поблагодарили за честь и заявили безъ обиняковъ, что мы здѣсь не для того, чтобы служить англійскимъ интересамъ въ Персіи, что у насъ свои собственныя русскія цѣли. Любезно улыбаясь, генералъ заявилъ намъ, что это наше дѣло. Что касается его, то дальше онъ насъ не пуститъ. Если мы хотимъ, то можемъ итти пѣшкомъ. На автомобилѣ до Басры что-то около недѣли пути, по дорогѣ есть разбойники, часть дороги — голая пустыня. Но если мы хотимъ итти пѣшкомъ, то онъ возраженій не имѣетъ.

Такъ и ушли мы отъ генерала ни съ чѣмъ. Ругались, негодовали на «милыхъ союзничковъ», строили планы одинъ другого хуже, ходили опять къ генералу, но безрезультатно. Я уѣхалъ одинъ въ Тегеранъ жаловаться въ англійскомъ посольствѣ на Дансервиля, хлопотать въ русскомъ посольствѣ, заручиться болѣе крѣпкой поддержкой французскаго посла, милѣйшаго Monsieur Leconte. Результаты были неудовлетворительны. Въ одинъ изъ этихъ дней бѣготни по

Тегерану, меня пригласилъ къ себѣ на чашку чаю англійскій военный атташе, и тутъ произошелъ разговоръ, рѣшившій нашу судьбу. Онъ объяснилъ, что дѣло не въ англійскихъ интересахъ въ Персіи. На Кавказъ движутся турки по пятамъ разбѣгающейся нашей Кавказской Арміи, совершенно неспособной къ защитѣ русской территоріи. Союзники не могутъ допустить, чтобы Кавказъ и Закавказье были заняты турками. Эти послѣдніе, вѣроятно, скоро подойдутъ къ Баку. Туркамъ и нѣмцамъ нужна Бакинская нефть. Англичане готовятъ на сѣверѣ Персіи «кулакъ» для дѣйствія на Кавказѣ противъ турокъ. Присоединяясь къ ихъ отрядамъ, мы будемъ служить какъ Россіи, такъ и общему дѣлу союзниковъ. У меня было еще одно возраженіе: трое изъ насъ — морскіе офицеры, а не сухопутные. Но оказалось, что ожидается прибытіе морскихъ частей для вооруженія коммерческихъ пароходовъ на Каспіи. Орудія прибудутъ изъ Месопотаміи, съ англійскихъ канонерокъ. Атташе развилъ мысль, что послѣ отраженія турокъ, англичане намѣрены помочь формирующимся кое-гдѣ на югѣ Россіи бѣлымъ частямъ въ борьбѣ противъ большевиковъ. Помочь, какъ вѣрные союзники Россіи противъ большевицкой заразы, появившейся въ Россіи, благодаря прямому содѣйствію общаго врага — Германіи. Благодаря Брестъ-Литовскому миру, борьба съ большевиками стала для союзниковъ необходимой. Узнавъ, что я былъ въ Гельсингфорсѣ въ началѣ революціи, военный атташе сталъ разспрашивать о подробностяхъ убійства Командующаго Балтійскимъ Флотомъ Адмирала Непенина. Интересовался слухами о томъ, что онъ былъ убитъ германскимъ агентомъ, переодѣтымъ матросомъ.

Итакъ, значитъ, отрядъ Данстервиля скапливался для того, чтобы прогнать турокъ съ Кавказа, а затѣмъ, чтобы по-

мочь бѣлымъ русскимъ отрядамъ противъ большевиковъ. Могла ли у меня или у кого-либо изъ насъ возникнуть мысль о томъ, что здѣсь можетъ итти рѣчь объ «интервенціи» — противъ Россіи, противъ интересовъ русскаго народа? Нѣтъ. Здѣсь было джентельменское соглашеніе о помощи и совмѣстной работѣ, казавшееся вполнѣ естественнымъ и желательнымъ. Я вернулся въ Казвинъ, и мы всѣ пятеро были зачислены въ «Данстерфорсъ», силы ген. Данстервиля.

Какъ-то, идя по залитой солнцемъ пыльной и немощеной улицѣ Казвина, я столкнулся съ двумя оборванными, грязными, звѣрскаго вида красноармейцами, вооруженными винтовками. Отъ неожиданности опѣшилъ, сталъ всматриваться... и вдругъ за грязью и густой растительностью на лицахъ разсмотрѣлъ знакомыя и дорогія черты двухъ большихъ друзей и соплавателей, старшаго лейтенанта Н. В. Потолова и лейтенанта П. М. Ротаста, оба Балтійскаго Флота. Потащилъ ихъ въ нашъ домикъ. Разспросамъ и разсказамъ не было конца. Оказалось, что ими руководили тѣ же цѣли, что и нами, но добрались они въ Персію другимъ путемъ, чрезъ Владикавказъ — Энзели — Рештъ. Двигались то пѣшкомъ, то ползкомъ, то поѣздомъ, разыгрывая самыя разнообразныя роли въ зависимости отъ обстановки, подвергаясь неисчислимымъ опасностямъ, часто на волосокъ отъ гибели. Подъ Рештомъ, уже въ Персіи, сумѣли обмануть бдительность персидскаго бандита Кучикъ-хана, иначе попали бы къ нему въ руки и врядъ ли выбрались бы живыми. Этотъ Кучикъ-ханъ расположился вдоль дороги Энзели-Рештъ и, помимо богатыхъ персовъ, спеціализировался еще на ловлѣ и ограбленіи русскихъ бѣ-

женцевъ. Его отряды представляли изъ себя довольно большую и прекрасно вооруженную силу.

Потолова и Ротаста мы привели общими усиліями въ человѣческій видъ и на слѣдующій день, послѣ долгихъ дебатовъ, направили къ Данстервилю. Та же исторія, что и съ нами, и оба вступаютъ въ наши ряды. Разговоръ съ Данстервилемъ былъ типично Потоловскаго типа. Какъ потомъ выяснилось, Данстервиль, не потрудившись объяснить въ чемъ дѣло, заявилъ просто, какъ въ свое время намъ, что или оба поступятъ въ его отрядъ, или останутся въ Казвинѣ безъ дѣла, но дальше никуда двинуться не смогутъ. На это Потоловъ сказалъ со спокойной улыбкой, что недостаточное знаніе англійскаго языка не даетъ ему возможности оцѣнить заявленіе генерала англійскимъ словомъ, но что по-русски это называется «шантажъ». Немного понимавшій русскій языкъ Данстервиль, еще болѣе любезно улыбнувшись, сказалъ, что по-англійски это называется «блэкмейлъ». Послѣ чего всѣ разсмѣялись, но Данстервиль счелъ нужнымъ дать Потолову и Ротасту подробныя объясненія относительно цѣлей «Данстерфорса».

Казвинъ кипѣлъ накапливающимися силами «Данстерфорса» и присоединившимся къ нему отрядомъ генерала Бичерахова. Затрудняюсь сказать, какъ этотъ отрядъ очутился здѣсь, и откуда онъ появился. Это была русская часть, въ достаточной мѣрѣ подходившая подъ понятіе дикой вольницы. На регулярную воинскую часть, поднятую, со строгой воинской дисциплиной, они не походили. Коекакая дисциплина у нихъ была, такъ сказать, революціоннаго порядка. Драться съ большевиками они были готовы. Впослѣдствіи этотъ отрядъ, несмотря на всѣ его недостатки, зарекомендовалъ себя въ боевомъ отношеніи довольно хорошо, и въ дѣйствіяхъ дисциплина ихъ была хорошей. Би-

чераховъ насъ не любилъ, чувствуя въ насъ людей другого склада. Мы же нѣсколько сторонились всей этой дикой вольницы, красочныхъ, съ умысломъ неоднородныхъ, нарядовъ, пьянаго дебоширства и нарочитаго отсутствія скромности, той нашей привычной скромности, въ которой воспитывается морская братія, да и всякая достойная своего имени воинская часть.

Въ ожиданіи похода намъ были даны разныя занятія. Мнѣ пришлось быть военнымъ цензоромъ на почтѣ. Кромѣ того, мы были заняты полировкой своего англійскаго языка. Милый Глѣбушка Сергіевскій спеціализировался на отысканіи такихъ англійскихъ словъ, которыхъ и англичане не понимали. Жили мы очень дружно, жадно ловили новости изъ Россіи, дѣлились ими, жарко обсуждали, вѣрили въ себя, съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія на Родину. Наблюдали нравы англійскихъ офицеровъ, перестали при встрѣчахъ привѣтствовать ихъ аккуратно, какъ привыкли, замѣняя это, какъ и они, либо подмигиваніемъ, либо небрежнымъ поднятіемъ руки или стэка, либо простой гримасой. Это потому, что замѣтили, что, когда привѣтствуемъ ихъ по-нашему, выходитъ односторонне, и въ результатѣ какое-то пренебреженіе съ ихъ стороны. Этого не допускаемъ, попытки смотрѣть на насъ сверху внизъ пресѣкаемъ. О какомъ «пренебреженіи» тутъ вообще можетъ быть рѣчь? Мы служимъ Россіи, а они для насъ — случайное средство, эпизодъ. За короткое время, ведя себя съ большой независимостью, мы поставили себя такъ, какъ слѣдовало, и тогда оказалось, что большинство англійскихъ офицеровъ славные ребята и хорошіе товарищи.

Какъ-то раннимъ утромъ мы узнали, что изъ Баку прибылъ англійскій консулъ Макдональдъ. Не ожидая приглашенія, немедля отправились къ нему. Макдональдъ былъ еще въ пижамѣ, заспанный. Забросали его вопросами. Новостей было много. Вскорѣ за волной того, что было когда-то нашей побѣдной Кавказской Арміей, докатившейся разрозненными, грабившими и безчинствовавшими бандами до береговъ Каспія, появились отличныя турецкія войска. Докатившись до моря, банды либо разбѣжались передъ продвигающимися турками, либо стали оказывать кое-какое сопротивленіе. Турки находятся уже на подступахъ къ Баку. Русскіе «революціонные солдаты» растеряны. Есть нѣсколько сравнительно здоровыхъ частей, но командовать некому. Офицеровъ мало, большинство погибло. Бакинцы, прослышавъ про англійскій отрядъ въ Персіи, приглашаютъ его притти на помощь. Какъ, неужели и «пролетаріатъ» тоже приглашаетъ? Да, и пролетаріатъ тоже приглашаетъ. Предъ лицомъ грозной турецкой опасности стали нѣсколько приходить въ себя.

Былъ іюнь 1918-го года. «Бичераховцы» выступили въ походъ на Рештъ, очищать дорогу для «Данстерфорса» отъ бандъ Кучикъ-хана.

Возможно, что читающій эти строки удивится, какъ это собственно случилось, что на сѣверѣ Персіи появились во время русской революціи и міровой войны англійскія войска? Дипломатическій и, такъ сказать, «союзническій» отвѣтъ, несомнѣнно, будетъ доказывать, что появились они съ цѣлью оказать кому-то помощь. Когда-то этому еще можно было вѣрить. Но «принципъ помощи другимъ» не сталъ ли уже давно классическимъ предлогомъ для боль-

шинства націй помогать самимъ себѣ? Безкорыстная помощь — явленіе въ западно-европейской политикѣ, несомнѣнно, необычное, намъ русскимъ, хорошо знакомое изъ родной исторіи. Воспитанные на рыцарскихъ принципахъ, руководившихъ Россіей на протяженіи ея исторіи, мы по самому характеру своему склонны, вѣрнѣе, склонны были, вѣрить въ существованіе подобныхъ рыцарскихъ принциповъ чуть ли не у всѣхъ націй. Идеализмъ, руководившій многими актами помощи, оказанной Россіей другимъ націямъ, былъ, вѣроятно, одной изъ непонятныхъ составныхъ частей загадочной «амъ славъ». Итакъ, откинувъ возможность идеализма, возьмемся въ данномъ случаѣ просто за «дѣло», за «бизнессъ» и подъ этимъ угломъ зрѣнія попробуемъ объяснить присутствіе англійскихъ вооруженныхъ силъ на сѣверѣ Персіи.

Во-первыхъ, несомнѣнный развалъ нашихъ армій на турецкомъ фронтѣ создавалъ угрозу союзникамъ возможностью для турокъ захватить богатый сырьемъ Кавказъ. Это надо было какъ-то предотвратить. Посланныхъ для этого англійскихъ войскъ было недостаточно. Но англичане, несомнѣнно, надѣялись однимъ своимъ появленіемъ подкрѣпить здоровыя русскія части. Пониманія размѣровъ россійской катастрофы въ этомъ было маловато.

Во-вторыхъ, наложить хотя бы временно руку на Бакинскую нефть въ общей кашѣ русской революціи было заманчивой перспективой.

Въ третьихъ, допущеніе турокъ или большевиковъ въ сѣверную Персію создавало въ военное время нѣкоторую угрозу Индіи.

Въ четвертыхъ, можно было по дорогѣ, пользуясь обстановкой, выкорчевать сильное русское вліяніе въ сѣверной Персіи. Можетъ быть, были и другія причины, но и

этихъ какъ будто достаточно. Небезынтересно будетъ кинуть взглядъ на то, что представляло изъ себя русское вліяніе на сѣверѣ Персіи. Въ условіяхъ полувоенной обстановки, въ условіяхъ начавшагося, благодаря русской революціи, развала этого вліянія, трудно было составить себѣ полную картину на основаніи видѣннаго, но и поверхностнаго взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько цѣннымъ было для Россіи это вліяніе, какъ глубоко шли его корни, и какая огромная работа была вложена въ это дѣло. Повсюду были раскинуты русскія колоніи купцовъ, находившіяся подъ защитой «персидскихъ казаковъ», состоявшихъ изъ персовъ, вымуштрованныхъ въ великолѣпные отряды своими начальниками, русскими офицерами. Торговыя колоніи вели очень большую Русско-Персидскую торговлю. Онѣ были культурными оазисами въ достаточно дикой странѣ. Отряды персидскихъ казаковъ были почти всюду единственными надежными органами порядка. Тамъ, гдѣ ихъ не было, царило много произвола и разбоя.

Русскими было проведено нѣсколько большихъ шоссейныхъ дорогъ, имѣвшихъ стратегическое и торговое значеніе. Россія имѣла обширныя рыболовныя и лѣсныя концессіи на персидскомъ берегу Каспійскаго моря. Эти концессіи были великолѣпно оборудованы. На русскомъ языкѣ говорили почти всѣ культурные персы сѣверной части страны. Культурные слои находились вообще подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, и они симпатизировали всему русскому и преклонялись передъ всѣмъ русскимъ. Въ политическомъ отношеніи положеніе Россіи въ сѣверной Персіи было твердымъ.

Русское вліяніе принимало даже неожиданныя и забавныя формы. Такъ, одинъ изъ персидскихъ шаховъ, большой любитель русскаго балета, приказалъ всѣмъ персіан-

камъ носить дома балетныя пачки. Намъ говорили въ Тегеранѣ, что это отнюдь не анекдотъ. Большимъ шикомъ считалось имѣть борзыхъ, что, въ соотвѣтствіи съ нѣкоторой персидской безалаберностью, привело къ тому, что почти всѣ безчисленные уличные псы Тегерана были похожи на изуродованныхъ помѣсью борзыхъ... Псовъ, похожихъ на бульдоговъ, въ сѣверной Персіи встрѣчать не приходилось.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ яснаго, жаркаго дня въ іюнѣ 1918-го года, началась посадка отрядовъ «Данстерфорса» въ небольшіе грузовые Форды. Бичераховъ очистилъ дорогу, разгромивъ разбойничьи банды Кучикъ-хана.

Передъ отъѣздомъ узнали, что въ Энзели, куда весь «Данстерфорсъ» направлялся, уже находились морскіе офицеры во главѣ съ Коммодоромъ Дэвидомъ Норрисъ, Р. Н. (буквы Р.Н., пишущіяся послѣ чина и фамиліи англійскаго морского офицера, означаютъ «Рояль Нэви», т. е. «Королевскаго Флота»).

По пыльному широкому шоссе отличной русской постройки двинулась безконечная лента автомобилей, нѣсколько лентъ, такъ называемые «Кѳнвой». Въ нашемъ «Кѳнвой» было сорокъ машинъ. Почти одновременно, даже нѣсколько раньше, двинулись также отряды «Данстерфорса» изъ Хамадана.

Ночь застала насъ въ какомъ-то маленькомъ персидскомъ мѣстечкѣ. Переночевали кое-какъ и на разсвѣтѣ двинулись дальше.

Дорога стала гористой. Жара, пыль, какъ дымовая завѣса. Въ полдень остановились, чтобы закусить. Ищу Потолова и нахожу его у придорожнаго ручейка. Поставивъ бритвенныя принадлежности на камень, примостившись на другомъ, приставивъ зеркальце къ скалѣ, бреется съ совершенно невозмутимымъ видомъ. Только въ глазахъ пострѣливаютъ веселые огоньки. Англичане смотрятъ на это зрѣлище съ интересомъ и нѣкоторой растерянностью: — вѣдь времени на закусываніе дано въ обрѣзъ, а тутъ человѣкъ еще старается успѣть побриться. Вода въ ручейкѣ ледяная.

— Ты что это вдругъ на бритье взбодрился? — спрашиваю.

— А это я, братъ, хитро устраиваю, чтобы англичане не задавались.

Такъ и пріѣхалъ въ Энзели единственнымъ бритымъ изъ всего отряда.

Стали попадаться многочисленные трупы, оттащенные съ дороги въ кусты: убитые Бичераховцами воины Кучикъ-хана. «Конвой» ускорилъ движеніе, трупы издавали невыносимое зловоніе.

На одномъ изъ переваловъ въ Менжильскомъ ущельѣ пришлось подталкивать грузовички, — не вытягивали. Въ этомъ ущельѣ всегда дуетъ сильный вѣтеръ, какъ въ трубѣ, несущій съ собою мелкій песокъ.

Къ вечеру проѣхали Рештъ. Красивый городокъ, весь въ зелени, большія толпы персовъ на улицахъ. Шедшій впереди моего грузовичекъ налетѣлъ на молодую персіанку: пыталась перебѣжать дорогу и попалась. Патетическая, неподвижная фигурка въ черномъ плащѣ, съ открывшимся, блѣднымъ, рѣдко красивымъ лицомъ, раскинутыми

руками. Персы смотрѣли почти безучастно. «Конвой» не остановился, грузовички продолжали держать положенную дистанцію.

Передъ самой темнотой достигли безъ дальнѣйшихъ происшествій Энзели, увидѣли море.

Энзели уже было полно войскъ, прибывшихъ изъ Хамадана. На пароходѣ «Президентъ Крюгеръ» — морской штабъ и С.Н.О. (Синіоръ Нэвль Оффисеръ, — старшій морской офицеръ) Капитанъ Норрисъ, Коммодоръ. На утро явились къ нему, чтобы вступить подъ его командованіе. Маленькій, бритый, щуплый, быстрый, съ умными, быстрыми глазами. Обошелъ насъ всѣхъ, впиваясь въ каждаго глазами. Навѣрное, въ первый разъ въ жизни имѣлъ непосредственное дѣло съ русскими морскими офицерами. Потомъ остановился передъ каждымъ, сталъ быстро закидывать каждаго вопросами о прохожденіи службы и объ участіи въ бояхъ. Онъ намъ понравился.

Норрисъ заявилъ намъ, что скоро будетъ много работы по вооруженію пароходовъ морскими орудіями изъ Багдада, снятыми съ англійскихъ рѣчныхъ канонерокъ. По вооруженію кораблей мы будемъ по нимъ расписаны. Каждый корабль будетъ укомплектованъ, кромѣ русской вольнонаемной команды, еще англійскими офицерами и англійской прислугой къ орудіямъ. Всѣ корабли будутъ подъ Андреевскимъ флагомъ.

Заработали походныя мастерскія, закипѣла предварительная работа по оборудованію, но орудій еще не было.

Сухопутная часть «Данстерфорса» погрузилась на пароходы и отправилась въ Баку. «Данстерфорсъ», не считая его морской части, пока находившейся еще въ зародышѣ, представлялъ изъ себя отрядъ изъ, приблизительно,

3.000 солдатъ при соотвѣтствующемъ числѣ офицеровъ. У отряда была своя полевая артиллерія.

Въ Энзели шла организаціонная работа по оборудованію морской базы. Стали прибывать орудія, оказавшіяся четырехдюймовками полубашеннаго типа, устарѣлаго образца. Первымъ начали вооружать пароходъ «Вентюръ». Основаніями для орудій приспособили небольшія береговыя бензиновыя цистерны, разрѣзанныя пополамъ. Вышло недурно.

Небезынтересно замѣтить, что впослѣдствіи нѣкоторые пароходы были переименованы англичанами, давшими имъ англійскія названія, въ родѣ «Уиндзоръ Кастль». Но пароходъ, «Президентъ Крюгеръ», на которомъ все время помѣщался англійскій морской штабъ, переименованъ не былъ. Когда объ этомъ заходили разговоры, Коммодоръ Норрисъ неизмѣнно говорилъ, что ему особенно пріятно держать свой флагъ на русскомъ пароходѣ, названномъ въ честь врага Англіи, и на этомъ пароходѣ помогать Россіи. Какъ мы уже говорили въ «Введеніи», помощь, конечно, бываетъ разная. Портретъ послѣдняго президента буровъ, Крюгера, остался висѣть въ каютъ-компаніи, и умными, серьезными, много видѣвшими глазами человѣка, много пережившаго ради своей родины, смотрѣлъ долгіе мѣсяцы на то, что происходило въ этой каютъ-компаніи. Происходило въ ней немало.

Какъ-то меня вызвали на «Крюгеръ» къ Норрису.

— Даю вамъ первое боевое заданіе, — сказалъ онъ мнѣ. — Вы примите командованіе взводомъ солдатъ и съ ними пойдете на пароходѣ такомъ-то (названіе не помню)

въ Ашуръ-Аде. На этомъ островѣ находится русская радіо-станція. Мы получили свѣдѣнія, что русскіе матросы, обслуживающіе эту станцію, — большевики. Мы не можемъ допустить, чтобы у насъ подъ бокомъ была большевицкая радіо-станція. Ваша задача — снять аппараты, не стѣсняясь примѣненіемъ силы. Аппараты доставите сюда. Съ командой радіо-станціи можете поступить, какъ найдете нужнымъ.

Необходимо замѣтить, что островъ Ашуръ-Аде находится въ Персіи, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, недалеко отъ русской границы, въ очень неспокойномъ мѣстѣ. Самъ островъ съ радіо-станціей принадлежалъ Россіи. Мнѣ было извѣстно, что на материкѣ, противъ острова, находится русская торговая колонія, отнюдь не большевицкая. Казалось, что если матросы радіо-станціи стали большевиками, то положеніе русской торговой колоніи должно было оказаться очень тяжелымъ. Вѣдь, съ начала русской революціи, персы на югѣ Каспійскаго моря стали очень агрессивными въ отношеніи русскихъ купцовъ, мечтали о захватѣ ихъ имущества. Разбойнаго элемента среди персовъ въ долинѣ Мазандаранъ и въ близлежащихъ Эльбурскихъ горахъ было сколько угодно. Уже во время нашего путешествія изъ Мешедессера въ Тегеранъ мы наслышались много разсказовъ обо всѣхъ этихъ опасностяхъ отъ русскаго офицера, начальника отряда Персидскихъ казаковъ, расположеннаго въ городкѣ Барферушъ. Много русскихъ жизней погибло отъ руки всякихъ персидскихъ темныхъ и жадныхъ элементовъ, понявшихъ, что за мирными и зажиточными колоніями русскихъ купцовъ нѣтъ больше Великой Россіи. Персидскіе казаки стали тоже мало-надежнымъ элементомъ. Того и гляди, перерѣжутъ своихъ русскихъ начальниковъ.

Ашуръ-Аде, вѣрнѣе, городокъ, расположенный противъ этого острова, былъ такимъ неспокойнымъ мѣстомъ. Казаковъ тамъ не было, но русская радіо-станція, въ случаѣ нужды, могла вызвать помощь, могла связаться съ нашими канонерками. Если теперь эта радіо-станція стала большевицкой, то какой помощи отъ нея могла ожидать русская торговая колонія?

Погрузивъ взводъ англійскихъ солдатъ, такъ называемыхъ «Томми», слушавшихся безпрекословно, вышелъ въ море. Познакомился съ капитаномъ парохода, старымъ Каспійцемъ. Вышли мы въ море къ ночи и на всякій случай шли безъ огней. Сильно валяло, «Томми» страдали отъ качки, но храбрились. Отъ капитана узналъ разныя подробности объ Ашуръ-Аде.

Раннимъ утромъ подошли къ острову, еще только стало чуть свѣтлѣть. Было пасмурно, но начало распогоживаться. Спустили шлюпку, посадилъ въ нее солдатъ, пошли къ острову. Пока мы приближались къ берегу, команда радіостанціи, оказавшаяся немногочисленной, высыпала на берегъ. Смотрятъ съ любопытствомъ на невиданныя формы. Никакой враждебности не проявляютъ. Взялъ съ собою двухъ «Томми», остальныхъ оставилъ въ шлюпкѣ. Принимаютъ меня за англичанина, — вѣдь я въ англійской формѣ. Думаю, такъ лучше, пусть думаютъ до поры до времени, что я англичанинъ, хорошо говорящій по-русски. Вижу, люди по видимости не вооружены. Завязывается разговоръ. Собственно, завязываютъ его они. Выражаютъ радость, что мы прибыли. Что за чертовщина, думаю. Вызываю старшаго, оказавшагося кондукторомъ. Отхожу съ нимъ въ сторону. Матросы продолжаютъ разсматривать моихъ «Томми», тѣ разсматриваютъ матросовъ и ждутъ распоряженій. Патроны у нихъ на всякій случай досланы,

по одному моему слову начнутъ дѣйствовать, но никакой нервности не проявляютъ.

Старшина радіо-станціи говоритъ со мною съ достоинствомъ, спокойно. Разсказываетъ положеніе на посту и на берегу. Изъ его разсказа начинаю понимать, что большевиковъ тутъ, какъ будто, и въ поминѣ нѣтъ. Провѣряю впечатлѣніе всячески, — нѣтъ, здѣсь какое-то недоразумѣніе. Старшина надѣется, что мы прибыли командѣ поста на подмогу, а то, говоритъ, «ужъ очень обнаглѣли персюки, того и гляди, начнутъ нападать на самую станцію. Подмоги же получить негдѣ. Телеграммы съ просьбою о помощи могутъ остаться безъ всякаго отвѣта. Не тѣмъ «тамъ» теперь заняты, у «нихъ» тамъ головы забиты всякими митингами, Рассею передѣлываютъ, такъ ихъ растакъ, не до насъ имъ, сами норовятъ какъ бы государственное имущество растаскать, не то, что защитить. А что, скажите на милость, сможемъ мы тутъ съ малымъ отрядомъ подѣлать, какъ начнутъ русское населеніе на берегу вырѣзать? Самихъ, того гляди, вырѣжутъ въ первую голову...» Вотъ это здорово, — думаю. Не говорю ни слова о моей миссіи. Хочу повидать людей на берегу, провѣрить. Иду къ шлюпкѣ, отваливаемъ, идемъ къ берегу.

На берегу повезло. Наткнулся на того русскаго чиновника, который послѣ нашего освобожденія изъ-подъ ареста въ Мешедессерѣ (откупились мы тогда, персидская полиція оказалась довольно сговорчивой въ принципѣ, но жадной не по чину) пригласилъ насъ въ свой уютный домикъ, накормилъ и далъ цѣнныя указанія, какъ дѣйствовать и двигаться дальше. Оба другъ-другу обрадовались. Удивляется, что я въ такой формѣ и что я вообще здѣсь. Со своей стороны высказываю удивленіе, что онъ здѣсь, а не въ Мешедессерѣ. Оказалось, тамъ житья не стало отъ

персовъ, и онъ съ семьей переселился сюда подъ защиту команды радіо-станціи.

Замѣчаю, что, то здѣсь, то тамъ собираются кучки персовъ, смотрятъ враждебно. Иду къ чиновнику въ домъ, разставляю караулъ изъ четырехъ солдатъ вокругъ дома, остальные «Томми» подхарчиваютъ на кухнѣ и заваливаются спать въ кустахъ сада. Погода совсѣмъ прояснилась, печетъ солнце.

Мы сидимъ на террасѣ домика. Слушаю подробный разсказъ о положеніи на берегу.

«Радіо-станція на островѣ — одна наша надежда, безъ нея всѣ русскіе здѣсь пропадутъ. Большевиковъ на станціи нѣтъ, все хорошіе ребята, свою задачу понимаютъ. Это аванпостъ Россіи. Сами понимаете, дряни сюда не посадили бы. Только долго ли продержатся?»

Выпили чаю съ чудеснымъ медомъ. Пришелъ какой-то русскій человѣчекъ. Познакомились. Говоритъ, что среди персовъ волненіе: мѣстная соціалъ-демократическая партія (Отдѣлъ Персидской с.-д. партіи. Оказалось, что и здѣсь такая прелесть имѣется) созвала экстренное совѣщаніе: вѣдь сенсація — англичане появились. Стараются догадаться, зачѣмъ.

«Ну что тутъ, въ концѣ концовъ, долго думать, — говорю себѣ. Все ясно, надо дѣйствовать соотвѣтственно».

— Вотъ что, — говорю, — скажите персюкамъ, что въ Энзели находятся большіе отряды англичанъ. Мой отрядъ посланъ былъ сюда, чтобы узнать, не обижаютъ ли персы русскихъ. Передайте имъ, что я радъ былъ узнать, что здѣсь все спокойно, и что я надѣюсь, что это спокойствіе не нарушится, въ противномъ случаѣ могутъ произойти очень крупныя непріятности.

Прощаюсь, упаковываю своихъ «Томми» на шлюпку, идемъ опять на островъ, выхожу одинъ. Вызываю старшину.

— Англійское командованіе въ Энзели получило свѣдѣнія, что ваша команда — большевики, — говорю ему. — Я получилъ распоряженіе снять аппараты.

На лицѣ старшины ужасъ.

— Но здѣсь явное недоразумѣніе, — продолжаю. — Я аппаратовъ не трону. Не говорите никому о томъ, что я вамъ сказалъ, а наоборотъ, сообщайте всѣмъ, кто спроситъ, что въ Энзели находятся большіе англійскіе отряды, и что я былъ здѣсь, чтобы провѣрить, все ли спокойно. Надѣюсь, что и никто другой вашей станціи не тронетъ. Но кто знаетъ? Богъ въ помощь!

Подавленный и сумрачный старшина провожаетъ меня до шлюпки.

Возвращаемся на пароходъ. Ложимся на курсъ Энзели. Волна почти совсѣмъ улеглась. Море ласково.

«Знали «союзнички» или не знали? Знали ли они, милые, или не знали?» — сверлятъ голову мысли. Смотрю съ щемящимъ чувствомъ на удаляющееся Ашуръ-Аде. «Нѣтъ, не можетъ быть, здѣсь очевидна неправильная информація». Долго стою на палубѣ. Въ другую сторону отъ берега, далеко за горизонтомъ, Россія, вся въ мукахъ, вся въ огнѣ и крови.

«Или это была проба? Являемся ли мы, русскіе морскіе офицеры, матеріаломъ, на который можно разсчитывать, какъ на безоговорочныхъ исполнителей приказаній, безъ вниканія въ ихъ смыслъ?»

Являюсь Коммодору. Мраченъ. «Уже знаетъ отъ солдатъ», — думаю. Докладываю, что не исполнилъ приказанія, такъ какъ основаніе, на которомъ оно было дано, най-

дено несоотвѣтствующимъ дѣйствительности. Информація была ошибочной, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія. Никакихъ подробностей не спросилъ. Смотритъ на меня остро, жуетъ губами. Молчу, жду, что скажетъ, смотрю ему прямо въ глаза. Молчитъ и онъ. Забавную картину представляли мы оба, навѣрное. Два морскихъ офицера, каждый служащій своей Родинѣ, «союзники». Потомъ сказалъ коротко: «Олрайтъ», — повернулся и ушелъ. Я думалъ, что отношенія испортятся. Но этого по-видимости не случилось.

У всѣхъ у насъ послѣ этого случая появилась настороженность, разъ и навсегда.

Дальнѣйшая судьба ставшаго такимъ близкимъ Ашуръ-Аде мнѣ не извѣстна. Не у кого было узнать, да и вихрь наставшихъ событій вытѣснилъ Ашуръ-Аде изъ мыслей.

Въ скоромъ времени штабъ Коммодора Нориса отправился въ Баку. Шли на двухъ пароходахъ — «Президентѣ Крюгерѣ» и «Орлѣ». Передъ выходомъ на «Крюгерѣ» были поставлены четыре четырехдюймовыхъ сухопутныхъ орудія.

Уже при подходѣ, въ Баку слышенъ былъ отдаленный гулъ артиллерійской стрѣльбы. Городъ былъ обложенъ войсками турецкаго генерала Нури-паши.

Нашъ фронтъ былъ въ рукахъ русскихъ, главнымъ образомъ, армянскихъ частей, какъ мѣстнаго Бакинскаго происхожденія, такъ и дезертировъ съ турецкаго фронта, также отряда Бичерахова и «Данстерфорса». Ходили слухи, что силы Нури-паши значительно превосходятъ силы нашей стороны. Фронтъ постепенно приближался къ городу, и вскорѣ турецкіе снаряды стали накрывать самый городъ. Населеніе настолько привыкло къ обстановкѣ по-

стоянной опасности, къ стрѣльбѣ и рѣдкимъ разрывамъ снарядовъ на улицахъ, что жизнь въ городѣ шла почти нормально. Многіе, однако, уѣхали, большей частью въ Красноводскъ, побросавъ свои квартиры на произволъ судьбы.

Наша работа въ Баку была опять-таки подготовительной. Корабли вооружались въ разныхъ портахъ и не были еще готовы. Въ Энзели вооружались «Вентюръ» и «Алла Верды», въ Красноводскѣ — «Азія». Гдѣ-то еще вооружался теплоходъ «Эмануилъ Нобель», самый мощный изъ всѣхъ. Наши канонерки, исключая «Ардаганъ», работали противъ турокъ гдѣ-то подъ берегомъ въ направленіи Петровска. «Ардаганъ» находился въ Баку и изрѣдка выходилъ обстрѣливать турецкія позиціи. Въ одномъ изъ такихъ выходовъ принялъ участіе также и Коммодоръ Норрисъ, взявшій меня съ собою.

Къ шести часамъ яснаго и спокойнаго утра мы съ Норрисомъ сѣли въ катеръ и отправились на «Ардаганъ», стоявшій подъ парами на внутреннемъ рейдѣ. Выйдя съ рейда, мы пошли вдоль берега въ сторону Энзели, и вскорѣ застопорили машины на траверсѣ какого-то желѣзнодорожнаго моста. На берегу не было видно никого. «Ардаганъ» открылъ стрѣльбу по мосту и съ перваго залпа его накрылъ. Стрѣльбой командовалъ незнакомый мнѣ молодой офицеръ, поручикъ по адмиралтейству. Коммодоръ былъ восхищенъ. Съ лица его даже сошла презрительная усмѣшка, появившаяся при видѣ совершенно отвратительной грязи на кораблѣ и разнузданнаго вида команды. Революція не только морально разложила команды кораблей, но она физически испачкала корабли. Отъ былой щепетильной чистоты не осталось слѣда. Отъ былого веселаго, подтянутаго, молодцеватаго и чистаго вида команды тоже

не осталось слѣда. Это была какая-то банда разнородно и грязно одѣтыхъ людей, мрачныхъ и насупленныхъ, шляющихся съ папиросками въ зубахъ. Родной Андреевскій флагъ, данный флоту Великимъ Петромъ, свидѣтель славы и подвиговъ, все еще украшалъ флагштокъ. Сталъ свидѣтелемъ позора.

Молодой поручикъ-артиллеристъ постарался: мостъ былъ разнесенъ въ короткое время, что должно было затруднить подвозъ турецкихъ подкрѣпленій съ этой стороны Баку.

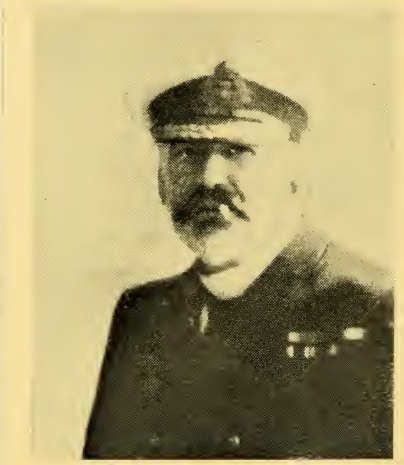
Стрѣльба по городу становилась все серьезнѣе. Фронтъ приближался. Въ городѣ начала проявляться усиливающаяся нервность, особенно среди армянъ. По слухамъ, бакинскіе татары готовились къ новой армянской рѣзнѣ. Было очень похоже на то, что татары ждутъ взятія города турками съ нетерпѣніемъ. Говорили, что въ войскахъ Нури-паши находится много бакинскихъ татаръ. Очень правдоподобнымъ было предположеніе, что стрѣльба по городу корректируется сигналами изъ самаго города. Какая-то турецкая батарея стала обстрѣливать снарядами малаго калибра пристань и набережную, у которыхъ стояли наши пароходы. Во время обстрѣловъ пароходы нѣсколько отходили отъ берега. Попаданій не было. Орудія съ «Президента Крюгера» были отправлены на фронтъ.

Магометанскій праздникъ (кажется, «Рамазанъ»), пришедшійся на это время, чуть не кончился рѣзней, но хотя и началась дикая праздничная стрѣльба въ воздухъ, кромѣ нѣсколькихъ одиночныхъ убійствъ, ничего не произошло.

Несмотря на явную и постоянную перемѣну обстановки къ худшему, англичане не допускали мысли о возможности сдачи Баку. Все же Коммодоръ сообщилъ намъ, что если положеніе станетъ безнадежнымъ, то намъ разрѣшается

взять на пароходы небольшое число родственниковъ или близкихъ знакомыхъ.

Къ сожалѣнію, у меня не сохранилось записокъ, относящихся къ этому времени, и поэтому затрудняюсь сказать, какого именно числа, осенью 1918-го года, Баку было взято турками. За два дня до этого все казалось находящимся въ томъ же положеніи, что и въ теченіе всей предыдущей недѣли. Коммодоръ отправилъ въ Энзели Инженеръ-Командера О'Догерти на какомъ-то маленькомъ пароходикѣ,



О'Догертн.

давъ заданіе провѣрить работы и, кромѣ того, привезти изъ Энзели въ Баку деньги. Сопровождать его Коммодоръ назначилъ меня. Кстати, объ этихъ деньгахъ. Въ Персіи всѣ получали деньги въ персидской валютѣ, но, со времени прибытія въ Баку, ихъ замѣнили русскія деньги, бумажныя, такъ называемыя «Царскія», въ отличіе отъ «Керенскихъ» и Бакинскихъ денежныхъ боновъ. Видъ у «Царскихъ» кре-

дитныхъ билетовъ былъ чрезвычайно новый, настолько, что они не только хрустѣли, но въ пачкахъ чуточку склеивались. До того, какъ они къ намъ попадали, въ употребленіи они не были.

По дорогѣ въ Энзели я спросилъ, между прочимъ, у О'Догерти, какимъ путемъ эти деньги попадаютъ въ Энзели. «Изъ Басры, конечно», отвѣтилъ онъ. Очень подмывало спросить, какъ онѣ попадаютъ въ Басру и... гдѣ онѣ печатаются. Но онъ, вѣроятно, этого не зналъ, и такой вопросъ послужилъ бы только къ никчемной порчѣ отношеній.

О'Догерти оказался нарѣдкость милымъ, высоко-образованнымъ, культурнымъ человѣкомъ, какъ-то чутьемъ, не въ примѣръ многимъ другимъ, понявшимъ нашу русскую трагедію. Онъ сталъ впослѣдствіи нашимъ общимъ другомъ, съ которымъ мы иногда позволяли себѣ роскошь быть нѣсколько откровеннѣе. Онъ этимъ довѣріемъ никогда не злоупотребилъ. Пожалуй изъ всѣхъ англійскихъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ, съ которыми намъ пришлось сталкиваться, онъ былъ единственнымъ, способнымъ разсматривать и оцѣнивать событія не только съ узко-англійской точки зрѣнія и не только подъ угломъ чисто англійскихъ интересовъ.

Энзели показалось какимъ-то пустымъ. Весь «Данстерфорсъ» былъ на Бакинскомъ фронтѣ, резервовъ не было никакихъ. Пароходы доканчивали вооруженіе и перестройку помѣщеній.

На берегу насъ ждала новость, поразившая какъ громомъ: Баку взято турками.

Потянулись томительные, тяжелые дни, полные непередаваемаго трагизма. Пришелъ «Президентъ Крюгеръ»,

вслѣдъ за нимъ въ Энзели пришли изъ Баку еще нѣсколько пароходовъ съ остатками разбитаго «Данстерфорса». Затѣмъ стали приходить пароходы, сверхъ всякаго предѣла забитые бѣженцами изъ Баку.

Первые пароходы были впущены въ рѣку, но скоро не оказалось мѣста, да и эпидеміи, вспыхнувшія среди бѣглецовъ, благодаря ужаснымъ условіямъ, не позволяли ставить пароходы рядомъ съ другими. Ихъ заставляли становиться на якорь на внѣшнемъ рейдѣ. Тамъ они мотались на волнѣ. На берегу былъ наскоро устроенъ лагерь, и туда постепенно ссаживали бѣженцевъ съ пароходовъ.

Пароходы все прибывали и прибывали. Ихъ видъ былъ непередаваемъ. Это были все грузовые пароходы, имѣвшіе помѣщенія для единичныхъ пассажировъ. Между тѣмъ, на каждомъ пароходѣ число бѣженцевъ измѣрялось сотнями и тысячами. Всѣ помѣщенія, трюмы, палубы, коридоры были забиты до отказу. Чтобы двигаться по пароходу, надо было шагать чрезъ сидящихъ или лежащихъ, шагать чрезъ умирающихъ. Питьевой воды не хватило въ первый же день выхода изъ Баку. Пища, наскоро захваченная кое-кѣмъ съ собою, тоже быстро изсякла. Люди были вынуждены бросить все свое имущество на произволъ судьбы. Множество семей оказалось раздѣленными, много родныхъ осталось въ Баку. Ужасную картину представляли собою дѣти, которыя были во множествѣ, начиная съ грудныхъ, на всѣхъ пароходахъ. Немало было самоубійствъ и случаевъ сумасшествія. Матери бросали грудныхъ дѣтей за бортъ, не выдерживая вида ихъ страданій, ихъ крика. Многія матери, да и мужчины бросались за бортъ. Многіе умирали на борту.

Постепенно всѣхъ бѣженцевъ перевели на берегъ, въ лагерь. Помѣщеній для нихъ не было, и этотъ лагерь являлъ собою пеструю и невѣроятную трагическую картину, осо-

бенно въ первые дни. Постепенно наладилось снабженіе пищей, кое-какъ были устроены палатки.

Наши пароходы тоже прибыли переполненные знакомыми и родными русскихъ офицеровъ. Но это были пассажирскіе пароходы, и здѣсь, несмотря на тѣсноту, было нѣкоторое подобіе комфорта. Паденіе Баку произошло внезапно, благодаря тому, что русскіе «революціонные солдаты» подались и открыли часть фронта. Силы генерала Данстервиля не смогли выровнять положеніе, рискуя быть отрѣзанными отъ города, и началось безпорядочное отступленіе. Сильнѣйшая бомбардировка зажгла Баку во многихъ мѣстахъ. На плечахъ отступавшихъ турки вошли въ городъ, и началась неописуемая паника среди населенія. Спѣшно погрузившіеся остатки «Данстерфорса» уходили на пароходахъ въ море подъ грохотъ орудійной и пулеметной стрѣльбы.

Баку подверглось страшному разгрому и грабежу. Бичераховскіе партизаны отошли, прорвавшись черезъ фронтъ, на Петровскъ.

Подробности хозяйничанія турокъ и татаръ въ первые дни по взятіи города стали намъ извѣстны впослѣдствіи. Особенно ужасна была участь русскихъ и армянскихъ дѣвушекъ. Насилія и убійства сопровождались страшной жестокостью. Особенно отличались полудикіе турецкіе курды. Погромъ, грабежъ и массовыя убійства продолжались съ недѣлю и начали утихать только, когда Нури-паша сталъ вѣшать грабителей и убійцъ на улицахъ Баку на уцѣлѣвшихъ фонарныхъ столбахъ. Эти повѣшенные не снимались, а продолжали висѣть долгое время, для устрашенія.

Пароходы съ бѣженцами продолжали прибывать въ Энзели. Оказалось, что многіе пароходы пошли изъ Баку въ другіе порты, но нигдѣ бѣженцамъ не позволяли выса-

живаться. Послѣдніе пароходы, проскитавшіеся по Каспійскому морю дольше другихъ, представляли изъ себя плавучіе сумасшедшіе дома.

Въ одинъ изъ этихъ дней произошла въ Энзели церемонія прощанія ген. Данстервиля съ остатками его отряда. Солдаты, матросы, морскіе и сухопутные офицеры, въ томъ числѣ и мы, были выстроены въ карэ, и генералъ сказалъ рѣчь, прощаясь и благодаря за службу. Всѣ были мрачны. Всѣ знали уже, что высшее начальство выразило генералу неудовольствіе по телеграфу, и что генералъ отзывается, кажется, въ Месопотамію. Невольно шевельнулось чувство искренняго участія къ генералу, который, въ концѣ концовъ, сдѣлалъ максимумъ того, что можно было сдѣлать съ такимъ малымъ отрядомъ. Конечно, англичане не оцѣнили всей глубины развала, до котораго довела русскую армію революція. Но была ли въ этомъ вина Данстервиля?

Данстервиль говорилъ свою рѣчь прерываясь, стараясь скрыть охватившее его волненіе. Онъ тяжело переживалъ пораженіе, ему тяжело было покидать отрядъ. Надо отдать справедливость, это былъ отличный, дисциплинированный боевой отрядъ.

Если эти строки когда-нибудь дойдутъ до генерала (не знаю, ни гдѣ онъ, ни живъ ли онъ), пусть узнаетъ, что многія и многія сотни русскихъ людей считаютъ себя спасенными имъ отъ смерти тѣмъ, что онъ организовалъ помощь и питаніе Бакинскихъ бѣженцевъ въ Энзели. Сами мы безъ этой организаціи были безсильны. У насъ не было ни средствъ, ни возможностей.

Съ отъѣздомъ Данстервиля прекратилъ свое суще-

ствованіе «Данстерфорсъ». На его мѣстѣ нарождалась новая «Форсъ», съ новыми войсками, новымъ начальствомъ, новыми задачами и новымъ названіемъ. Этой новой «Форсъ» пришлось сыграть доминирующую роль въ военной и политической жизни на водахъ и берегахъ Каспійскаго моря въ теченіе долгихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ.

Коммодоръ Норрисъ уѣхалъ въ Хамаданъ. Вооруженіе пароходовъ продолжалось. Старшимъ по морской части сталъ новый С. Н. О., капитанъ Вашингтонъ (Уошингтонъ), Р. Н.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Среди безпрерывно прибывавшихъ новыхъ войскъ было много цвѣтныхъ изъ Индіи. Среди нихъ былъ отрядъ Гуркосовъ, съ ихъ характерными кривыми ножами, которыми, какъ разсказывали, они мастерски пользовались въ рукопашномъ бою. Формирующаяся армія получила названіе «Норперфорсъ» («Норсъ Першіанъ Форсизъ») — Сѣверо-Персидской Силы.

Вооруженіе пароходовъ въ Энзели приходило къ концу, и насъ, русскихъ морскихъ офицеровъ, «прикомандированныхъ къ Королевскому Флоту», какъ мы официально назывались, стали расписывать по кораблямъ. Былъ октябрь 1918-го года. Меня назначили на «Алла Верды», пароходъ водоизмѣщеніемъ что-то около 1800 тоннъ. Вооруженіе — два четырехдюймовыхъ орудія, привезенныхъ изъ Багдада. Ходъ около десяти узловъ. Плохіе котлы, хорошая машина. Наименьшая осадка на ровный киль — 8 футовъ. На кораблѣ былъ установленъ безпроволочный телеграфъ. Русская команда состояла изъ капитана, коммерческаго моряка, фактически исполнявшаго теперь обязанности штурмана и завѣдывавшаго русской командой, его помощ-

ника, механика, боцмана, рулевыхъ, машинистовъ, кочегаровъ и коковъ (поваровъ). Всего русской штатской команды было 22 человѣка. Британскій экипажъ состоялъ изъ «коменданта», т. е. фактически, командира, Г. Сноу, Лейтенанта Р. Н. Р. (то-есть «Роялъ Нэвль Резервъ»); старшаго офицера, обязанности котораго изображалъ С. Х. Уиндзоръ, Уоррантъ Оффисеръ Р. Н. (т.-е., по-нашему, кондукторъ дѣйствительной службы); комендоровъ, матросовъ, машинистовъ, кочегаровъ, сигнальщиковъ и радіотелеграфистовъ. Всего англичанъ было: одинъ офицеръ запаса, одинъ кондукторъ и 30 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ, по назначенію на «Алла Верды» я оказался единственнымъ кадровымъ офицеромъ на кораблѣ. «Алла Верды» стоялъ подъ Андреевскимъ флагомъ.

Явившись на пароходъ, я попросилъ указать мнѣ каюту. Указали на каюту съ надписью: «Интерпретеръ» (переводчикъ). «Очевидно, — думаю, — здѣсь какое-то недоразумѣніе». «Нѣтъ, — говорятъ, — никакого недоразумѣнія, вы назначены сюда переводчикомъ». Не входя въ каюту, поблагодарилъ, забралъ свой чемоданчикъ и, къ удивленію англичанъ, ушелъ на берегъ. Направился прямо въ штабъ. Заявилъ начальнику штаба Уошингтона, что прошу меня на службѣ болѣе не числить, такъ какъ британское командованіе не выполняетъ условій договора о нашей совмѣстной работѣ. Начальникъ штаба высоко поднялъ брови, посмотрѣлъ на меня ничего не понимающимъ взглядомъ и спросилъ, что случилось? Объяснилъ ему, что какъ я, такъ и всѣ другіе русскіе морскіе офицеры, согласились работать съ англичанами, какъ боевые офицеры, по своей спеціальности, и при условіи, что мы будемъ приносить боевую пользу своей Родинѣ, а не чему-либо или кому-либо

другому. Назначеніе переводчикомъ подъ эти понятія не подходитъ ни съ какой стороны. Заявилъ, что категорически отказываюсь выполнять обязанности переводчика, и что если таковой нуженъ, то пусть объ этомъ позаботятся, т. к. никакихъ переводовъ прошу отъ меня не ждать даже подъ видомъ любезности.

Кончилось это тѣмъ, что я былъ официально назначенъ вахтеннымъ начальникомъ, а на каютѣ съ быстротой молніи появилась надпись «Лейтенантъ».

То же самое, съ нѣкоторыми варіаціями, произошло и съ другими нашими офицерами. Во всякомъ случаѣ, подобное начало нашей совмѣстной морской службы съ англичанами наложило отпечатокъ на наши первоначальныя отношенія съ англійскими экипажами вооруженныхъ пароходовъ. Очевидно, были отданы какія-то распоряженія быть осторожными, и первоначальная совершенно комическая спѣсь смѣнилась даже нѣкоторымъ заискиваніемъ. Поняли, что мы, собственно, были, кромѣ всего прочаго, тѣми единственными людьми на корабляхъ, благодаря которымъ на нихъ могъ развѣваться Андреевскій флагъ.

Всѣ наши русскіе морскіе офицеры часто встрѣчались на берегу, дѣлились впечатлѣніями, вырабатывали однообразные методы поведенія и дѣйствій. Мы уже тогда стали ясно сознавать, что наша работа не можетъ ограничиться службой начальниками, что наше положеніе связано съ отвѣтственностью болѣе серьезнаго характера.

Начались плаванія. Первый выходъ вооруженнаго «Алла Верды» въ море состоялся 22-го октября 1918-го года. Мы вышли въ Ленкорань, русское мѣстечко непода-

леку отъ персидской границы, чтобы тамъ встрѣтиться съ «Эмануиломъ Нобелемъ», тоже уже вооруженнымъ. На немъ было установлено двѣ четырехдюймовки и одно орудіе въ 4,7″. Изъ нашихъ офицеровъ на немъ плавалъ лейт. П. М. Ротастъ.

Къ вечеру пришли въ Ленкорань. Не успѣли мы стать на якорь, какъ къ намъ подошла шлюпка съ солдатами, членами мѣстнаго «солдатскаго комитета», чтобы узнать, кто мы такіе и зачѣмъ пришли. Солдаты были сильно удивлены, что на «Алла Верды» оказалось столько вольнаго народа въ невиданныхъ формахъ, и что пароходъ оказался вооруженнымъ морскими орудіями. Ленкоранскіе солдаты имѣли распущенный, неопрятный и непривѣтливый видъ.

На утро мы вышли въ море вмѣстѣ съ «Нобелемъ» и начали съ нимъ маневрировать. Выяснилось, что «Нобель» менѣе поворотливъ и хуже ходитъ. Послѣ маневровъ разстались съ «Нобелемъ» и пошли одни на Остъ, пятиузловымъ ходомъ. Понемногу стало свѣжѣть, приближался штормъ. «Алла Верды» держался на волнѣ довольно прилично. Всю ночь провели въ морѣ, пріучая русскую команду къ условіямъ походной жизни на военномъ кораблѣ. Къ утру разразился довольно сильный штормъ. Мы повернули обратно на Ленкорань. «Алла Верды» тяжело плюхался въ провалы между волнъ и иногда дрожалъ всѣмъ корпусомъ.

У Куринскаго Камня встрѣтили «Нобеля». Онъ, повидимости, нѣсколько лучше нашего выносилъ штормъ. Зайдя за островъ Сара, гдѣ было тише, мы стали на якорь.

На рейдѣ стояло на якорѣ два парохода, занятыхъ погрузкою. Я отправился узнать, кто они такіе и чѣмъ и для кого грузятся. Оказалось, что оба парохода были посланы сюда Бичераховымъ изъ Петровска, и что они грузятся мукой для его отряда и для населенія города. Мнѣ сообщили

на пароходахъ, что весь Бичераховскій отрядъ расположенъ на подступахъ къ Петровску и защищаетъ его отъ наступающихъ со стороны Баку войскъ Нури-паши. Войска эти состоятъ уже не только изъ регулярныхъ турецкихъ частей, но что въ нихъ входятъ крупные отряды мѣстныхъ татаръ, назвавшихъ себя «Азербейджанцами». На пароходахъ разсказывали, что послѣ взятія Баку турками, мѣстные татары объявили независимость и устроили нѣчто въ родѣ самостійной республики подъ названіемъ «Азербейджанъ» со столицею Баку. Этотъ «Азербейджанъ» заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Турціей, а въ командованіе соединенными войсками вступилъ Нури-паша. Эти-то войска и наступали на защищаемый Бичераховцами Петровскъ съ цѣлью присоединить этотъ городъ къ своей «Азербейджанской республикѣ». По словамъ служащихъ пароходовъ, силы наступающихъ значительно превосходили силы обороняющихся.

Капитаны пароходовъ не ожидали какихъ-либо препятствій при возвращеніи въ Петровскъ, т. к. у Нури-паши не было никакихъ пароходовъ, тогда какъ у Бичерахова были всѣ русскія Каспійскія канонерки, и въ добавокъ къ нимъ, нѣсколько вооруженныхъ самимъ Бичераховымъ большихъ коммерческихъ пароходовъ.

Въ Ленкорани мы простояли до ночи. Въ этомъ прибрежномъ мѣстечкѣ царствовало революціонное настроеніе. Когда Ротастъ былъ на берегу, къ нему отнеслись враждебно. Обвинили въ томъ, что онъ «продался имперіалистамъ».

Среди населенія деревень по близости Ленкорани свирѣпствовала малярія. Медицинская помощь была безсильна, такъ какъ не было никакихъ медикаментовъ, и получить ихъ было неоткуда. Смертность среди населенія, особенно дѣтей, была огромна.

Къ ночи насъ телеграфно направили въ Тула-Рудъ, мѣстечко въ Персіи, гдѣ находится большое русское лѣсопильное дѣло. Здѣсь мы остались до 30-го октября, наблюдая за погрузкой лѣсныхъ матеріаловъ, потребныхъ для мастерскихъ въ Энзели, на баржу и пароходъ. Изъ Тула-Руда мы ушли въ Энзели. Здѣсь тѣмъ временемъ начали вооружать пароходъ «Биби-Эйбатъ», меньшій насъ размѣрами, но обладающій лучшими мореходными качествами.

Изъ Красноводска пришла «Азія», вооруженная тамъ однимъ 4,7″ и однимъ 75-миллиметровымъ орудіями.

Въ Энзели мы остались нѣсколько дней, готовясь къ какому-то походу. Знали, что будетъ походъ, но ничего достовѣрнаго не было извѣстно. Приняли полный запасъ горючаго.

Вечеромъ 3-го ноября мы вышли изъ гавани на рейдъ вмѣстѣ съ «Азіей». На ней изъ нашихъ офицеровъ инж.-мех. мичманъ Г. Сергіевскій. Въ 22 часа на рейдъ вышелъ также «Президентъ Крюгеръ», тоже подъ Андреевскимъ флагомъ. На немъ — Капитанъ Уошингтонъ, С. Н. О. Выходя, «Крюгеръ» приткнулся къ мели на барѣ, но скоро снялся.

Построившись въ кильватерную колонну, всѣ три вооруженныхъ парохода легли на курсъ, ведущій на середину линіи Красноводскъ-Баку. Никто на кораблѣ не зналъ, куда и зачѣмъ мы идемъ, даже Сноу. Эта таинственность была непонятна.

4-го ноября въ 17 часовъ, придя на линію Красноводскъ-Баку, встрѣтили «Эм. Нобель» и «Вентюръ», шедшіе изъ Красноводска. Очевидно, здѣсь было назначено рандеву съ ними. Построившись въ двѣ кильватерныя ко-

лонны, легли на курсъ нѣсколько восточнѣе Петровска. Похоже было на то, что нашей цѣлью является Петровскъ, но въ такомъ случаѣ мы не держимъ прямо на него? Сноу, которому я задалъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ, что въ англійскомъ флотѣ существуетъ манера держаться вдали отъ берега.

На слѣдующій день въ морѣ провѣряли на кораблѣ боевое расписаніе. Въ первый разъ вышелъ по тревогѣ обученный мною трюмно-пожарный дивизіонъ, составленный изъ нашей русской вольнонаемной штатской команды. Никто не ожидалъ, что «товарищи» будутъ такъ быстро, охотно, толково и даже съ нѣкоторымъ щегольствомъ, выполнять приказанія. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ не было ни медлительности, ни тупой оппозиціи, которыхъ можно было ожидать. Ихъ работа напоминала порядки въ родномъ Императорскомъ Флотѣ. Очевидно, вольнонаемная команда вполнѣ оцѣнила обстановку и поняла, что изъ малѣйшей оппозиціи можетъ получиться довольно большая непріятность. Возможно, что повліялъ также случай, бывшій у насъ въ Энзели.

Произошелъ этотъ случай во время нашей послѣдней стоянки въ Энзели. Одинъ изъ вольнонаемныхъ машинистовъ выпилъ лишнее и сталъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, обкладывать всѣхъ и вся, призывая русскую команду къ неповиновенію. Затосковала, очевидно, душа по революціоннымъ подвигамъ. Подвигъ, однако, не особенно удался. У большевиковъ за подобное поведеніе немедленно разстрѣляли бы, здѣсь же никто не помышлялъ прибѣгать къ такимъ крайнимъ мѣрамъ. Два англійскихъ солдата подхватили этого милостивца на руки и бережно снесли его на берегъ. Онъ бился, брыкался, пытался кусаться и оглашалъ тихій вечерній воздухъ совершенно виртуозной ругатней, столь

любезной слуху моряка, но на этотъ разъ истраченной безъ всякой пользы. Машиниста раскачали на рукахъ и бросили въ кусты, гдѣ онъ мягко шлепнулся. Онъ, очевидно, ожидалъ значительно худшаго и, придя въ себя послѣ паденія въ кусты, пустился бѣжать безъ оглядки, подъ оглушительный хохотъ всѣхъ, наблюдавшихъ эту сцену. Вахтенному на кораблѣ было приказано машиниста ни подъ какимъ видомъ обратно на бортъ не пускать. Онъ потомъ ловилъ офицеровъ на берегу и униженно просился обратно, но его не пустили. Кстати, на вооруженныхъ пароходахъ вольнонаемная команда получала полуторное жалованіе. Повторенія подобнаго случая ни на одномъ нашемъ пароходѣ не произошло.

Блестящая работа трюмно-пожарнаго дивизіона сблизила меня съ нашей русской командой, и у насъ постепенно установились очень хорошія отношенія.

Къ вечеру задулъ сильный вѣтеръ, развело волну, ночью непогода перешла въ попутный штормъ. Утромъ 6-го ноября мы пришли въ Петровскъ. «Крюгеръ» вошелъ въ гавань, а остальные наши корабли остались на рейдѣ. «Алла Верды» сталъ на якорь, но вскорѣ принужденъ былъ сняться, т. к. якорь, благодаря штормовому вѣтру и волнѣ, не держалъ, и пароходъ сносило. Нѣсколько повторныхъ попытокъ стать болѣе успѣшно на якорь не увѣнчались успѣхомъ, и «Алла Верды» принялся ходить взадъ и впередъ по рейду. То же случилось и съ «Вентюромъ», а еще черезъ часъ «Эм. Нобель» и «Азія» въ свою очередь принялись ходить по рейду. Довольно скучное занятіе, особенно, когда на поворотахъ клало градусовъ на 25. Было холодно, лилъ дождь, по небу неслись штормовыя облака.

На берегу, къ югу и очень близко къ Петровску, шла

интенсивная артиллерійская перестрѣлка. Стрѣльбы не было слышно изъ-за воя вѣтра, но безпрерывныя вспышки орудій и разрывовъ, какъ на берегу, такъ и въ городѣ и въ горахъ, позволяли судить о близости фронта. Трудно было разобрать, гдѣ были Бичераховскія позиціи, такъ какъ изъза дождя видимость была плохая. Изрѣдка снаряды рвались въ самомъ городѣ. Одна изъ Бичераховскихъ батарей стрѣляла изъ города.

Въ гавани стоялъ пароходъ, вооруженный Бичераховымъ русскими морскими четырехдюймовками того же типа, что были на миноносцахъ Балтійскаго Флота. Это были великолѣпныя, скорострѣльныя и дальнобойныя орудія, не чета тѣмъ музейнымъ рѣдкостямъ, которыя были установлены на вооруженныхъ англичанами пароходахъ. Впослѣдствіи намъ пришлось испытать разницу дѣйствія тѣхъ и другихъ.

Стоявшій въ гавани Бичераховскій вооруженный пароходъ носилъ революціонное названіе: «Лейтенантъ Шмидтъ», и былъ подъ Андреевскимъ флагомъ.

Въ теченіе дня «Шмидтъ» выходилъ на рейдъ стрѣлять по непріятелю, но стрѣлялъ мало изъ-за шторма.

Какъ я впослѣдствіи узналъ отъ лейтенанта барона Нолькена, плававшаго на «Крюгерѣ» (онъ поступилъ на англійскую службу позже насъ, въ Баку), съ «Крюгера» была послана делегація къ командующему турецко-татарскими силами, Нури-пашѣ. Делегація состояла изъ одного русскаго, одного англійскаго и одного французскаго офицеровъ. Трудно сказать, откуда этотъ послѣдній появился. Возможно, что онъ былъ взятъ на «Крюгеръ» еще въ Энзели, куда онъ могъ прибыть изъ Тегерана. Возможно также, что онъ уже находился въ Петровскѣ.

Делегація запросила у Нури-паши объясненій, на какомъ основаніи онъ, Нури-паша, позволяетъ себѣ продол-

жать съ своими турецкими войсками войну противъ одной изъ Союзницъ — Россіи, разъ Турція сдалась Союзникамъ «на милость побѣдителя»? Нури-паша отвѣтилъ, что онъ, хотя и турецко-подданный, но что и онъ и его войска состоятъ на службѣ у «Азербейджанскаго правительства» и никакого отношенія къ Турціи не имѣютъ. Переговоры ни къ какому результату не привели.

Къ вечеру штормъ усилился. Въ 19.30 мы ушли совмѣстно съ «Крюгеромъ» съ Петровскаго рейда, имѣя курсъ на старое мѣсто рандеву съ «Нобелемъ» и «Азіей». Штормъ встрѣчный. Шли строемъ въ двѣ кильватерныхъ колонны. Грузно и напряженно боролись тихоходные пароходы съ непогодой. На «Алла Верды» отъ качки было побито много посуды, которую кокъ недостаточно аккуратно закрѣпилъ.

Къ утру штормъ началъ утихать. Мы шли тѣмъ же строемъ до полудня, а затѣмъ, по сигналу «Крюгера», «Алла Верды» перешелъ въ кильватеръ «Нобеля», который измѣнилъ курсъ на Красноводскъ. Остальные пароходы продолжали итти старымъ курсомъ.

Въ Красноводскъ мы пришли около трехъ часовъ дня 8-го ноября.

Въ Красноводскѣ за это время случилось въ достаточной мѣрѣ постыдное происшествіе, героями котораго была команда небольшого Бичераховскаго вооруженнаго пароходика «Пиръ Алаги». Этотъ пароходикъ недавно пришелъ въ Красноводскъ изъ Петровска. На немъ было одно 37-миллиметровое орудіе и два пулемета. Команда состояла изъ матросовъ-Каспійцевъ и командира, мичмана военнаго времени.

Придя на Красноводскій рейдъ, «Пиръ Алаги» началъ носиться во всѣ стороны, наводя на разныя мѣста и на скопленія людей на берегу свою пущенку и пулеметы. Воздухъ оглашался дикими криками команды. Оказалось, что на борту «Пиръ Алаги» не было ни одного трезваго человѣка, начиная съ командира. Пировали, однимъ словомъ.

Старшимъ въ Красноводскѣ былъ инж. О'Догерти, который послѣ паденія Баку былъ назначенъ организовать базу и оборудовать мастерскія въ Красноводскѣ. Онъ послалъ англійскую команду захватить взбѣсившійся «Пиръ Алаги», что и было выполнено безъ особого труда и безъ членовредительства.

Какъ только «Нобель» и «Алла Верды» пришли въ Красноводскъ, лейт. Ротастъ былъ назначенъ О'Догерти командовать «Пиръ Алаги». Туда же былъ назначенъ одинъ англійскій офицеръ-пулеметчикъ и смѣшанная русско-англійская команда. Подобное назначеніе было характернымъ для О'Догерти, который, какъ уже было сказано выше, удивительно хорошо къ намъ относился. Не подлежитъ сомнѣнію, что ни одинъ изъ другихъ старшихъ англійскихъ офицеровъ не назначилъ бы одного изъ насъ на командную должность.

«Пиръ Алаги» былъ наскоро отремонтированъ и отправленъ въ крейсерство вдоль неспокойнаго восточнаго берега Каспійскаго моря, на югъ отъ Красноводска.

На берегу насъ ждали скверныя новости. Мы узнали, что положеніе отряда Бичерахова въ Петровскѣ считается безнадежнымъ. Возникалъ вопросъ: что дѣлать съ отрядомъ? Было рѣшено не эвакуировать его въ Красноводскъ по причинѣ могущаго возникнуть недостатка провіанта.

Была еще и другая причина. Русская власть въ Красноводскѣ была въ рукахъ такъ называемаго «стачечнаго ко-

митета», который уже давно никакихъ стачекъ не устраивалъ, а превратился въ своеобразный органъ городского или, пожалуй, даже областного самоуправленія, сохранивъ свое, ставшее нелѣпымъ, названіе. Во главѣ этого «стачечнаго комитета» стоялъ нѣкій Кунъ, молодой и энергичный человѣкъ, умный, тактичный и очень честолюбивый. Онъ былъ, несмотря на нѣсколько подозрительную фамилію, совершенно русскимъ, православнымъ человѣкомъ, по прежней должности контролеромъ Закаспійской желѣзной дороги. Онъ пользовался большой популярностью среди желѣзнодорожниковъ и рабочихъ и, вообще, среди жителей. Благодаря ему, правому соціалисту-революціонеру, большевики не смогли прочно обосноваться въ Красноводскѣ, и въ «стачечномъ комитетѣ» ихъ не было ни одного. Ушли въ подполье, изъ котораго точили зубы на Куна и на «стачечный комитетъ». По моимъ свѣдѣніямъ, главная причина, по которой не хотѣли пускать отрядъ Бичерахова въ Красноводскъ, заключалась въ томъ, что Кунъ опасался за свое положеніе, которое могло пошатнуться, если городъ былъ бы наводненъ Бичераховцами. Во всякомъ случаѣ, Кунъ просилъ англичанъ, чтобы Бичераховскій отрядъ не эвакуировался въ случаѣ нужды въ Красноводскъ.

Третьей немаловажной причиной могло послужить опасеніе, что Бичераховская вольница стала бы вести себя на подобіе доблестной команды «Пиръ Алаги», а всякіе безпорядки мѣшали бы спокойной и напряженной работѣ по оборудованію механической базы и вооруженію кораблей.

По всей вѣроятности, во время нашего недавняго пребыванія въ Петровскѣ, велись переговоры о возможной эвакуаціи отряда Бичерахова.

Въ Красноводскѣ шло быстрымъ темпомъ вооруженіе

еще одного парохода «Слава», на который устанавливали одно 4,7" орудіе и одно 75-миллиметровое.

Среди англичанъ начало проявляться нѣкоторое безпокойство: въ Красноводскѣ появились большевицкіе агитаторы, говорящіе по-англійски. Хотя до сихъ поръ еще никакой борьбы англійскихъ отрядовъ съ большевиками не было, а приходилось только возиться съ результатами большевицкаго хозяйничанія (развѣ не было появленіе турокъ и все, что за этимъ послѣдовало, результатомъ развала, за который отвѣтственны были большевики?), но уже заранѣе, въ ожиданіи этой борьбы, большевики начали проводить свою испытанную подлую тактику, «работу на моральное разложеніе». Дѣлалось это такъ: англійскихъ солдатъ зазывали во всякія злачныя мѣста и понемногу, съ крайней осторожностью начинали агитировать, помогая агитаціи обильными количествами вина. На берегу разсказывали, что среди англійскихъ солдатъ начали слышаться разговоры, что они «не хотятъ воевать противъ Россіи».

Однако, хоть сколько-нибудь ощутительныхъ результатовъ этой агитаціи встрѣчать не пришлось. Всякій англичанинъ прежде всего интересовался вопросомъ о пользѣ для Англіи, и вопросы: «за кого» или «противъ кого» не могли для нихъ играть существенной роли, поскольку эти вопросы не разсматривались съ чисто-англійской точки зрѣнія.

Въ Красноводскѣ ходили слухи, что у Старо-Теречной существуетъ анти-большевицкій фронтъ казаковъ.

10-го ноября утромъ «Нобель» былъ внезапно отправленъ въ Петровскъ. Часа черезъ три послѣ выхода «Но-

беля», «Алла Верды» былъ тоже срочно отправленъ въ Петровскъ, несмотря на то, что котлы его находились въ очень скверномъ состояніи, и необходимыхъ починокъ еще не успѣли произвести.

Мы шли весь день и ночь, а въ 10,25 приняли радіо съ «Нобеля» съ распоряженіемъ намъ вернуться въ Красноводскъ. Легли на обратный курсъ.

Всѣ на кораблѣ были увѣрены, что наше внезапное возвращеніе означаетъ, что Петровскъ палъ. Это предположеніе подтвердилось, какъ только мы пришли въ Красноводскъ. Узнали, что отрядъ Бичерахова направленъ въ Энзели и Ленкорань.

Въ этотъ день у англичанъ было сильно приподнятое настроеніе въ связи съ извѣстіями съ Западно-Европейскаго театра войны. Тамъ дѣло, какъ будто, быстро подвигалось къ окончанію военныхъ дѣйствій. Нѣкоторые высказывали также надежду, что, въ случаѣ побѣды Союзниковъ на Западно-Европейскомъ театрѣ войны, удастся покончить и съ «Азербейджанской республикой», этимъ турецкимъ дитятей, дипломатическимъ путемъ.

На слѣдующій вечеръ, слегка подправивъ котлы, мы вышли въ Энзели. У Красноводскаго пловучаго маяка увидѣли на якорѣ какое-то судно. Я отправился его опросить. Оказалось, что это лоцмейстерское судно «Араксъ» изъ Петровска, вышедшее оттуда на разсвѣтѣ 10-го ноября. Когда «Араксъ» уходилъ, на рейдѣ оставалось еще много кораблей во-главѣ съ канонерками. Бичераховъ успѣлъ погрузить почти весь свой отрядъ, но бѣженцевъ почти не взяли. Въ тотъ день, когда мы были на рейдѣ Петровска, непосредственно послѣ нашего ухода, кто-то поджегъ стоявшій у стѣнки пароходъ «Адмиралъ Корниловъ», на которомъ находился Бичераховскій «морской штабъ», состояв-

шій почти исключительно изъ матросовъ. Пароходъ сгорѣлъ, «штабъ» спасся.

Меня особенно интересовалъ вопросъ о казакахъ, дравшихся на Старо-Теречной съ большевиками. Оказалось, что на «Араксѣ» объ этомъ кое-что знали. Разсказали, что генералъ Бичераховъ хотѣлъ, чтобы казаки оказали ему помощь, и выдѣлили бы часть своего отряда для защиты Петровска. Онъ въ разное время посылалъ къ нимъ пароходы, общимъ числомъ шесть, но ни одинъ изъ нихъ не вернулся. Тогда Бичераховъ послалъ къ казакамъ еще два парохода. Побывавъ у Старо-Теречной, эти два парохода вернулись въ Петровскъ и сообщили, что они у Старо-Теречной никого не нашли, ни казаковъ, ни пароходовъ, ни большевиковъ. На берегу командамъ этихъ двухъ пароходовъ сообщили, что казаки отошли къ Кизляру подъ давленіемъ превосходныхъ силъ большевиковъ, и фронтъ соотвѣтственно передвинулся. Судьба шести Бичераховскихъ пароходовъ неизвѣстна, но предполагается, что они захвачены большевиками, у которыхъ, по слухамъ, есть вооруженные коммерческіе пароходы и даже военные быстроходные катера, перевезенные на платформахъ изъ Чернаго моря. Морскія силы большевиковъ базируются на Астрахань. На поиски своихъ шести транспортовъ Бичераховъ отправилъ два вооруженныхъ парохода: «Орленокъ» и «Центрокаспій».

Таковы были извѣстія, полученныя на «Араксѣ». Мы продолжали нашъ путь въ Энзели.

Днемъ 12-го ноября приняли радіо о подписаніи Германіей перемирія, крайне тяжелаго для нея. Эта вѣсть была принята на кораблѣ съ неописуемымъ энтузіазмомъ

Пѣсни и веселье продолжались до прихода въ Энзели. Всѣ ликовали.

Рождались какія-то новыя надежды и въ русской душѣ. Имъ не суждено было сбыться.

Въ Энзели насъ ждало множество волнующихъ новостей. Все Энзели преобразилось за это время нашего отсутствія. Прибыло очень много британскихъ войскъ. Во главѣ всего отряда сталъ недавно прибывшій въ Энзели генералъ Томсонъ. Съ его прибытіемъ англійскія войска перестали называться «Норперфорсомъ».

Изъ Индіи черезъ Персидскій городъ Мешхедъ двигался въ направленіи на Асхабадъ цѣлый британскій экспедиціонный корпусъ. Его офиціальной цѣлью было: помощь Россіи въ борьбѣ съ большевиками и водвореніе спокойствія въ Закаспійскомъ краѣ.

Но самая животрепещущая новость была та, что въ Баку отправлена англійская делегація, которая постарается уладить мирнымъ путемъ ликвидацію находящейся подъ турецкимъ протекторатомъ «Азербейджанской республики» и постарается добиться удаленія съ Кавказа турецкихъ войскъ. Возвращеніе делегаціи ожидалось 14-го ноября. Если результаты переговоровъ будутъ благопріятны, то какъ англійскія войска, такъ и Бичераховцы, находящіеся въ Энзели и въ Ленкорани, немедленно погрузятся на пароходы и отправятся въ Баку.

Въ гавани и на рейдѣ Энзели скопилось до шестидесяти пароходовъ, не считая Бичераховскихъ канонерокъ и нашихъ вооруженныхъ пароходовъ. Бичераховскихъ кораблей было три, и они поражали своимъ совершенно неправдоподобно-грязнымъ видомъ. Такой же видъ былъ у

ихъ командъ, многіе изъ которыхъ были на сильномъ алкогольномъ взводѣ. Больно и стыдно было смотрѣть на все это.

Делегація, посланная въ Баку, очевидно, прислала хорошія вѣсти по радіо, такъ какъ, хотя делегація еще не вернулась, но 14-го ноября стало извѣстно, что походъ на Баку состоится, и что въ первую голову двинутся около трехъ тысячъ войскъ съ обозомъ и артиллеріей. Была выработана диспозиція идущаго въ Баку флота.

Началась посадка.

Въ ночь съ 14-го на 15-ое ноября ген. Бичераховъ ушелъ со своими канонерками въ Ленкорань на соединеніе съ остальнымъ своимъ отрядомъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Весь день 15-го ноября шли дѣятельныя приготовленія къ походу на Баку. Пароходы, груженые войсками, по мѣрѣ готовности, вытягивались изъ гавани на Энзелійскій рейдъ и становились на якорь на заранѣе предназначенныхъ для нихъ мѣстахъ. «Вентюръ» и «Алла Верды» тоже вышли на рейдъ и стали на якорь.

Изъ Баку вернулась делегація, ведшая переговоры съ Нури-пашой.

Весь англійскій сухопутный штабъ погрузился на пароходъ «Орелъ», а генералъ Томсонъ устроился на «Крюгерѣ».

Великолѣпная погода способствовала приготовленіямъ, море было совершенно спокойнымъ.

16-го ноября въ 7.30, при полномъ штилѣ, всѣ стоявшіе на рейдѣ пароходы двинулись въ походъ, построившись въ двѣ кильватерныя колонны. Лѣвую колонну велъ «Вентюръ», за которымъ шло девять пароходовъ. Правую вели мы. Наша колонна состояла, кромѣ насъ, изъ восьми пароходовъ. Во главѣ обѣихъ колоннъ шелъ «Президентъ Крюгеръ». Ходъ 7-8 узловъ. Эта процессія пароходовъ

была чрезвычайно эффектна и, конечно, совершенно необычна для Каспійскаго моря.

Утромъ встрѣтили «Славу», шедшую изъ Красноводска въ Энзели, чтобы принять англійскую команду.

Къ ночи задулъ сильный нордъ, и на слѣдующее утро транспорты обѣихъ колоннъ оказались въ разбродѣ. Нѣкоторые пароходы ухитрились отстать за горизонтъ. Около 11 часовъ завидѣли Баку и застопорили машины. Вѣтеръ стихъ. Разбредшіеся пароходы стали собираться. Появилось много пароходовъ изъ Ленкорани, а также канонерки, которыя столпились подъ островомъ Наргенъ.

Насталъ торжественный моментъ. Когда всѣ пароходы собрались, «Президентъ Крюгеръ» поднялъ сигналъ: «Второй колоннѣ вступить въ кильватеръ первой», и послѣ этого поднялъ французскій, англійскій и американскій флаги. На кормѣ, по-прежнему, Андреевскій флагъ. Медленно развернувшись, «Крюгеръ» пошелъ въ Баку, за нимъ строемъ, въ одну кильватерную колонну, вытянулась стройная линія кораблей. Бичераховскіе корабли, идя отдѣльной кильватерной колонной, расцвѣтились флагами. Освѣщаемая яркимъ солнцемъ, процессія кораблей медленно и торжественно приближалась къ городу.

Весь длинный и широкій городской бульваръ-набережная былъ до предѣла забитъ народомъ. Всѣ крыши близлежащихъ зданій, всѣ окна и балконы были усѣяны людьми. Бросалось въ глаза огромное количество татарскихъ женщинъ въ національныхъ костюмахъ. По мѣрѣ приближенія кораблей, эти женщины скрывались съ набережной въ близлежащія улицы. Стали замѣтны разрушенія, которымъ подвергся городъ.

Около 14-ти часовъ всѣ вооруженные пароходы, какъ наши, такъ и Бичераховскіе, и канонерки стали на якорь въ

трехъ кабельтовыхъ отъ берега. «Крюгеръ», «Орелъ» и всѣ транспорты съ войсками ошвартовались къ пристанямъ. По сигналу, прекратили пары въ одномъ изъ двухъ котловъ.

Днемъ пришла «Азія» и «Слава», а къ вечеру пришелъ «Эмануилъ Нобель», такъ что собрались всѣ. На корабляхъ продолжали держать офицерскую вахту, и никого на берегъ не пускали. Въ 16 часовъ, по сигналу, вновь подняли пары во второмъ котлѣ. Было ясно, что не все проходитъ гладко. Выгрузка войскъ тоже не начиналась. Офицерская вахта продолжалась всю ночь.

На слѣдующее утро начали выгружаться Бичераховцы. Мы продолжали стоять подъ парами и безъ сообщенія съ берегомъ. Въ 14 часовъ «Крюгеръ» поднялъ сигналъ: «Въ городѣ начался грабежъ. Никого не пускать на берегъ».

Изъ города доносились рѣдкіе одиночные выстрѣлы, но, насколько можно было видѣть съ корабля, все казалось спокойнымъ. По набережной не спѣша ходили люди. Жизнь какъ-будто шла нормальнымъ темпомъ. Мы думали, что грабежъ начали на окраинахъ города уходящія войска Нури-паши и татарскія банды. Но впослѣдствіи оказалось, что грабежъ учинили Бичераховцы, главнымъ образомъ, армяне, входившіе въ этотъ отрядъ. Вечеромъ опять началась ружейная и револьверная пальба, быстро прекратившаяся. На этотъ разъ это были опять Бичераховцы, но безъ грабежа, а просто спьяна. Нѣсколько Бичераховцевъ было послѣ этого разстрѣляно и безобразія прекратились.

19-го ноября, одновременно съ началомъ высадки британскихъ войскъ на берегъ, намъ было разрѣшено пойти на нѣсколько часовъ въ городъ. Мы воспользовались этимъ, чтобы поздравить другъ-друга съ нашимъ праздникомъ. Это былъ день праздника Морского корпуса, день

дорогой для каждаго русскаго морского офицера: шестое ноября по старому стилю.

Городъ производилъ ужасное впечатлѣніе: всюду разрушенные и полуразрушенные дома, развороченныя мостовыя, изуродованные заборы, слѣды пожаровъ, разбитыя окна, разбитые и пустые магазины. Въ теченіе всей предыдущей недѣли шли проливные дожди, настолько сильные, что даже желѣзнодорожный путь на Тифлисъ былъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ размытъ. Вода, стремившая съ близлежащихъ холмовъ, еще и сейчасъ превращала нѣкоторыя горныя улицы Баку въ бурные потоки. Изрѣдка по такимъ улицамъ вода влекла распухшіе и обезображенные трупы, несомые потокомъ съ холмовъ. Чрезъ одну изъ такихъ улицъ пришлось переправиться на спинѣ носильщика — «амбале», другого способа переправиться въ сухую не было.

Мнѣ хотѣлось найти домъ однихъ знакомыхъ. Это было трудно: многія улицы были неузнаваемы. Наконецъ, нашелъ. Дома, собственно говоря, не было, остались только полуразрушенныя двѣ наружныхъ стѣны. Домъ былъ угловой. Крыши не было. Зіяли пустыя окна въ стѣнахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ криво висѣли оборванныя ставни. Я зашелъ во дворъ дома. Среди мусора и обломковъ была куча, прикрытая рогожей. Подъ ней оказался разлагающійся трупъ старика-дворника.

Турецко-татарскія войска отошли на семь верстъ отъ города и почему-то остановились. Къ нимъ былъ посланъ офицеръ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Черезъ нѣкоторое время отступавшая армія двинулась дальше по дорогѣ въ Турцію.

Въ Баку — восторженное и благодарное настроеніе къ

«союзнымъ войскамъ», т. е. къ британскому отряду. Городъ понемногу успокаивался и началъ залѣчивать свои раны. Ежедневно прибывали пароходы съ возвращающимися бѣженцами. Многіе и многіе изъ нихъ не нашли не только своего имущества, но и домовъ, въ которыхъ жили раньше.

Эта страница исторіи береговъ Каспія, періодъ турецко-татарскаго нашествія, закрылась. Начиналась новая эпоха: борьба съ большевиками.

На этихъ дняхъ пришла въ Баку съ сѣвера одна изъ небольшихъ канонерокъ — «Астрабадъ». На «Астрабадѣ» узналъ новости о положеніи на сѣверѣ Каспія. Выше было сказано о шести пароходахъ, посланныхъ Бичераховымъ къ Старо-Теречной въ его бытность въ Петровскѣ, и о томъ, что, когда они исчезли, Бичераховъ послалъ на поиски ихъ два своихъ вооруженныхъ парохода, «Центрокаспій» и «Орленокъ». Оба парохода вернулись, не встрѣтивъ никого, и были вновь посланы въ раіонъ Старо-Теречной конвоировать четыре невооруженныхъ парохода, долженствовавшіе доставить въ Петровскъ прѣсную воду. На этотъ разъ они напоролись на три большевицкихъ вооруженныхъ парохода, сопровождаемые нѣсколькими быстроходными вооруженными катерами. Завязалась перестрѣлка. Вскорѣ въ машины «Орленка» попалъ большевицкій снарядъ, и пароходъ лишился возможности двигаться. Почти одновременно одинъ изъ снарядовъ «Центрокаспія» попалъ въ машинное отдѣленіе одного изъ большевицкихъ пароходовъ и, вскорѣ, въ тотъ же пароходъ еще одинъ снарядъ. Несмотря на перевѣсъ въ силахъ, большевики стали уходить, взявъ свой сильно подбитый пароходъ на буксиръ. «Центрокаспій» пустился въ преслѣдованіе, но вскорѣ вернул-

ся къ безпомощному «Орленку», боясь оставить его одного. Такъ произошло первое столкновеніе съ большевиками на Каспійскихъ водахъ.

Въ дни нашей стоянки въ Баку, къ генералу Томсону явилась делегація дагестанцевъ изъ Петровска, завѣрившая его, что дагестанцы желаютъ охранить Дагестанъ отъ нашествія большевиковъ, и просившая помощи. Дагестанцы просили признать ихъ самостоятельной территоріальной единицей — «Дагестанской республикой». Генералъ Томсонъ немедля сообщилъ имъ, что онъ готовъ признать ихъ самостоятельность и независимость отъ Россіи, но временно, до мирной конференціи. Начиналось англійское политическое маневрированіе, получившее впослѣдствіи названіе «политики Ллойдъ Джоржа». Послѣдствія этой политики для Россіи были колоссальны. Ни одинъ русскій патріотъ эту политику не забудетъ **никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ.**

Въ сторону Тифлиса и Баку изъ Батума двигались 45 тысячъ новыхъ англійскихъ войскъ. Официальная цѣль: борьба съ большевиками оказаніемъ поддержки русскимъ бѣлымъ частямъ. Ни въ какой бой съ большевиками эти части такъ и не вступили. Стратегическое расположеніе этихъ силъ въ точности совпало съ линіей нефтепровода Баку-Батумъ.

Хорошее отношеніе къ британскимъ войскамъ въ Баку стало измѣняться къ худшему. 24-го ноября я записалъ въ своемъ дневникѣ: «Британскіе солдаты ведутъ себя неважно, напиваются и скандалятъ». Отвѣтственность за порядокъ въ Баку была возложена британскимъ командованіемъ на полковника Кокериля, очень милаго и культурнаго человѣка. По городу стали ходить военные патрули — «военная полиція».

Татары подняли цѣны на пищевые продукты, особенно на хлѣбъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Бичераховъ оказался вновь подъ окомъ англичанъ, ихъ отношеніе къ нему замѣтно ухудшилось. Англичане были недовольны тѣмъ, что Бичераховъ тратилъ съ молніеносной быстротой суммы, выплачиваемыя ему англичанами «Царскими банкнотами» на содержаніе его отряда. 27-го ноября мы приняли радіо, сообщавшее, что всѣ Бичераховскія «морскія силы» переходятъ въ вѣдѣніе Уфимскаго Временнаго Правительства. Командующимъ этими силами назначался... ротмистръ Воскресенскій.

Въ этотъ день мы ушли въ Красноводскъ чинить котлы. За нѣсколько дней до этого, «Нобель», «Вентюръ», «Слава» и «Азія» ушли на сѣверъ. Крейсерство этихъ четырехъ кораблей, не встрѣтившихъ на своемъ пути никого, продолжалось недолго, и 1-го декабря «Нобель», «Слава» и «Азія» пришли въ Красноводскъ, а «Вентюръ» ушелъ въ Баку въ докъ. Всѣ, кромѣ «Нобеля», требовали починокъ. Наши котлы оказались въ совершенно невозможномъ состояніи, и починка заняла цѣлую недѣлю.

Въ теченіе этой недѣли я много разъ видѣлся и разговаривалъ съ Куномъ, предсѣдателемъ Красноводскаго «стачечнаго комитета». Онъ живо интересовался подробностями разныхъ недавнихъ событій, и самъ охотно дѣлился своими свѣдѣніями. Кунъ поражалъ ясностью мысли, своей яркой русскостью и государственнаго склада умомъ. Это былъ несомнѣнно крупный и цѣнный человѣкъ. Въ одну изъ нашихъ откровенныхъ бесѣдъ онъ признался, что его «соціалъ-революціонерство» — это только временная вывѣска и ширма, на самомъ же дѣлѣ онъ убѣжденный монар-

хистъ, о чемъ, конечно, въ это время совершенно невозможно было открыто говорить. Какъ только въ Уфѣ образовалось Временное Правительство, поставившее себѣ цѣлью борьбу съ большевиками и освобожденіе отъ нихъ Россіи, Кунъ вошелъ съ нимъ въ контактъ черезъ представителя этого Правительства, профессора Головина.

Власть Куна была очень значительна, и авторитетъ его распространялся далеко за предѣлы Красноводска.

Въ одну изъ нашихъ бесѣдъ Кунъ сталъ высказывать опасеніе насчетъ настроеній туркменъ и, особенно, ямудовъ. Во всемъ краѣ шла, по его словамъ, агитація за отдѣленіе отъ Россіи, собиралось войско, и накапливалось оружіе. Все это началось еще до революціи, и толчокъ этому дали нѣмецкіе агенты, проникшіе въ этотъ край во время войны въ большомъ количествѣ. Теперь они агитировали уже не только противъ Россіи, но и противъ англичанъ. Я высказалъ Куну свое мнѣніе, что со стороны англичанъ туркмены могутъ встрѣтить то же отношеніе, что и дагестанцы, и что въ вопросѣ объ отдѣленіи туркменъ и ямудовъ отъ Россіи англичане (друзья) по всей вѣроятности будутъ вести себя такъ же, какъ и нѣмцы (враги), съ той разницей, что за нѣмцами нѣтъ силы, а за англичанами есть. Поэтому лучше держать англичанъ подальше отъ туркменъ и ямудовъ. Кунъ вполнѣ съ этимъ согласился. Большое значеніе имѣло то, что Кунъ сумѣлъ поставить себя съ англичанами такъ, что они ничего въ Закаспіи безъ его согласія не предпринимали.

Кунъ видѣлъ еще одну опасность со стороны туркменъ и ямудовъ: возможное заигрываніе съ ними большевиковъ. Вообще, обстановка была крайне сложна и трагична для Россіи, и Кунъ, какъ защитникъ Россійскихъ го-

сударственныхъ интересовъ въ этомъ краѣ, былъ очень одинокъ.

3-го декабря было получено сообщеніе по радіо изъ Ашуръ-Аде. Повидимому, наша станція тамъ еще работала безпрепятственно. Въ этомъ сообщеніи говорилось, что недавно въ Красноводскъ изъ Ашура былъ отправленъ ботъ съ продуктами, и что по дорогѣ этотъ ботъ подвергся нападенію туркменъ на шлюпкахъ, былъ ими захваченъ и разграбленъ, а команда перебита. Купцы Ашура обратились за помощію къ стаціонеру «Часовой», который отправился къ мѣсту происшествія, потребовалъ возвращенія бота и награбленнаго и далъ три предупредительныхъ выстрѣла. Въ отвѣтъ на это туркмены открыли сильный ружейный огонь, какъ съ берега, такъ и съ своихъ шлюпокъ. «Часовой» отвѣчалъ изъ своихъ 37-миллиметровыхъ орудій, по возможности щадя береговыя постройки, и потопилъ нѣсколько туркменскихъ шлюпокъ. Всего «Часовой» выпустилъ 39 снарядовъ. Ботъ удалось отбить, но награбленное туркмены увезли.

Въ Красноводскѣ было неспокойно. Большевицкіе агитаторы становились смѣлѣе, и на засѣданіи желѣзнодорожнаго комитета, происшедшемъ 2-го декабря, раздалось два-три голоса, требующихъ «удаленія англичанъ и контръреволюціонеровъ», ареста Куна и членовъ «стачечнаго комитета». Это была довольно жалкая попытка, и Кунъ ей значенія не придавалъ. Однако, караулы на пристаняхъ были усилены, и было издано запрещеніе выходить на улицу по вечерамъ и до утра.

3-го декабря въ Красноводскъ пришелъ «Президентъ Крюгеръ» съ Уошингтономъ. Это былъ первый приходъ

С.Н.О. въ Красноводскъ, и Кунъ рѣшилъ использовать моментъ, чтобы продемонстрировать свое вліяніе. Уошингтонъ былъ буквально засыпанъ всякими делегаціями, депутаціями и представленіями. Визитъ самого Куна на «Крюгеръ» отличался особой торжественностью. Его встрѣтили фалрепными, дудкой, команда стояла во фронтѣ. Визитъ носилъ «крайне дружественный характеръ». Вся процедура съ депутаціями и этотъ визитъ служили къ тому, чтобы дать понять, какъ крѣпко Кунъ держитъ власть въ своихъ рукахъ, и что неразумно было бы предпринимать что-либо помимо него, такъ какъ иначе могли бы возникнуть осложненія.

Кунъ впослѣдствіи разсказывалъ мнѣ, что имъ было получено крайне любезное письмо отъ генерала Томсона, котораго онъ никогда не видѣлъ, въ которомъ тотъ завѣрялъ его въ своей дружбѣ и готовности помочь. Сущность письма сводилась къ тому, что Томсонъ предлагалъ «просить о чемъ угодно, и указывать, — и все по мѣрѣ возможности будетъ выполнено».

— Не получили ли и дагестанцы подобнаго письма передъ тѣмъ, какъ послать свою делегацію въ Баку къ Томсону, какъ вы думаете? — спросилъ я Куна.

Онъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Возможно... но вѣдь я то не дагестанецъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, будь на мѣстѣ Куна какой-нибудь авантюристъ или проходимецъ, мы вскорѣ узнали бы объ организаціи «Закаспійской республики», которая была бы признана англичанами «временно, до мирной конференціи».

Во время пребыванія С.Н.О. въ Красноводскѣ былъ рѣшенъ вопросъ о переводѣ базы изъ Красноводска въ Баку. Этотъ переводъ долженъ былъ начаться, какъ только закончатся ремонты на нашихъ пароходахъ. Предполагалось, что переводъ этотъ займетъ около двухъ недѣль.

Какъ мы ожидали, былъ поднятъ также вопросъ и о «Пиръ Алаги». С.Н.О. рѣшилъ передать его въ распоряженіе ротмистра Воскресенскаго. Ротастъ и вся команда были съ него списаны.

Всѣ наши вооруженные пароходы были къ этому времени выкрашены одинаково: корпусъ въ черный цвѣтъ, а надстройки — въ шаровый.

Корабли готовились къ дѣйствіямъ противъ большевицкихъ морскихъ силъ и къ возможной блокадѣ Астрахани. Море въ сѣверной своей части очень мелководно, и это навело меня на мысль о желательности имѣть быстроходные катера въ помощь нашимъ грузнымъ тихоходамъ. Эти вооруженные катера, которые легко можно было перекинуть изъ Чернаго моря, могли намъ оказать существенную поддержку, какъ быстроходныя посыльныя суда, какъ суда, могущія близко подходить къ мелководному берегу, и какъ развѣдчики. У большевиковъ, какъ выяснилось, ихъ было шесть. Они были перевезены не изъ Чернаго моря, какъ мы предполагали, а изъ Балтійскаго, по Маріинской системѣ.

Пораздумавъ и переговоривъ съ другими нашими русскими офицерами, я подалъ докладную записку С.Н.О., въ которой рекомендовалъ связаться съ командованіемъ нашего Черноморскаго флота на предметъ переброски нѣсколькихъ черноморскихъ быстроходныхъ вооруженныхъ катеровъ въ Каспій вмѣстѣ съ ихъ командами и офицерами. Че-

резъ нѣсколько дней я получилъ извѣщеніе, что С.Н.О. согласился съ моими доводами, и что содержаніе моего служебнаго письма передано имъ... Лондонскому Адмиралтейству. Значеніе этого отвѣта мы поняли только тогда, когда изъ Чернаго моря были присланы въ Каспійское нѣсколько **британскихъ** быстроходныхъ катеровъ, вооруженныхъ минами Уайтхеда, вмѣстѣ съ ихъ командами и офицерами. Это были такъ называемыя «Си-Эмъ-Би» — «Коутсъ Моторъ Боутсъ», т. е. «прибрежныя моторныя лодки», отличавшіяся огромной быстротой, около тридцати семи узловъ. На каждой было по одному неподвижному, продольно расположенному, минному аппарату, такъ что минный выстрѣлъ направлялся движеніемъ самой лодки. Кромѣ того, на нихъ было по три большихъ бомбы противъ подводныхъ лодокъ. Эти лодки сыграли впослѣдствіи, къ счастью, неудачно, отвратительную роль въ Каспіи.

4-го декабря Кунъ во время нашего разговора съ глазу на глазъ въ его кабинетѣ, сказалъ мнѣ, что онъ подготовляетъ общественное мнѣніе къ «реконструкціи власти», другими словами, къ своей единоличной диктатурѣ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія событія заслонили собою почти все, что происходило въ Краснозаводскѣ въ дальнѣйшемъ, и послѣдующая судьба Куна мнѣ не извѣстна.

4-го же декабря секретарь С.Н.О., Пертви, сдѣлалъ всѣмъ нашимъ русскимъ морскимъ офицерамъ предложеніе перейти на англійскую морскую службу со званіемъ офицеровъ Р.Н.В.Р., то-есть, «Рояль Нэвль Волунтиръ Резервъ», вмѣсто того, чтобы быть на положеніи русскихъ морскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ Королевскому Флоту. Пертви рисовалъ намъ въ радужныхъ кра-

скахъ открывающіяся передъ нами въ этомъ случаѣ перспективы, главныя изъ которыхъ были, что, вмѣсто русскихъ, мы становились бы англійскими морскими офицерами и смогли бы надѣть англійскую морскую форму. Мы всѣ носили до того англійскую сухопутную форму, оставшуюся у насъ еще со времени «Данстерфорса». Если мы согласились бы, то наши старые контракты потеряли бы свою силу, и намъ пришлось бы подписать новые.

Мы категорически отказались. Помимо абсолютнаго отсутствія у насъ желанія и стремленія превращаться въ иностранныхъ морскихъ офицеровъ, мы не видѣли въ этомъ никакой надобности или выгоды съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, и наоборотъ, ясно видѣли опасности, съ подобнымъ шагомъ связанныя. Въ нашемъ положеніи офицеровъ, «прикомандированныхъ», мы были связаны контрактомъ, согласно которому могли уйти въ любое время. Насъ могли тоже разсчитать въ любое время, но тогда должны были уплатить намъ мѣсячное жалованіе и проѣздныя до мѣста, куда мы рѣшили бы ѣхать въ предѣлахъ Россіи. Въ положеніи же англійскихъ морскихъ офицеровъ «добровольнаго резерва» мы не имѣли права уходить сами и подписывались бы подъ своимъ полнымъ подчиненіемъ. Что было важнѣе всего, это то, что мы подписывались бы въ согласіи служить лояльно британскимъ интересамъ, и наше служеніе русскимъ интересамъ было бы либо затруднено, либо стало бы просто невозможнымъ. Насчетъ схожденія или несхожденія этихъ интересовъ мы никакихъ иллюзій себѣ не строили, и въ политической наивности, ни тѣмъ паче въ довѣрчивости, повинны не были. Итакъ, мы безъ замедленія, мягко, но категорически, отказались, чѣмъ разстроили милѣйшаго Пертви не на шутку. Эта попытка повторилась, но безрезультатно. Мы нѣкоторое время

ожидали, что съ нами распрощаются, такъ какъ было ясно, что нашъ отказъ сильно не понравился, но все осталось по старому. Только англійскіе офицеры на нашихъ корабляхъ дулись на насъ нѣкоторое время и даже отпускали замѣчанія въ духѣ: «была бы честь предложена». По-своему они, конечно, были правы, и спорить намъ было не о чемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Въ Красноводскъ пришелъ изъ Энзели закончившій тамъ вооруженіе еще одинъ корабль-теплоходъ «Зороастръ». На немъ было установлено два британскихъ морскихъ 4,7″ орудія. Туда былъ назначенъ изъ нашихъ русскихъ морскихъ офицеровъ лейт. Ивановъ, котораго англичане называли «Айвэновъ». Къ этому времени на «Биби Эйбатъ», находившійся въ Баку, былъ переведенъ Глѣбъ Сергіевскій.

5-го декабря «Зороастръ» былъ посланъ на сѣверъ, и въ тотъ же день «Алла Верды» получилъ распоряженіе выйти на рандеву съ «Биби Эйбатомъ» и затѣмъ итти на соединеніе съ «Зороастромъ». Около полуночи, соединившись, «Алла Верды» и «Биби Эйбатъ» пошли къ острову Чечень.

Всѣхъ насъ, морскихъ офицеровъ, поражали казавшіяся намъ недопустимыми, навигаціонныя привычки нашихъ «штурмановъ», коммерческихъ капитановъ пароходовъ. Имъ нельзя было отказать въ хорошемъ знаніи Каспійскаго моря, но намъ казалось совершенно неразумнымъ отно-

ситься съ безпечностью къ поправкѣ компаса, къ опредѣленію мѣстъ, даже къ самой прокладкѣ (нанесенію на карту пути корабля). Между тѣмъ, именно такое странное отношеніе мы видѣли у большинства капитановъ. Они не считали нужнымъ вести прокладку («нечего пачкать карту»), опредѣлять свое мѣсто хотя бы по береговымъ предметамъ (на «Алла Верды» даже не было пеленгатора), и совершенно не заботились о поправкѣ компаса. Всѣ наши разсужденія о томъ, что если коммерческіе капитаны считаютъ все это умѣстнымъ въ коммерческомъ плаваніи, то въ военномъ подобные методы совершенно недопустимы и могутъ привести къ тяжелымъ послѣдствіямъ, — вызывали у капитановъ только раздраженіе. Въ концѣ концовъ, мы прекратили эти разговоры, чтобы не ухудшать отношеній, тѣмъ болѣе, что отвѣтственность за навигаціонную часть лежала на коммерческихъ капитанахъ.

Походъ, въ который мы вышли на этотъ разъ, доказалъ нашему капитану, насколько наши опасенія были правильны, но, къ сожалѣнію, этотъ урокъ вышелъ крайне непріятнымъ и обиднымъ. Вообще, весь походъ вылился въ маленькій экзаменъ по нѣсколькимъ предметамъ, и прошелъ этотъ экзаменъ неудовлетворительно.

Всю ночь мы шли съ потушенными огнями, имѣя въ кильватерѣ «Биби Эйбатъ». На утро долженъ былъ открыться островъ Чечень. Пришло утро, а острова не было видно. Нѣкоторое время продолжали итти тѣмъ же курсомъ, но островъ не открывался. Тогда началось блужданіе по разнымъ глубинамъ въ поискахъ острова. Запросили у «Биби Эйбатъ» его мѣсто. Онъ показалъ его что-то въ двадцати миляхъ отъ предполагаемаго нашего. Нашъ коммерческій капитанъ обозлился до крайности и сталъ на-

граждать самыми нелестными эпитетами вѣтеръ и теченіе, которые, молъ, сбили его съ курса. Мы уже нѣсколько привыкли къ тому, что вѣтеръ и теченіе были заклятыми врагами нашего браваго капитана, и что «Алла Верды» часто сносило, но гдѣ же все-таки былъ островъ Чечень? Сноу началъ сердиться и сталъ отпускать ядовитыя замѣчанія въ томъ духѣ, что если «Алла Верды» можетъ «сносить» до такой степени, то остается предположить, что нашъ пароходъ вообще предпочитаетъ ходить бокомъ.

Блуждая въ поискахъ острова и не зная, гдѣ мы находимся, что усложнялось туманнымъ горизонтомъ и сѣткой дождя, мы наткнулись на какое-то небольшое суденышко, которое, завидя насъ, стало поспѣшно уходить. Не было сомнѣній въ принадлежности этого парохода къ большевикамъ.

Изъ нашихъ кораблей здѣсь могъ быть только «Зороастръ», это же суденышко на него похоже не было. Почти одновременно открылся островъ, принятый капитаномъ за Чечень и оказавшійся впослѣдствіи Тюленьимъ островомъ. Благодаря этой ошибкѣ, думая, что насъ и большевика раздѣляетъ Чеченскій рифъ, мы не пошли его преслѣдовать напрямикъ, а стали обходить несуществующій рифъ, т. е. на самомъ дѣлѣ, глубокую воду. Большевицкій пароходъ скрылся. Обойдя чистую воду, мы раздѣлились съ «Биби Эйбатомъ», чтобы найти и атаковать скрывшагося большевика, но его больше не нашли. Когда стемнѣло, увидали судно, стоявшее въ огняхъ. Подойдя къ нему (мы шли безъ огней), выяснили, что это «Зороастръ», у котораго оказалась неисправность въ машинѣ. «Биби Эйбатъ» мы потеряли изъ виду: онъ шелъ, какъ и мы, безъ огней. Безпечность «Зороастра» насъ поразила: представлялось совершенно невѣроятнымъ, чтобы военный корабль находился въ

зонѣ возможнаго столкновенія съ непріятелемъ, неся всѣ навигаціонные огни, и имѣя всѣ свои иллюминаторы ярко-освѣщенными. Это была вина англійскаго «коменданта» «Зороастра», вина совершенно непростительная и просто невѣроятная для морского офицера. Сноу и Уиндзоръ были сильно смущены и возмущены. Конечно, комендантъ «Зороастра» не былъ кадровымъ, а былъ офицеромъ запаса и, очевидно, въ боевой обстановкѣ не былъ еще ни разу, но все же, помимо всего этого, простой здравый смыслъ долженъ былъ бы подсказать вполнѣ естественную осторожность. Къ счастью, большевиковъ, очевидно, поблизости не было. Отойдя отъ «Зороастра», мы въ теченіе часа крейсеровали на Нордъ-Остъ и обратно, пока «Зороастръ» чинилъ машину, а затѣмъ, какъ только «Зороастръ» сталъ способенъ двигаться, мы стали ему въ кильватеръ, какъ старшему. «Зороастръ» легъ на курсъ, который мы приняли, какъ ведущій въ Петровскъ. Великъ былъ переполохъ, когда, идя этимъ курсомъ, мы благополучно пришли къ острову Чечень. Тутъ то и выяснилось, что нашъ бравый капитанъ, запутавшись благодаря неизвѣстной поправкѣ компаса, обходилъ чистую воду, полагая, что обходитъ Чеченскій рифъ, изъ-за чего мы не смогли уничтожить большевицкій пароходъ.

Мы стали на якорь и всю ночь держали офицерскую вахту. Стояли безъ огней. «Зороастръ» продолжалъ свое штатское поведеніе, стоялъ съ огнями. Впослѣдствіи выяснилось, что и офицерской вахты на немъ не было.

«Алла Верды» держалъ оба котла подъ парами.

«Биби Эйбатъ» куда-то пропалъ. Мы сообщили ему по радіо свое мѣсто, но отвѣта получить не могли, такъ какъ

на «Биби Эйбатъ» имѣлась только пріемная радіо-станція, и отправлять телеграммы они не могли.

Ночью погода прояснилась. Стало очень холодно. Смѣнившись съ вахты въ 4 часа утра 8-го декабря легъ спать. Спать пришлось недолго: незадолго послѣ разсвѣта, когда горизонтъ еще не былъ чистъ, съ Зюйдъ-Оста показались два большевицкихъ корабля, — одинъ немного больше, другой меньше «Алла Верды». Немедленно была дана боевая тревога, и мы начали сниматься съ якоря. Въ 6 час. 40 мин. бо̀льшій корабль открылъ по насъ огонь, давъ сразу довольно значительный перелетъ. Наша русская команда узнала въ этомъ пароходѣ «Коломну». Совершенно неожиданно для насъ, Сноу приказалъ поднять на кормѣ британскій флагъ, вмѣсто Андреевскаго. Развернувшись, мы тоже открыли огонь, но наши снаряды дали значительный недолетъ. «Зороастръ» продолжалъ стоять на якорѣ, и на немъ началась бѣготня, когда мы уже успѣли дать нѣсколько выстрѣловъ.

Первое время огонь «Коломны», стрѣлявшей четырехорудійными залпами, былъ сосредоточенъ по «Алла Верды». Ея снаряды давали огромный всплескъ и черный дымъ. По осколкамъ, засыпавшимъ палубу, и по всплескамъ можно было опредѣлить, что «Коломна» вооружена нашими великолѣпными новыми 4″-ми орудіями въ 55 калибровъ, Обуховскаго завода. Большіе всплески разрывовъ и черный дымъ, конечно, сильно облегчали «Коломнѣ» пристрѣлку, и вскорѣ ея снаряды стали ложиться у самаго нашего борта, обдавая насъ каскадами воды и засыпая осколками. Два снаряда легли въ разстояніи нѣсколькихъ футовъ отъ борта. Одного такого снаряда, попавшаго въ насъ у ватерлиніи, было бы достаточно для «Алла Верды», но за все время боя ни одинъ снарядъ не далъ въ насъ прямого попада-

нія. Второй пароходъ тоже открылъ стрѣльбу, но стрѣлялъ значительно хуже. На немъ, судя по разрывамъ, были 75-миллиметровыя орудія. Принимая свои близкіе разрывы, вѣроятно, за попаданія, «Коломна» перенесла свой огонь на безпомощный «Зороастръ», который открылъ совершенно безпорядочную стрѣльбу, стоя на якорѣ. Съ якоря онъ снялся только черезъ 15 минутъ послѣ начала боя. «Коломна» сразу же накрыла «Зороастръ» и вода вокругъ него закипѣла. Одинъ изъ первыхъ снарядовъ «Коломны» попалъ въ бортъ «Зороастра», по счастью, довольно высоко, подъ самымъ мостикомъ. На мгновеніе мостикъ затянуло чернымъ дымомъ. Всего въ «Зороастръ» попало три снаряда, но всѣ значительно выше ватерлиніи и вдали отъ жизненныхъ механизмовъ корабля. Второй большевицкій пароходъ продолжалъ стрѣлять по намъ, но плохо.

«Алла Верды» ходилъ между островомъ и берегомъ, сосредоточивъ огонь на «Коломнѣ». Въ началѣ наша стрѣльба производила жалкое и обидное впечатлѣніе. Пристрѣлка велась не залпами, какъ принято у насъ, а однимъ носовымъ орудіемъ. Послѣ команды: «фаэръ» (огонь), орудіе еще продолжало наводить, а не стрѣляло немедленно. Было масса осѣчекъ, въ началѣ почти половина, къ концу боя около одной трети. Наши снаряды давали небольшой всплескъ, почти безъ дыму, еле видный, что крайне затрудняло пристрѣлку. Наши снаряды въ началѣ ложились безпорядочно, плохо по цѣлику, безсистемно по прицѣлу, и давали почти исключительно недолеты. Къ моменту, когда «Зороастръ» снялся съ якоря, наша стрѣльба стала лучше.

Въ началѣ боя дистанція сблизилась до 35-ти кабельтовыхъ, но вскорѣ «Коломна» ее увеличила до 45-50 кабельтовыхъ, что для нашихъ орудій являлось предѣломъ, такъ какъ они могли стрѣлять не больше, чѣмъ на 10.000

ярдовъ. «Алла Верды» выпустилъ за все время боя изъ двухъ своихъ орудій всего 49 снарядовъ, въ то время, какъ «Коломна» по одному, «Алла Верды» выпустилъ раза въ четыре больше.

Когда «Зороастръ» сталъ стрѣлять приличнѣе, его снаряды стали ложиться въ непосредственной близости отъ второго, меньшаго большевицкаго корабля. Всплески отъ 4,7″-ыхъ снарядовъ «Зороастра» были значительно внушительнѣе всплесковъ снарядовъ «Алла Верды». Повернувшись кормой, второй большевицкій корабль прошелъ около полумили, и затѣмъ спрятался за «Коломной». Больше участія въ боѣ онъ не принималъ. Къ концу боя дистанція опять уменьшилась, и тогда наша стрѣльба по «Коломнѣ» дала нѣсколько накрытій. Съ «Алла Верды» виденъ былъ огромный клубъ бѣлаго дыма и пара, мгновенно поднявшійся на «Коломнѣ». Сноу считалъ, что это было наше попаданіе, и написать впослѣдствіи объ этомъ въ своемъ рапортѣ.

Около 7-ми часовъ 40 минутъ на горизонтѣ за непріятельскими кораблями показалось еще четыре корабля. По сигналу «Зароастра» въ 8 часовъ 5 мин. мы вступили ему въ кильватеръ и легли на курсъ Нордъ-Остъ. Бой окончился въ 8.15. Мы вновь подняли Андреевскій флагъ.

Весь «Алла Верды» былъ засыпанъ осколками, парусина на мостикѣ была порвана осколками ,ими же были перебиты сигнальные фалы и проволоки радіо. Удивительно, что никто не былъ раненъ. Наша собственная стрѣльба принесла намъ больше поврежденій, чѣмъ непріятельская: отъ сильнѣйшаго сотрясенія корпуса корабля при стрѣльбѣ у насъ сорвались двери, треснули переборки каютъ, поломались зеркала, всѣ иллюминаторы, посуда. Переборка каюты

старшаго механика вывалилась совсѣмъ. На кораблѣ былъ сплошной хаосъ.

Поведеніе русской команды, никогда не бывшей прежде въ бою, было безукоризненно. Молодцами вели себя вахтенные въ машинѣ и кочегаркѣ. Зато нашъ поваръ-армянинъ при первыхъ выстрѣлахъ забился въ кубрикъ и, забывъ всѣ свои обязанности по тревогѣ, какъ входящаго въ трюмно-пожарный дивизіонъ, плакалъ и вылъ со страху истошнымъ голосомъ.

Разрушенія на «Зороастрѣ» были довольно значительны, но всего только одинъ человѣкъ былъ раненъ: ему оторвало обѣ ноги, и онъ вскорѣ умеръ. Убитыхъ не было.

Весь день при тихой погодѣ мы блуждали на Остъ отъ Чечни. По радіо узнали, что «Крюгеръ» идетъ на соединеніе съ нами. Вечеромъ узнали, что «Биби Эйбатъ» присоединился къ «Крюгеру». Находясь къ Зюйдъ-Осту отъ острова Чечень, около полуночи соединились съ «Крюгеромъ» и мы, и продолжали держаться въ морѣ въ раіонѣ острова всю ночь, идя безъ огней, въ одной кильватерной колоннѣ.

Утромъ 9-го декабря мы застопорили машины на параллели Петровска, въ видимости горъ. С. Н. О. вызвалъ къ себѣ на «Крюгеръ» командировъ («комендантовъ») «Зороастра» и «Алла Верды». Сноу разсказывалъ потомъ, что С. Н. О. интересовался главнымъ образомъ непріятелемъ. По словамъ С. Н. О., четыре корабля, видѣнные нами въ концѣ боя, были большевицкими транспортами съ войсками, предназначенными для высадки на Старо-Теречной. «Зороастръ» ошвартовался къ «Биби Эйбату», чтобы принять прѣсную воду, а насъ послали навстрѣчу шедшему сюда

«Нобелю». Часа черезъ полтора, встрѣтивъ «Нобель», вернулись къ другимъ кораблямъ и, въ составѣ пяти кораблей, пошли къ острову Чечень. Тамъ никого не было. Легли на курсъ Зюйдъ-Остъ и всю ночь крейсеровали на Остъ отъ Сулака. Утромъ пошли опять къ Чеченю. С. Н. О. поднялъ сигналъ, сообщая, что, въ случаѣ боя, корабли, вынужденные выйти изъ боя, имѣютъ итти къ Сулаку. Въ 13 часовъ открылся островъ, и за нимъ много какихъ-то кораблей. При подходѣ оказалось, что это большіе рыбацкіе шлюпы. Спустили поднятые было британскіе флаги, и съ «Крюгера» была послана шлюпка опросить рыбаковъ. Неподалеку отъ острова виднѣлся какой-то полузатопленный небольшой корабль. Мы легли на Нордъ и, пройдя восемь миль, повернули на Остъ. Вновь крейсеровали до утра, на Остъ отъ Сулака, внѣ видимости береговъ.

Утромъ 11-го декабря мы всѣ стали на якорь у Сулака, вдали отъ берега. Сноу отправился на «Крюгеръ» и вернулся оттуда съ довольно неожиданными новостями: оказалось, что при опросѣ рыбаковъ выяснилось, что во время нашего боя 8-го декабря подъ берегомъ, внѣ нашей видимости, стояло на якорѣ два миноносца Девятаго Дивизіона Балтійскаго Флота. Эти миноносцы были проведены изъ Балтики на Волгу для защиты Казани отъ Чехословаковъ, а затѣмъ прошли въ Каспій и вошли въ составъ большевицкихъ морскихъ силъ Каспійскаго моря. Рыбаки говорили, что оба миноносца умышленно не принимали участія въ бою, такъ какъ команды ихъ не ладятъ съ большевиками. На сторону «бѣлыхъ» переходить тоже не хотѣли, и потому держали себя нейтрально. Хороши были бы мы, если бы они вступили въ бой.

Днемъ пришла изъ Красноводска «Азія», а затѣмъ и «Слава». «Зороастръ» сдалъ по сигналу свои оставшіеся

снаряды «Крюгеру» и вмѣстѣ съ нимъ ушелъ въ Баку. Передъ этимъ Уошингтонъ пересѣлъ на «Славу». Въ 17 часовъ, въ составѣ пяти кораблей, снялись съ якоря и, имѣя «Славу» головнымъ, пошли на Остъ. Въ 23 часа легли на островъ Чечень. Ночью видѣли какіе-то быстро идущіе силуэты и, измѣнивъ курсъ, постарались съ ними сблизиться. Однако, нашъ малый ходъ этого не позволилъ, и силуэты вскорѣ скрылись.

Около 11-ти часовъ утра слѣдующаго дня мы, идя тѣмъ же строемъ, подошли къ Тюленьему острову. Никакихъ кораблей нигдѣ не было видно. «Слава» и «Нобель» наткнулись на банку, но довольно быстро снялись безъ посторонней помощи. Прокрейсеровавъ весь день въ раіонѣ Тюленьяго острова и не встрѣтивъ никакихъ большевицкихъ кораблей, къ ночи легли на Фортъ Александровскъ. Утромъ 13-го декабря обошли берегъ у Форта Александровска, но и здѣсь не было признаковъ большевицкихъ кораблей. Днемъ легли опять на островъ Чечень и, борясь съ разыгравшимся штормомъ, на утро подошли къ острову.

У Чечни на этотъ разъ стояло на якорѣ много рыбацкихъ шлюпокъ, но, кромѣ нихъ, никого. Со «Славы» былъ посланъ офицеръ опросить рыбаковъ. Рыбаки разсказали, что четыре транспорта, видѣнные нами въ концѣ боя 8-го декабря, все же высадили десантъ на Старо-Теречной. Небольшой большевицкій вооруженный пароходъ, принимавшій участіе въ бою, непосредственно послѣ боя наткнулся на рифъ. Самъ онъ сняться не могъ, но, вмѣсто того, чтобы помочь ему, большевики свезли съ него команду, а его самого затопили. «Коломна», по словамъ рыбаковъ, дѣйствительно, получила существенныя поврежденія въ бою. Кромѣ того, она дала течь отъ собственнаго сотрясенія при стрѣльбѣ и, въ концѣ концовъ, вскорѣ послѣ боя, стала

терпѣть бѣдствіе. Ее увели въ Астрахань на буксирѣ, съ довольно большимъ креномъ. Мы сами, конечно, слишкомъ рано вышли изъ боя. Если бы наши англійскіе «коменданты» были кадровыми, боевыми офицерами и проявили бы больше умѣнія, рѣшимости и отваги, ни одинъ изъ большевицкихъ кораблей отъ насъ не ушелъ бы. Снарядовъ у насъ было достаточно, и никакихъ серьезныхъ поврежденій у насъ не было.

Рыбаки разсказывали также, что у большевиковъ въ Астрахани появились еще два миноносца, по слухамъ, — «Финнъ» и «Москвитянинъ», переведенные изъ Балтики.

Эскадренный миноносецъ „Финнъ"

Эта новость ошеломила меня, какъ громомъ: я плавалъ на «Финнѣ» въ Балтикѣ, зналъ и любилъ каждый закоулокъ на немъ. Команда состояла изъ отличныхъ ребятъ и, если вся Минная Дивизія Балтійскаго Флота отличалась отрицательнымъ отношеніемъ къ большевикамъ, то, конечно, также и команды «Финна» и «Москвитянина». Оба бы-

ли бравыми, лихими и боевыми кораблями. Неужели, думалось мнѣ, есть на нихъ еще кто-нибудь изъ офицеровъ-соплавателей? Неужели придется встрѣтиться съ «Финномъ» въ бою, врагами? Все это казалось какимъ-то дикимъ наважденіемъ.

Но развѣ сама революція не была тѣмъ же?

Въ памяти съ огромной яркостью воскресъ весь

Авторъ на „Финнѣ"

«Финнъ», каждый его закоулокъ, палуба, каютъ-компанія. Моя каюта... Вспомнилась вся судовая жизнь на немъ, будни ея и праздники, наша боевая служба въ Ирбенскомъ проливѣ, боевые эпизоды, дружная жизнь всего пятаго дивизіона, гибель однотипнаго съ «Финномъ» «Добровольца». Нѣкоторые погибшіе на немъ нашли успокоеніе подъ небольшимъ надгробнымъ памятникомъ, стоящимъ и по сей часъ въ Гапсалѣ: «Кондукторъ такой-то, унтеръ-офицеры и ниж-

ніе чины такіе-то, за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившіе...» Вспомнились погибшіе на «Добровольцѣ» мичманы Блохинъ, мой другъ, и Гарковенко однокашникъ. Изъ судьба представлялась счастливой.

Рыбаки еще разсказывали, что изъ Балтики въ Астрахань прибыли двѣ подводныя лодки на баржахъ. Ихъ большевики предполагаютъ ввести въ дѣло весною.

Отъ острова Чечень мы ушли крейсеровать, а утромъ 15-го декабря стали на якорь у Сулака. Сноу отправился на «Славу» и привезъ оттуда новости: изъ Чернаго моря посланы въ Баку шестидюймовыя орудія съ англійской эскадры и новые британскіе моряки, всѣ кадровые. Сноу сообщилъ С. Н. О., что у насъ на «Алла Верды» дѣло съ провизіей обстоитъ неважно: осталось всего нѣсколько барановъ и очень мало муки. Кормить барановъ больше нечѣмъ, и уже нѣсколько дней, какъ несчастныя животныя оглашаютъ пароходъ своимъ жалобнымъ блеяніемъ. С.Н. О. сказалъ на это, что пока онъ намъ ничѣмъ помочь не можетъ. На «Алла Верды» пришлось сократить пайки.

Въ 17 часовъ снялись съ якоря и строемъ въ одну кильватерную колонну пошли на Остъ. Въ 24 часа легли обратно на Сулакъ, а утромъ пошли на о. Чечень. Старшій механикъ сталъ опасаться за наши котлы: они были въ очень скверномъ состояніи. Послѣ боя выяснилось, что нагаръ и сажа въ котлахъ пообвалились и старичокъ «Алла Верды» взбодрился благодаря этому на цѣлыхъ 12 узловъ на полномъ ходу, чего съ нимъ, навѣрное, много лѣтъ не бывало.

Дойдя до о. Чечень и вновь никого не встрѣтивъ, мы опять легли на Остъ, а затѣмъ на Сулакъ. Наконецъ, 17 де-

кабря въ 4 часа утра насъ отпустили на Баку. Погода испортилась, стало сильно задувать, шелъ снѣгъ и дождь. Днемъ штормъ достигъ 10-ти балловъ, и всю ночь насъ мотало немилосердно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

18-го декабря 1918-го года днемъ «Алла Верды» вошелъ въ Бакинскую гавань при затихающемъ штормѣ. На слѣдующій день пароходъ сталъ въ докъ для основательнаго ремонта.

Въ Баку было неспокойно. Какъ-то съ трудомъ вѣрилось, что миръ и спокойствіе и радость избавленія отъ турецко-татарскаго нашествія, которые такъ ярко проявились еще недавно, могли уже смѣниться нервной и напряженной атмосферой. Причинъ этому оказалось двѣ, и обѣ онѣ были основаны на дѣйствіяхъ генерала Томсона.

Напомню, что когда бакинцы пригласили «Данстерфорсъ» помочь въ защитѣ Баку отъ турокъ, то это приглашеніе исходило также и отъ рабочихъ. Эти послѣдніе имѣли нѣсколько лидеровъ, людей авторитетныхъ въ рабочей средѣ и, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, людей умѣренныхъ. Большевиковъ было мало, и они не были видны на поверхности, несмотря на то, что еще передъ революціей Баку было однимъ изъ ихъ главныхъ гнѣздъ. По всей вѣроятности, самые дѣятельные изъ нихъ уже давно отправились на сѣверъ, въ Москву и Петербургъ, поближе къ лако-

мымъ мѣстечкамъ въ большевицкомъ правительствѣ. Теперешніе бакинскіе рабочіе главари принадлежали къ различнымъ партіямъ, въ большинствѣ къ соціалистамъ-революціонерамъ.

Непосредственно передъ нашимъ приходомъ въ Баку, пять рабочихъ-главарей были внезапно арестованы по распоряженію ген. Томсона и полковника Кокериля, начальника англійской «военной полиціи». Какъ нарочно, большинство арестованныхъ были именно тѣми, которые ратовали въ свое время за приглашеніе англичанъ. Объясненій не было дано никакихъ, никто не зналъ причинъ ареста. Среди людей, относившихся къ англичанамъ съ наибольшимъ довѣріемъ, носились слухи, что ген. Томсона кто-то нарочито неправильно информировалъ. Немедленно послѣ ареста всѣ пять рабочихъ-лидеровъ были отвезены англичанами въ Энзели для дальнѣйшей отправки на югъ, но куда именно, никто не зналъ. Этотъ неожиданный и непонятный арестъ произвелъ на всѣ слои населенія сильное и прескверное впечатлѣніе. Рабочіе же заволновались. Появились прокламаціи съ нападками на англичанъ, которыхъ въ прокламаціяхъ обозначали, какъ «такъ называемое союзное командованіе». Прокламаціи призывали рабочихъ къ всеобщей забастовкѣ протеста. Была созвана конференція промыслово-заводскихъ и судовыхъ комитетовъ и профессіональныхъ союзовъ, въ которой приняли участіе также и матросы «Карса», «Ардагана» и другихъ канонерокъ. Эта конференція выдѣлила «стачечный комитетъ» и назначила всеобщую политическую забастовку на 24-ое декабря, 10 час. утра. Согласно забастовочному плану, работа должна была прекратиться во всѣхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ, кромѣ водопровода питьевой воды, мельницъ, больницъ и санитарныхъ учрежденій, а также кромѣ двухъ пе-

каренъ — Сураханской и Сабунчинской, обслуживающихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ. Въ прокламаціяхъ было обѣщано прекратить забастовку только въ случаѣ возвращенія арестованныхъ и ихъ освобожденія.

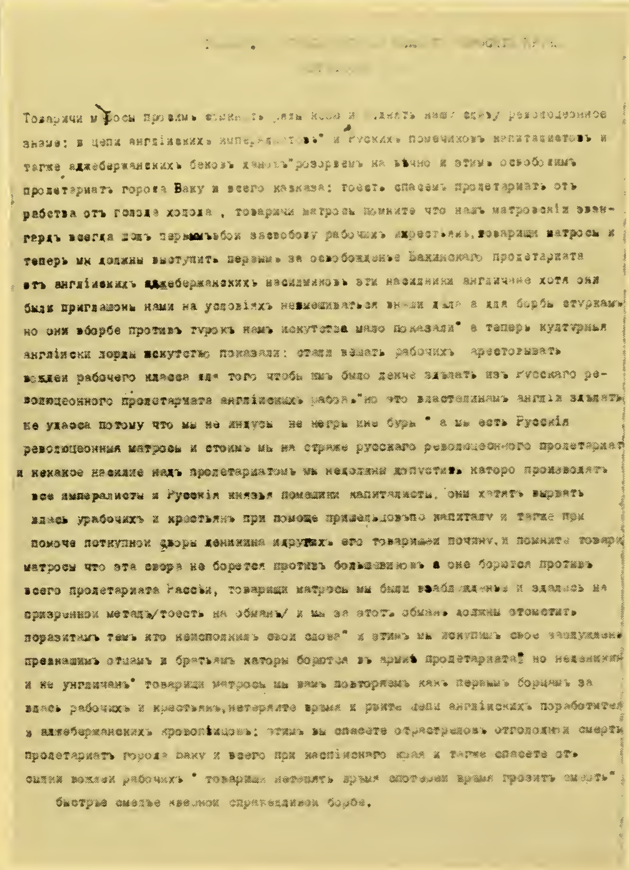
Забастовка началась. Днемъ городъ представлялъ сравнительно обычное зрѣлище, зато ночью, погруженный въ темноту, пустынный и зловѣщій, онъ производилъ жуткое впечатлѣніе. Появились прокламаціи уже явно большевицкаго характера, съ призывами требовать, «сдачи города большевикамъ». Большевицкая пропаганда заработала почти явно. На Балаханахъ произошло собраніе большевицкихъ агентовъ и большевизанствующихъ рабочихъ. Одновременно начала сказываться большевицкая пропаганда на канонеркахъ. Такъ, на «Ардаганѣ» была отпечатана на пишущей машинкѣ совершенно безграмотная прокламація. Привожу ея факсимиле ниже.

Въ этой прокламаціи матросы призывались спасти пролетаріатъ отъ рабства, голода, голодной смерти, разстрѣловъ и насилій, «каторо производятъ все имперіалисты и русскія князья помещики капиталисты».

Нечего и говорить, что ни рабства, ни голода, ни холода не было, голодныхъ смертей и разстрѣловъ не было тѣмъ болѣе.

Интереснымъ было заявленіе въ прокламаціи, что «эта свора не борется противъ большевиковъ, а борется противъ пролетаріата Россѣи», и что «товарищи матросы мы были взаблужденье и здались на презренной металъ (тоесть на сбманъ) и мы за этотъ обманъ должны отомстить паразитамъ темъ кто неисполнилъ свои слова и этимъ мы искупимъ свое заблужденіе преднашимъ отцамъ и братьямъ которы борются въ армиѣ пролетариата но неденикина и не англи-

чанъ». Совершенно неожиданно составитель этой прокламаціи, очевидно, какой-то малограмотный матросъ второй статьи заканчивалъ ее словами Петра Великаго, нѣсколько



Товарищи матросы проявимъ свою [illegible] дѣла [illegible] и [illegible] нашу всю/ революционное знамя: в цепи англійскихъ импе[illegible]овъ" и Руских» помещиковъ эксплотаторовъ и тагже аджебаржанскихъ беков ханов"розорвемъ на вѣчно и этимъ освободимъ пролетариатъ города Баку и всего кавказа: тоесть спасемъ пролетариатъ отъ рабства отъ голода холода , товарищи матросы помните что нашъ матросскій авангердъ всегда шолъ первымъ в бой заосвобову рабочихъ и крестьянъ, товарищи матросы и теперь мы должны выступить первымъ за освобождение Бакинскаго пролетариата отъ англійскихъ адджебержанскихъ насильниковъ эти насильники англичане хотя они были приглашоны нами на условіяхъ невмешиваться вн[illegible] дѣла а для борбы стурками» но они вборбе противъ турокъ намъ искуства мало показали" а теперь културныя англійски лорды искуство показали: стали хватать рабочихъ арестовывать вождей рабочего класса для того чтобы имъ было легче зделать изъ Русскаго революцеонного пролетариата англійскихъ рабовъ."но это властелинамъ англіи зделать не удасся потому что мы не индусы не негры или буры " а мы есть Русскія революцеонныя матросы и стоимъ мы на страже русскаго революцеонного пролетариат и некакое насилие надъ пролетариатомъ мы недолжны допустить» каторо производятъ все империалисты и Русскія князья помещики капиталисты. они хотятъ вырвать власть урабочихъ и крестьянъ при помоще приваль[illegible] капиталу и тагже при помоче поткупной своры деникина идругихъ его товарищей почину, и помните товарищ матросы что эта свора не борется противъ большевиковъ а оне борется противъ всего пролетариата Рассіи, товарищи матросы мы были [illegible] и здались на призрачной металъ/тоесть на обманъ/ и мы за этотъ обманъ должны отомстить поразительнымъ темъ кто неисполнилъ свои слова" и этимъ мы искупимъ свое заслуженіе пред нашимъ отцамъ и братьямъ каторы борется въ арміи пролетариата" но недвинки и не унгличанъ" товарищи матросы мы вамъ повторяемъ какъ первымъ борцамъ за власть рабочихъ и крестьянъ, нетеряйте время и рвите цепи англійскихъ поработителе и адгебержанскихъ кровопійцовъ: этимъ вы спасете отрастреловъ отголодной смерти пролетариатъ города баку и всего прикаспійскаго края и тагже спасете отъ силки вождей рабочихъ " товарищи нетерять время спотерей время грозить смерть" быстрые смелые к[illegible] справедливой борбе.

Прокламація

переиначивъ ихъ: «Товарищи нетерять врѣмя спотереи врѣмя грозитъ смерть»...

Да, ни рабства, ни голода, ни холода, ни голодныхъ смертей не было, не было и разстрѣловъ, но насиліе надъ рабочими-лидерами, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, было налицо, и было оно воспринято буквально всѣми слоями населенія, какъ грубая и крайне опасная ошибка ген. Томсона, по всей вѣроятности, поддавшагося на тонкую большевицкую провокацію, не давъ себѣ труда хорошенько разобраться въ дѣлѣ и взвѣсить могущія быть послѣдствія.

Какія-то темныя лица стали распространять въ городѣ слухи о приближеніи къ городу большевицкой красной арміи. При всей своей нелѣпости, этимъ слухамъ многіе повѣрили, и нервность въ городѣ еще болѣе увеличилась. «Стачечный комитетъ» сталъ выпускать свои «извѣстія», наполненныя зажигательными и ругательными статьями. Въ нихъ было много лжи и демагогіи, было много самыхъ площадныхъ ругательствъ, адресованныхъ ген. Томсону, англійскому командованію и союзникамъ вообще. Чувствовалась растущая озлобленность. Сама первоначальная причина конфликта стала постепенно отступать на задній планъ, и становилось ясно, что отношенія между англичанами и рабочими Баку испортились до степени безнадежности примиренія.

Забастовка совпала съ Рождествомъ Христовымъ по новому стилю. Британскіе солдаты и матросы толпами разгуливали по городу, пьяные и шумные. Попадались изрѣдка и сильно пьяные, неспособные держаться на ногахъ безъ посторонней помощи. На рабочихъ это произвело своеобразное впечатлѣніе: «что же это они, смѣются что ли? Мы бастуемъ, боремся, а они хоть бы что, ходятъ себѣ пьянымъ-распьяно».

Появились большевицкія прокламаціи на англійскомъ языкѣ.

Вся эта эпопея кончилась тѣмъ, что ген. Томсонъ приказалъ вернутъ и освободить арестованныхъ рабочихъ. Въ выпущенномъ генераломъ обращеніи къ рабочимъ, онъ призывалъ ихъ прекратить забастовку и, объясняя суть переговоровъ, которые онъ велъ съ рабочими, заявилъ, что во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Рабочіе были другого мнѣнія, и въ своей прокламаціи они провозгласили свою побѣду.

Забастовка прекратилась на четвертый день. Арестованные вернулись въ Баку и были освобождены. Въ газетахъ была опубликована бесѣда между ген. Томсономъ и однимъ изъ освобожденныхъ, нѣкіимъ Сако-Саакяномъ. Въ этой бесѣдѣ генералъ призналъ, что допустилъ ошибку, но этотъ жестъ не смогъ возстановить хорошія отношенія, существовавшія до конфликта. Ошибка была слишкомъ серьезна.

Почти непосредственно послѣ конфликта съ рабочими, произошло новое событіе, возстановившее противъ англичанъ все русское и армянское населеніе города. Ген. Томсонъ призналъ самостоятельность «Азербейджанской республики», и на этотъ разъ безъ всякаго упоминанія о временности этого признанія.

Это «признаніе» имѣло свою исторію: прибывъ въ Баку, генералъ Томсонъ заявилъ, что не признаетъ «Азербейджанскаго правительства», сформированнаго при Нури-пашѣ и заключившаго союзъ съ Турціей, такъ какъ это правительство состоитъ изъ представителей одной изъ мѣстныхъ національностей, и что если бы онъ вообще могъ при-

знать какую бы то ни было самостоятельность, то только временно, «до мирной конференціи» и до (въ этомъ звучала, какъ будто, новая нотка) созыва Россійскаго Учредительнаго Собранія.

Тогда татары, единственные изъ всѣхъ національностей, населявшихъ Баку, въ которыхъ существовалъ духъ мѣстечковаго патріотизма и сепаратизма, попытались создать коалиціонное правительство. Они обратились къ армянамъ, но тѣ наотрѣзъ отказались, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что программа татаръ имъ не подходитъ, и что они вообще не намѣрены отдѣляться отъ Россіи. Предчувствуя подобный же отвѣтъ отъ русскихъ, татары не нашли нужнымъ войти даже въ контактъ съ Русскимъ Національнымъ Комитетомъ, объединявшимъ русское населеніе Баку. Вмѣсто этого, татары нашли какихъ-то ДВУХЪ никому неизвѣстныхъ, по-виду русскихъ, людей и предложили имъ по министерскому портфелю изъ самыхъ неважныхъ въ организуемомъ ими правительствѣ. Эти «русскіе» согласились. Къ сожалѣнію, ни кто они, ни ихъ профессію такъ и не удалось узнать. Фамиліи ихъ ничего не говорили, да они могли быть и псевдонимами. Никто этихъ махинацій татаръ въ серьезъ не принималъ, и всѣ считали, что ихъ попытка добиться признанія такого смѣхотворнаго коалиціоннаго правительства обречена на неудачу.

Генералъ Томсонъ это «правительство» призналъ. Имъ была выпущена прокламація къ населенію Баку и области, въ которой онъ заявлялъ, что признанное имъ правительство считаетъ **единственнымъ**, имѣющимъ всю полноту власти въ предѣлахъ «Азербейджана», и что онъ будетъ поддерживать это правительство всѣми мѣрами, находящимися въ его распоряженіи.

Мусульманскія газеты немедленно стали писать о

признаніи союзниками азербейджанской республики, газеты же общегосударственнаго направленія забили тревогу и выражали свое несказанное удивленіе, во-первыхъ, тому, что вообще могла быть признана подобная смѣхотворная и бутафорская коалиція, а, во-вторыхъ, тому, что въ прокламаціи ген. Томсона не было ни слова о временномъ характерѣ признанія. Газеты все это называли непростительной политической **ошибкой** ген. Томсона. Тогдашніе политическіе дѣятели все еще отказывались вѣрить, что подобныя дѣйствія не были ошибкой англійскаго генерала, а наоборотъ, его политической побѣдой, побѣдой англійской политики, наносящей сознательную рану Россіи.

Находились сородичи наши, задававшіе намъ вопросъ: «какъ можемъ мы оставаться на англійской службѣ, разъ англичане ведутъ себя подобнымъ образомъ?»

Мы считали своимъ долгомъ продолжать служить, и наша служба пріобрѣтала, по мѣрѣ развитія событій, все болѣе отвѣтственный характеръ.

29-го декабря «Слава», «Вентюръ» и «Азія» уничтожили артиллерійскимъ огнемъ большевицкіе склады на Старо-Теречной, потопили нѣсколько груженыхъ баржъ и захватили большевицкое госпитальное судно съ персоналомъ, ранеными и здоровыми большевиками. Госпитальное судно было отведено въ Петровскъ, большевики посажены въ тюрьму, а медицинскій персоналъ, чрезвычайно довольный, что удалось выбраться изъ большевицкаго рая, былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны. Вскорѣ выяснилось, что среди раненыхъ, дѣйствительно, есть большевики, и эти были оставлены въ заключеніи. Здоровые же были тѣми, которые нарочно остались на госпитальномъ суднѣ, чтобы вырвать-

ся отъ большевиковъ, тогда какъ настоящіе большевики, начиная съ комиссаровъ, всѣ бѣжали на берегъ при приближеніи нашихъ кораблей. На потопленныхъ баржахъ не было ни одного человѣка, такъ что вся операція прошла безъ кровопролитія.

Въ Петровскѣ издавалась газетка демагогически-большевизантствующаго типа, и въ ней появилось совершенно не соотвѣтствующее дѣйствительности описаніе захвата. Судя по этому описанію, госпитальное судно, мирно стоявшее въ это время въ Петровской гавани, было потоплено съ тысячью раненыхъ, и что на потопленныхъ баржахъ была другая тысяча раненыхъ. Впослѣдствіи въ мои руки попала пачка астраханскихъ газетъ, въ которыхъ была повторена лживая информація петровской газетки, съ той разницей, что количество потопленныхъ раненыхъ увеличено было до трехъ тысячъ.

Безпрерывные зимніе штормы на сѣверѣ моря сильно затрудняли работу нашихъ кораблей. Въ Баку были получены свѣдѣнія, что нѣкоторые наши корабли даже пострадали отъ непогоды. Такъ, на «Эмануилѣ Нобелѣ» были снесены палубныя надстройки. Большую роль въ трудностяхъ борьбы со штормами играло то обстоятельство, что всѣ наши вооруженные корабли были безъ киля, плоскодонные, какъ почти всѣ Каспійскіе пароходы.

Послѣ окончанія забастовки слухи о скоромъ наступленіи большевиковъ на Баку прекратились. Однако, усилившаяся большевицкая пропаганда стала почти открытой, въ особенности среди военныхъ моряковъ. Броженіе было особенно сильнымъ на «Карсѣ» и «Ардаганѣ». Въ концѣ концовъ, команды обѣихъ канонерокъ рѣшили арестовать

своихъ офицерсвъ и итти въ Астрахань къ большевикамъ. Первое рѣшеніе было немедленно приведено въ исполненіе. Часть офицеровъ съ канонерокъ, а также нѣкоторые офицеры съ другихъ русскихъ вооруженныхъ кораблей успѣли бѣжать въ городъ, часть же была арестована. Благодаря вмѣшательству Бичерахова и Томсона, ихъ удалось спасти, и они съѣхали съ кораблей въ городъ. Корабли остались безъ офицеровъ.

Вскорѣ выяснилось, что скверное отношеніе къ офицерамъ существуетъ только на «Карсѣ» и «Ардаганѣ», и что остальные корабли подобному отношенію не сочувствуютъ, и, уступая просьбѣ командъ этихъ кораблей, офицеры на нихъ вернулись. Команды «Карса» и «Ардагана» грозились расправиться съ этими офицерами, но тогда команды лояльныхъ кораблей выставили у траповъ пулеметы и заявили, что не позволятъ командамъ «Карса» и «Ардагана» притти за офицерами.

Оставшіяся безъ офицеровъ, обѣ канонерки медлили съ выполненіемъ второй части своего рѣшенія и въ Астрахань не уходили, хотя никто въ этомъ имъ не препятствовалъ. Проходили дни, а канонерки все продолжали стоять. Среди ихъ командъ начался расколъ. Семейные матросы, связанные съ Баку, заявили, что не хотятъ покидать Баку, молодые же настаивали на уходѣ. Споры и ссоры продолжались до середины февраля, когда произошли событія исключительнаго значенія. О нихъ рѣчь впереди.

Встрѣтивъ меня какъ-то на пристани, С.Н.О. поздравилъ меня съ принятіемъ Лондонскимъ Адмиралтействомъ моего проекта относительно переброски въ Каспій вооруженныхъ быстроходныхъ катеровъ, но не сказалъ ни слова

о томъ, что, вмѣсто нашихъ русскихъ катеровъ, укомплектованныхъ русскими командами, какъ предполагалось согласно моему проекту, будутъ присланы англійскіе катера съ англійскими командами, какъ это выяснилось впослѣдствіи. С.Н.О. сказалъ, что три катера уже высланы, и еще три грузятся на желѣзнодорожныя платформы въ Батумѣ. Для этихъ шести катеровъ будетъ приспособленъ подъ «матку» самый большой каспійскій пароходъ «Волга», который будетъ вооруженъ англійскими шестидюймовыми орудіями. Палуба «Волги» очень удобна для размѣщенія всѣхъ шести катеровъ. С.Н.О. сказалъ также, что эти катера сослужатъ хорошую службу при борьбѣ съ большевицкими подводными лодками, и для этой цѣли съ англійской эскадры въ Черномъ морѣ присылаются на Каспій спеціальныя бомбы, которыми катера будутъ укомплектованы.

Уходъ «Алла Верды» изъ Баку въ Петровскъ былъ назначенъ на 8-ое января, а 6-го на кораблѣ разыгрался грандіозный скандалъ, виновникомъ котораго былъ Сноу. 6-го января было сочельникомъ православнаго Рождества Христова, и наша русская команда попросила дать праздничный отпускъ. Эту просьбу я поддержалъ. Сноу взъѣлся и на команду и на меня, и категорически отказался дать людямъ отпускъ на томъ основаніи, что на кораблѣ много работы. Между мною и Сноу произошелъ обмѣнъ сомнительными любезностями, а команда поголовно потребовала расчета. Дѣло уладилъ С.Н.О., приказавшій Сноу дать людямъ отпускъ. Команда была очень довольна, а мы съ Сноу довольно долго ограничивались официально необходимыми разговорами.

8-го января утромъ мы ушли въ Бакинскій Черный городъ грузиться нефтью, а къ вечеру ушли въ Петровскъ, не

опредѣливъ дэвіаціи. Сноу нашелъ, что это излишне, несмотря на то, что со времени предыдущаго дэвіированія прошло много времени, въ теченіе котораго мы были въ бою, стояли въ докѣ и своими починками и перестройками производили добавочныя измѣненія въ расположеніи мягкаго желѣза. Мои замѣчанія о томъ, что можетъ повториться наша навигаціонная эпопея у Тюленьяго острова, не привели ни къ чему.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Медленно и спокойно двигался починенный «Алла Верды» въ направленіи Петровска. Погода была ясная, холодная, слегка покачивало. Вечеромъ 9-го января увидѣли «Азію», шедшую въ Баку чинить свои загнанные котлы.

Утро 10-го встрѣтило насъ густымъ туманомъ. Когда туманъ сталъ немного тоньше, завидѣли берегъ и стали на якорь, не будучи увѣрены, гдѣ мы находимся. Постепенно, въ разсѣивающемся туманѣ, берегъ сталъ принимать болѣе отчетливыя очертанія, и вскорѣ мы увидѣли, что находимся, по всѣмъ признакамъ, ...у Сулака.

Мое меланхолическое замѣчаніе, что, «конечно, Сулакъ тоже не плохое мѣсто, хотя мы, кажется, шли въ Петровскъ», было принято Сноу съ гордымъ безразличіемъ. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ, оторвавшись отъ бинокля, заявилъ раздраженно, обращаясь къ Уиндзору: «Я считаю, что это вовсе не Сулакъ». «Не опредѣливъ дэвіаціи, этакъ можно и въ Астрахань попасть», — замѣтилъ я тѣмъ же меланхолическимъ тономъ, ни къ кому не обращаясь. На этотъ разъ я былъ вознагражденъ концен-

трированно-презрительнымъ взглядомъ. Морская наука была отомщена.

Мы снялись съ якоря и легли на югъ. Туманъ накрылъ насъ вновь, и мы проблуждали три съ половиной часа, пока, наконецъ, при разсѣявшемся туманѣ не всшли въ Петровскую гавань. Возстановленіе нашего пути на картѣ, обратнымъ порядкомъ, показало, что мы дѣйствительно были у Сулака. За завтракомъ, обращаясь исключительно къ Уиндзору, Снсу погрузился въ разговоры о томъ, что ему Каспій надоѣлъ до смерти, и что ему недостаточно платятъ за всѣ его мученія. Уиндзоръ поддакивалъ.

Въ Петровскѣ мы нашли «Эм. Нобель». «Вентюръ», «Славу» и «Биби Эйбатъ», а также большевицкое госпитальное судно, захваченное 29-го декабря.

Послѣ долгаго промежутка наши русскіе морскіе офицеры смогли теперь вновь встрѣтиться и обмѣняться впечатлѣніями. Предполагалось, что оперативной базой нашихъ кораблей будетъ отнынѣ Петровскъ, и поэтому мы рѣшили организовать на берегу нѣчто въ родѣ Морского Собранія, въ которомъ мы могли бы собираться по вечерамъ, или куда можнс было бы просто зайти посидѣть въ свободное отъ службы время. Поиски помѣщенія увѣнчались скорымъ успѣхомъ, и мы оказались обладателями двухъ меблированныхъ комнатъ — столовой и гостиной.

Это наше импровизированное Морское Собраніе стало сразу же весьма популярнымъ. Пріятно было проводить свободное время въ своей средѣ. Всѣ наши офицеры кораблей, приходившихъ или стоявшихъ въ Петровскѣ, считали своимъ долгомъ надѣваться въ Собраніе. Иногда случалось, что тамъ встрѣчались почти всѣ, но такіе случаи

были не частыми, такъ какъ, несмотря на все ухудшавшіяся условія зимняго плаванія на сѣверѣ Каспія, и хотя большевики въ Астрахани замерзли, плаванія продолжались.

Во время нашихъ встрѣчъ въ Собраніи, происходили, главнымъ образомъ, политическіе разговоры, и разбирались вопросы, касающіеся «текущаго момента». Однако, иногда эти разговоры вызывали протесты: хотѣлось отдохнуть, отойти немного отъ дѣйствительности. И тогда начиналось «увеселеніе команды». На этихъ увеселеніяхъ хочется остановиться, потому что они были однимъ изъ немногихъ свѣтлыхъ пятенъ на общемъ фонѣ жизни. Эти вечера «съ увеселеніями» были проникнуты особой теплотой, и нѣсколько напоминали рѣдкіе ротные вечера въ Морскомъ Корпусѣ, носившіе красочное, но совершенно непечатное названіе. Старшій лейтенантъ Н. В. Потоловъ, какъ старшій среди насъ, опредѣлялъ программу подобнаго вечера. Кстати, «увеселенія» происходили исключительно въ своемъ тѣсномъ кругу, приглашенныхъ не бывало.

Въ нашемъ репертуарѣ были такіе замѣчательные перлы, какъ «Ловля блохъ въ Норвегіи», «Короли воздуха», «Прекрасная дѣвственница Маделена, ейный обожатель графъ Дихонкуръ, евоный пріятель, ошибочный Дипланшетъ, и что изъ этого вышло», «Индѣйцы», «Семейство негоціанця Грибуля»... Этотъ послѣдній разсказъ начинался такъ:

«Въ домѣ негоціанця Грибуля всѣ сплять. Но не сплять, однако, разбойники — Жюль и Иванъ. И вотъ воны замышляютъ преступно дѣйство ограбленія деревлянной несгораемой шкатулки онаго вышесказаннаго негоціанця Грибуля, въ которой этотъ послѣдній хранилъ всѣ свои капиталы...»

Не имѣю представленія о томъ, кто эти разсказы выду-

мывалъ, но всѣ разсказывавшіе ихъ отрицали свое авторство. Въ полутьмѣ притушенной керосиновой лампы (электричества не было), уютно усѣвшись въ углу гостиной, мы готовы были часами слушать безконечные глупые и смѣшные разсказы, преподносимые народнымъ говоркомъ, чаще всего въ видѣ поясненія къ «идущей на ефтомъ екранѣ хвильмы». Для полноты картины, кто-либо изъ присутствующихъ долженъ былъ трясти коробочку спичекъ, подражая звуку работающаго кино-аппарата...

Часто бывало, что Потоловъ читалъ какое-нибудь свое импровизированное стихотвореніе на злободневную тему. Запомнился конецъ одного изъ нихъ, высмѣивавшаго бой 8-го декабря:

..«Для памяти всѣмъ о несчастной напасти,
Остались три дыры въ борту «Зороастры».
Сноу же въ рапортѣ нещадно привралъ:
Я, beg your pardon, врага раскаталъ».

Были стихи и на каждаго изъ насъ, при чемъ къ каждому было въ этихъ стихахъ прицѣплено то, чѣмъ его въ своей компаніи «разыгрывали»:

...«Лишинъ въ шелковой пижамѣ,
Нашъ Кардашъ, что каждой дамѣ
Такъ пріятенъ, словно медъ,
Глѣбушка, что крѣпко пьетъ,
Ваня — парень очень честный,
Какъ «Айвэновъ» здѣсь извѣстный...»

Про нашъ «флотъ» Потоловъ сочинилъ саркастическое двустишіе:

«Флотъ единственный въ Европѣ:
Что ни шипъ — труба на....»

(«Шипъ» по-англійски, корабль. «Труба на.....» ну, скажемъ, на..... кормѣ. Трубы всѣхъ нашихъ кораблей были на кормѣ).

Бывало, мы изображали великолѣпный оркестръ на гребенкахъ... Кстати, въ нашемъ Морскомъ Собраніи никогда не бывало никакого пьянства. Кромѣ того, въ немъ категорически было запрещено хандрить или предаваться унылымъ разговорамъ: здѣсь мы должны были отдыхать. Эти отдыхи были рѣдки.

13-го января изъ Баку поѣздомъ пріѣхалъ генералъ Томсонъ, и съ нимъ 1000 гуркосовъ и часть сухопутнаго англійскаго авіаціоннаго парка. Было рѣшено имѣть подъ Петровскомъ 12 самолетовъ. Въ ближайшее время ожидалось прибытіе британской артиллеріи.

Бакинскія газеты принесли извѣстіе о покушеніи на Куна: кто-то въ него стрѣлялъ, къ счастью, неудачно. Соціалистическія газеты Баку были полны травлей Куна: писали про «Красноводскій застѣнокъ» и тому подобную чушь, разжигали страсти пролетаріата. Очевидно, сожалѣли, что покушеніе не удалось, и подготовляли атмосферу для новаго покушенія.

У насъ на «Алла Верды» появился новый британскій морской офицеръ, присланный съ британской эскадры, находившейся въ Черномъ морѣ, по фамиліи — Паттерсонъ,

артиллеристъ въ чинѣ «мэйтъ, Рояль Нэви», т. е. младшій лейтенантъ дѣйствительной службы, но произведенный изъ унтеръ-офицеровъ. По нашему, ластовый. Онъ былъ назначенъ къ намъ старшимъ офицеромъ, и Уиндзоръ автоматически превратился въ вахтеннаго начальника. Паттерсонъ оказался славнымъ человѣкомъ и хорошимъ офицеромъ. Онъ вскорѣ сталъ въ довольно рѣзкую оппозицію къ Сноу, и къ этой оппозиціи молчаливо примкнулъ и Уиндзоръ.

Днемъ 13-го января мы, вмѣстѣ съ «Вентюромъ» и «Славой», вышли въ раіонъ острова Чечень. На слѣдующее утро мы подошли къ берегу у Брянской и увидѣли стоящій на якорѣ подъ берегомъ небольшой пароходъ. При нашемъ приближеніи отъ парохода отдѣлилась шлюпка съ вооруженными людьми, которая съ наивозможной быстротой направилась къ берегу, и какъ только она достигла его, всѣ бывшіе на ней поспѣшно бѣжали. Оказалось, что пароходъ этотъ — «Амассія», и что бѣжавшіе люди были большевицкимъ карауломъ. Выяснилось, что «Амассія» была нѣсколько времени тому назадъ послана изъ Энзели въ Астрахань съ грузомъ провизіи для астраханской персидской колоніи, съ разрѣшенія англійскаго командованія. Она не смогла войти въ Волгу изъ-за льда, но большевики ее все же захватили, забрали себѣ провизію, а пароходъ стали употреблять для своихъ цѣлей. На «Амассію» былъ посаженъ Уиндзоръ съ пятью англійскими матросами, и она была направлена въ Петровскъ.

Мы стали на якорь у Чечни, и вскорѣ разыгралась снѣжная пурга.

У острова мы простояли до 17-го января. За это время съ «Вентюра» и «Славы» отправили на островъ небольшой десантъ, который осмотрѣлъ островъ и ничего не нашелъ,

кромѣ одного русскаго полковника съ женой, и вернулся, забравъ ихъ съ собой. Оказалось, что полковнику съ женой удалось бѣжать отъ большевиковъ. Ихъ впослѣдствіи высадили въ Петровскѣ. На «Вентюръ» пригребъ на шлюпкѣ съ острова какой-то человѣкъ, котораго тоже взяли съ собою. Онъ оказался нашимъ шпіономъ, побывавшимъ въ Астрахани и во многихъ раіонахъ расположенія большевицкихъ силъ. Во время этой якорной стоянки, къ намъ на «Алла Верды» пришелъ на шлюпкѣ докторъ Коккэйнъ съ «Вентюра». Онъ разсказывалъ, что посылка «Амассіи» изъ Энзели въ Астрахань не была единичнымъ случаемъ, но что еще до нея былъ посланъ пароходъ «Николай» тоже съ провизіей для персидской колоніи въ Астрахани и тоже съ разрѣшенія англичанъ. Этотъ пароходъ успѣлъ пройти къ городу еще до льда и, конечно, немедленно былъ захваченъ большевиками.

17-го утромъ мы снялись съ якоря и прошли къ Старо-Теречной. У пристани стояли двѣ баржи и маленькій волжскій пароходикъ. Мы почему-то не обратили на нихъ никакого вниманія. Видъ у берега былъ унылый и печальный, благодаря развалинамъ разбитыхъ и сожженныхъ 29-го декабря складовъ. Въ надвигающемся туманѣ мы ушли къ Чечню, а вечеромъ направились въ Петровскъ.

На этотъ разъ мы пробыли въ Петровскѣ довольно долго, до 25-го января, такъ что механики имѣли возможность повозиться съ котлами, которые вновь стали причинять имъ заботы. Мнѣ удалось поговорить съ нашимъ шпіономъ, привезеннымъ «Вентюромъ» съ острова Чечень. Онъ разсказалъ, что большевики сильны и прекрасно снабжены боевыми матеріалами. Красноармейскія части

состоятъ, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ латышей и наемныхъ китайцевъ, которымъ платятъ очень большія деньги. Дисциплина строгая. Большевикамъ доставляютъ непріятности матросы кораблей, прибывшихъ изъ Балтики: отказываются участвовать въ гражданской войнѣ и не желаютъ драться противъ союзниковъ. Большевики не примѣняютъ къ нимъ репрессій, надѣясь, что съ началомъ весенней кампаніи матросы перестанутъ артачиться. Всѣ они — Минной Дивизіи и Подводнаго Плаванія Балтійскаго Флота. Есть и небольшое количество морскихъ офицеровъ, но за ними очень строго слѣдятъ. «Финномъ» будто бы командуетъ Лейтенантъ Х..... (Въ этомъ трудѣ приведены полностью фамиліи только тѣхъ, относительно которыхъ существуетъ увѣренность, что они находятся внѣ Сов. Россіи, или что они погибли или умерли. Прим. автора.). Лейт. Х. былъ моимъ старымъ другомъ и сплавателемъ. Нельзя было себѣ представить, чтобы онъ идейно перешелъ къ большевикамъ. Видимо, арестовали кого-нибудь изъ его родственниковъ, вѣроятнѣе всего — мать, чтобы такимъ образомъ держать его въ рукахъ.

Съ трудомъ оторвавшись отъ невеселыхъ мыслей, сталъ вновь слушать, что говорилъ шпіонъ. Особенно интересны были его свѣдѣнія о ночи, предшествовавшей нашему бою 8-го декабря. Онъ былъ въ это время на островѣ Чечень. Оказалось, что большевицкіе транспорты съ войсками, придя ночью въ районъ о. Чечень, стали на якорь невдалекѣ отъ «Зароастра», не неся никакихъ огней. Передъ разсвѣтомъ они произвели высадку войскъ у Старо-Теречной. Высадку не закончили, такъ какъ начавшійся бой между нами и ихъ конвоирами заставилъ ихъ отойти изъ опасенія быть застигнутыми. Ночью къ «Зороастру» приблизился одинъ изъ двухъ миноносцевъ, но, рѣшивъ, что военное

судно никогда не станетъ стоять освѣщеннымъ въ районѣ возможной встрѣчи съ непріятелемъ, не пустилъ его ко дну, а отошелъ подъ берегъ и сталъ на якорь. Во время нашего боя на о. Чечень находился начальникъ большевицкой морской контръ-развѣдки, матросъ Черноморскаго Флота. Очевидно, такой же блестящій зѣвака, какъ нашъ бравый комендантъ «Зороастра». Шпіонъ разсказывалъ также, что въ разрушенныхъ бомбардировкой 29-го декабря складахъ на Старо-Теречной было масса муки. Это особенно больно ударило по большевикамъ, такъ какъ съ продовольствіемъ у нихъ туго.

За время этой стоянки въ Петровскѣ удалось повидать казаковъ, недавно вырвавшихся отъ большевиковъ. Они были очень плохо одѣты, многіе даже совсѣмъ безъ сапогъ. Однако, настроеніе у нихъ было бодрое, веселое. Они говорили о большевикахъ съ ненавистью и рвались въ бой съ ними. Особенно пріятно было отмѣтить ихъ прекрасную дисциплину и внимательное, какое-то даже любовное отношеніе къ своимъ офицерамъ.

Пришлось также познакомиться и съ мѣстными властями. Они состояли изъ мѣстныхъ горцевъ и русскихъ. Послѣдніе были главнымъ образомъ офицерами. Горцы стояли на точкѣ зрѣнія «Горской республики», независимости и полнаго отдѣленія отъ Россіи. Русскіе же мирились съ подобной точкой зрѣнія, какъ временнымъ и, въ данныхъ обстоятельствахъ, неизбѣжнымъ зломъ. Сами они полностью стояли за Единую Россію. Конфликтовъ между первыми и вторыми не было, благодаря большому политическому такту русскихъ представителей власти. Горское правительство находилось въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Ни генерала Деникина, ни адмирала Колчака, смѣнившаго къ

этому времени Уфимское правительство, они не признавали и даже формировали свое собственное войско, однако, довольно безуспѣшно. Кстати, Горское правительство переименовало городъ Петровскъ въ «Шамиль-кала», но населеніе не обратило на это вниманія, и городъ продолжалъ именоваться Петровскомъ.

25-го января на «Биби Эйбатѣ» было принято радіо на англійскомъ языкѣ. Часть его была шифрована. Подписи уловить не удалось, а также не удалось установить отправительную станцію. Содержаніе нешифрованной части было слѣдующимъ: «Я вновь вамъ повторяю, что большевики очень сильны. У нихъ до трехъ милліоновъ войскъ, очень много вооруженія и боевыхъ припасовъ. Обучено до пятидесяти тысячъ новыхъ офицеровъ, съ энтузіазмомъ поддерживающихъ большевиковъ. Россія находится въ плачевномъ состояніи («деплорабль стэйтъ»). Напечатано много новыхъ бумажныхъ денегъ, которыя вновь упали въ цѣнѣ...»

26-го января мы на короткое время уходили въ дозоръ въ раіонъ на 30 миль отъ Петровска, вернулись утромъ 27-го.

27-го января на одномъ изъ нашихъ кораблей была перехвачена близкая работа какой-то неизвѣстной радіо-станціи. На всякій случай рѣшили провѣрить, нѣтъ ли поблизости большевицкихъ кораблей. Вѣроятность этого была очень мала, такъ какъ на сѣверѣ былъ крѣпкій ледъ. Въ 16 часовъ мы вышли изъ гавани въ составѣ: «Зороастръ» (къ этому времени починившійся), «Вентюръ» и «Алла Верды». Это плаваніе продолжалось до 1-го февраля и проходило въ трудныхъ условіяхъ, благодаря зимнимъ

штормамъ, снѣжной пургѣ и замерзающему морю. Окатываемая водой палуба обмерзла и передвиженіе по кораблю было дѣломъ довольно сложнымъ. Къ намъ присоединился и «Биби Эйбатъ», но онъ вскорѣ принужденъ былъ вернуться въ Петровскъ, изъ-за неисправности въ котлахъ.

Это плаваніе ознаменовалось многочисленными столкновеніями между Сноу и Паттерсономъ по разнымъ морскимъ вопросамъ. Уиндзоръ дипломатически держался нейтралитета, но симпатіи его были на сторонѣ Паттерсона.

Проблуждавъ въ раіонѣ о. Чечень, иногда теряя другъ-друга изъ виду, благодаря непогодѣ и густой сѣткѣ снѣга, мы не обнаружили ничего интереснаго и вернулись въ Петровскъ, гдѣ остались на этотъ разъ особенно долго: цѣлыхъ двѣнадцать дней.

Борьба съ большевиками начала развиваться болѣе быстрымъ темпомъ. Какъ бы въ отвѣтъ на полушифрованное радіо на англійскомъ языкѣ, о которомъ было сказано выше, пришло извѣстіе о крупныхъ успѣхахъ Деникинской арміи на сѣверѣ Кавказа и объ очищеніи большевиками занятаго ими раіона вплоть до Моздока. 3-го февраля четыре британскихъ сухопутныхъ аппарата вылетѣли впервые для бомбардировки большевицкихъ позицій. Они направились въ сторону Кизляра. Въ этотъ день стало извѣстно, что ежедневно чрезъ Кизляръ въ направленіи на Астрахань проходитъ до пятнадцати большевицкихъ эшелоновъ въ полной паникѣ и безпорядкѣ. Деникинской арміей взяты Кисловодскъ и Эссентуки и, какъ будто, также и Моздокъ. Согласно тому же сообщенію, большевицкія войска у Кизляра почти голодали и были сильно деморализованы.

Этотъ день вообще былъ богатъ новостями. Въ Ирландіи вспыхнули безпорядки. Наши англійскіе офицеры не придали этому никакого значенія и объяснили намъ, что это дѣло обычное и никакой опасности не представляющее.

Другой новостью было извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ изъ Хамадана (въ Персіи) Коммодора Норриса, который по прибытіи въ Баку приметъ на себя командованіе нашей флотиліей. Долгое отсутствіе Комодора объяснялось тѣмъ, что онъ въ Хамаданѣ сломалъ себѣ правую руку въ кисти.

И еще одной новостью было принятое нами радіо на англійскомъ языкѣ. Вотъ текстъ его въ переводѣ:

«Московская печать. Въ отвѣтъ на постоянныя жалобы Союзной печати на русскую революціонную пропаганду, совѣтская власть, указывая на невозможность отмѣнить свободу революціонной печати, заявляетъ о готовности, въ случаѣ необходимости, войти въ соглашеніе съ Союзниками, при условіи полнаго невмѣшательства ихъ во внутреннія дѣла. Въ указанномъ случаѣ, совѣтская власть готова немедленно начать переговоры, на Принцевыхъ ли островахъ, или гдѣ угодно, со всѣми ли Союзниками коллективно, или отдѣльно съ любымъ изъ нихъ, или съ любой русской политической партіей, связанной съ Союзниками. Совѣтская власть проситъ назначить мѣсто безъ замедленія, куда должны быть посланы ея представители, а также проситъ указать срокъ и путь, которымъ делегація можетъ быть послана. Москва».

Ясно было, что большевики начали чувствовать себя крайне неувѣренно. На нашихъ англійскихъ офицеровъ это радіо произвело сильное впечатлѣніе. Они даже стали высказывать надежду на скорое возвращеніе въ Англію.

Британскіе самолеты летали на бомбардировку больше-

виковъ почти ежедневно. Къ сожалѣнію, съ летчиками часто бывали несчастные случаи. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, налетѣлъ на флагштокъ ангара и разбился, другой разбился при спускѣ, а третій изъ-за какой-то неисправности сѣлъ въ 80-ти километрахъ отъ Петровска, повредивъ аппаратъ.

За время нашей стоянки въ Петровскѣ произошло два рѣзкихъ конфликта на нашихъ корабляхъ: одинъ изъ нихъ былъ инженернаго характера, и камнемъ преткновенія явились котлы «Биби Эйбата». Этотъ пароходъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ отношеніи машины и котловъ, а теперь сталъ на общій уровень, такъ какъ англичане почему-то не считали нужнымъ обращаться съ механизмами бережно. Очевидно, съ механической точки зрѣнія, преслѣдовалась политика выжимать изъ парохода максимумъ, при возможно-меньшихъ затратахъ, и не обращая вниманія на усиленный износъ котловъ и машинъ.

Инженеръ-механикъ «Биби Эйбата» (русскій) заявилъ, что котлы парохода нуждаются въ большомъ ремонтѣ, и что они больше одного перехода безъ опасности ихъ загнать совершенно выдержать не могутъ. На пароходъ былъ командированъ англійскій инженеръ Хопкинсъ, который съ этимъ согласился и послалъ въ Баку телеграмму, въ которой давалъ свое заключеніе и рекомендовалъ произвести ремонтъ въ Баку, а не въ Петровскѣ, такъ какъ ремонтъ требуется серьезный. Въ отвѣтъ на это, изъ Баку былъ присланъ инж.-механикъ, лейтенантъ Миллеръ, который осмотрѣлъ котлы и заявилъ, что они въ достаточно хорошемъ состояніи, и никакого ремонта не требуютъ. По его словамъ, «Биби Эйбатъ» могъ выдержать сколько угодно переходовъ. Послѣдствіемъ всего этого было то, что «Биби Эйбатъ» былъ все же отправленъ въ Баку, куда до-

шелъ съ трудомъ, такъ какъ котлы плохо держали давленіе пара.

Второй конфликтъ былъ съ русской командой «Зороастра», предъявившей требованіе повысить жалованіе. Когда въ этомъ требованіи было отказано, команда начала шумѣть и скандалить. Въ концѣ концовъ, всѣ русскіе матросы «Зороастра» потребовали расчета, сошли съ парохода и направились на всѣ наши другіе пароходы «снимать команду». Русская команда «Алла Верды» ихъ немедленно прогнала, и на другихъ пароходахъ зороастровскіе матросы тоже ничего не добились. Потолкавшись въ городѣ, они уѣхали въ Баку, и впослѣдствіи просились обратно на «Зороастръ», но ихъ не приняли. «Зороастръ», выведенный на время изъ строя изъ-за некомплекта команды, былъ укомплектованъ исключительно англійскими матросами.

7-го февраля мы приняли радіо генерала Врангеля. Радіо было адресовано начальнику казачьяго отряда въ Петровскѣ, генералу Колесникову. Текстъ радіо гласилъ:

«Вся сѣверо-восточная кавказская большевицкая армія нами разбита. Сѣверный Кавказъ отъ Маныча до линіи Владикавказъ-Грозный-Кизляръ отъ противника очищенъ. Съ полученіемъ сего, старшему изъ русскихъ начальниковъ войскъ въ районѣ Петровскъ-Баку прибыть на станцію Червленая для полученія отъ меня дальнѣйшихъ указаній. О времени прибытія донести. Командующій Кавказской Добровольческой Арміей, генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель».

Русское населеніе Петровска ликовало.

Въ Петровскѣ ежедневно стали исчезать разныя лица, извѣстныя своей прежней или теперешней большевицкой

дѣятельностью. Часто гдѣ-нибудь въ закоулкахъ находили ихъ трупы. Это казаки молчаливо сводили счеты съ врагами.

Мы вновь приняли большевицкое радіо на англійскомъ языкѣ, адресованное союзникамъ, а затѣмъ еще и третье. Въ нихъ вновь говорилось о желаніи придти къ соглашенію и о готовности, въ случаѣ соглашенія, прекратить большевицкую радіо-пропаганду. Нельзя сказать, чтобы эта радіо-пропаганда была особенно умна, и чтобы она дѣйствовала на англичанъ. Мы часто принимали по радіо большевицкія стенанія объ «имперіализмѣ», «завоеваніяхъ революціи», о «кровавыхъ псахъ контръ-революціи», о «единомъ революціонномъ фронтѣ трудящихся всего міра» съ безконечнымъ жонглированіемъ именами демократіи и пролетаріата.

Дагестанцы стали проявлять признаки нервности и унынія, благодаря близости Добровольческой Арміи. Происходили какія-то таинственныя совѣщанія, въ городѣ носились разнообразные слухи. Все стало болѣе или менѣе ясно, когда 12-го февраля Горское правительство отправило делегацію къ генерала Ляхову, оперировавшему противъ большевиковъ на сѣверномъ Кавказѣ. Дагестанцы не хотѣли рисковать ссорой съ побѣдоносной Добровольческой Арміей.

Въ этотъ день «Алла Верды» былъ посланъ на сѣверъ. Этотъ походъ чуть не кончился для насъ трагически, а для корабля оказался его послѣднимъ.

Мы вышли изъ Петровска въ 16 часовъ при довольно спокойной морозной погодѣ. Къ вечеру начало сильно задувать, и къ ночи разыгрался свирѣпый штормъ съ Нордъ-

Веста. Утромъ при все усиливающемся штормѣ подошли къ кромкѣ сплошного льда. Островъ Чечень былъ весь во льду. Мы пошли вдоль льда. Волна у ледяного массива была мелкая, и насъ не качало больше, но зато вѣтеръ былъ настолько силенъ, что мы шли подъ постояннымъ креномъ въ 8 градусовъ. Нашъ русскій капитанъ сталъ увѣрять Сноу, что итти дальше вдоль льда не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ ледъ всюду будетъ имѣть одинъ и тотъ же видъ. Капитанъ уговаривалъ Сноу идти обратно въ Петровскъ, пока штормъ не достигъ полной силы. Сноу заупрямился, и только днемъ, когда вѣтеръ достигъ 11-ти балловъ и рвалъ такъ, что надо было держаться за что-нибудь, чтобы не быть сбитымъ съ ногъ, Сноу рѣшилъ повернуть на Петровскъ. Отойдя отъ границы льда, мы вскорѣ попали въ гигантскую волну, и несчастный «Алла Верды» стало бросать, какъ щепку. Насъ заливало, и вода на палубѣ и повсюду, куда она попадала, немедленно замерзала. Черезъ короткое время корабль обледенѣлъ совершенно, на палубѣ было свыше фута сплошного льда. При огромныхъ размахахъ качки (на моей вахтѣ кренъ достигалъ 32 градусовъ на бортъ), при сильнѣйшихъ и внезапныхъ броскахъ, которымъ подвергался корабль, передвиженіе по палубѣ было дѣломъ сложнымъ, и благополучное достиженіе цѣли нѣсколько проблематичнымъ. Въ каютъ-компаніи и въ каютахъ былъ сплошный хаосъ.

Вечеромъ лопнулъ штуръ-тросъ, и насъ поставило лагомъ. Стало на много хуже. Проработали въ отчаянныхъ условіяхъ, заливаемые водой, обледенѣлые, ежеминутно рискуя сорваться, около часу. Работали, за однимъ исключеніемъ, только русскіе во главѣ съ капитаномъ, показавшимъ чудеса безстрашія. Изъ англичанъ помогалъ только одинъ матросъ, но помогалъ самоотверженно. Наконецъ,

исправили штуръ-тросъ, и совершенно изнеможенные сползли внизъ, по своимъ помѣщеніямъ. Черезъ пять минутъ штуръ-тросъ лопнулъ опять. Стемнѣло, и работать стало еще труднѣе. Въ это же время приползъ на мостикъ старшій механикъ и сообщилъ, что котлы сильно текутъ, кочегарки наполняются солью и невозможно держать удовлетворительное давленіе пара. Наше плаваніе превращалось въ бѣдствованіе. Однако, штуръ-тросъ исправили вторично, съ котлами же ничего, конечно, нельзя было подѣлать: оставалось надѣяться, что дотянутъ.

Какъ наиболѣе яркое воспоминаніе этой ночи осталась грандіозная картина моря, картина красоты и грозности неописуемой.

Подъ утро штормъ сталъ затихать. Открылся Петровскій маякъ. Всѣ были измучены до крайности, многіе изъ команды заболѣли, многіе получили сильные ушибы.

Съ большимъ трудомъ вошли мы утромъ въ Петровскій портъ. Корабль снаружи представлялъ изъ себя какое-то привидѣніе: весь покрытый льдомъ, сидящій значительно глубже обычнаго, съ разбитыми надстройками.

Главной новостью дня въ Петровскѣ было извѣстіе о подчиненіи Дагестанцевъ требованіямъ генерала Деникина, согласно которымъ «Горская республика» стала считаться раіономъ дѣйствій Добровольческой Арміи, а мѣстное правительство стало считаться временнымъ, до созыва Россійскаго Учредительнаго Собранія.

Городъ и особенно привокзальная его часть началъ принимать видъ тыла арміи. Все это совершенно явно не нравилось англичанамъ. Между тѣмъ, генералъ Врангель дошелъ до станціи Брянской.

Казаки въ Петровскѣ не дремали. За время нашего короткаго отсутствія въ городѣ было убито 14 мѣстныхъ большевиковъ.

Днемъ 15-го февраля въ Петровскъ пришелъ «Президентъ Крюгеръ» съ коммодоромъ Норрисомъ, принявшимъ на себя командованіе флотиліей вмѣсто Уошингтона. Этотъ послѣдній остался пока при Норрисѣ. «Крюгеръ» перевооружился: на немъ были теперь двѣ англійскихъ морскихъ четырехдюймовки, марки «9», новаго типа и одно 75-миллиметровое орудіе. Эти новыя четырехдюймовки оказались впослѣдствіи хуже нашихъ русскихъ.

Въ послѣдующіе дни произошли смотры «Зороастру», «Вентюру» и «Алла Верды». Коммодоръ въ общемъ остался доволенъ. Наша русская команда по боевой тревогѣ показала себя отлично. Вообще, наша русская команда сильно измѣнилась: это были теперь настоящіе лихіе военные матросы, съ прекрасной выправкой, веселыми лицами, прошедшіе боевую школу.

«Алла Верды» былъ осмотрѣнъ комиссіей, нашедшей, что корабль больше къ плаванію не пригоденъ. Рѣшено было его разоружить и передать владѣльцамъ. Изъ списковъ флотиліи онъ исключался.

22-го февраля я получилъ разрѣшеніе уѣхать въ отпускъ въ Баку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Баку, туда пришелъ «Президентъ Крюгеръ». Изъ нашихъ офицеровъ на немъ плавалъ лейтенантъ баронъ Нолькенъ. На «Крюгерѣ» находился штабъ С. Н. О., т. е. штабъ флотиліи, и поэтому служба Нолькена проходила въ непосредственной близости къ этому штабу, и его контактъ съ офицерами штаба былъ, въ условіяхъ корабельной жизни, самымъ тѣснымъ. Штабъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ какъ боевой, такъ и политической жизни, и, такимъ образомъ, Нолькенъ имѣлъ возможность знать и наблюдать такія явленія и событія, которыя ускользали отъ вниманія нашихъ остальныхъ русскихъ морскихъ офицеровъ.

Я засталъ Нолькена въ подавленномъ состояніи, что особенно бросалось въ глаза благодаря тому, что обычно онъ былъ въ хорошемъ жизнерадостномъ настроеніи. Также и его обычное спокойствіе уступило мѣсто нервности. Причины этой перемѣны стали вскорѣ ясны.

Нѣсколько времени тому назадъ генералъ Деникинъ назначилъ своимъ представителемъ въ Баку генерала Эрдели, которому было вмѣнено въ обязанность привести всѣ

русскія силы къ подчиненію командованію Добровольческой Арміи. Въ своихъ усиліяхъ выполнить возложенныя на него порученія, генералъ Эрдели сразу же наткнулся на сопротивленіе англичанъ. Часть его переговоровъ велась на «Крюгерѣ», и на нихъ присутствовалъ Нолькенъ. Именно эти переговоры и послѣдовавшія за ними событія послужили причиной къ перемѣнѣ, происшедшей съ Нолькеномъ. Ниже я приведу запись переговоровъ и событій, сдѣланную мною въ каютѣ Нолькена на «Крюгерѣ» въ то время, какъ онъ, волнуясь и негодуя, разсказывалъ обо всемъ, что произошло.

Эта запись была мною ему прочитана тогда же, и онъ нашелъ ее передающей событія совершенно точно.

Первое свиданіе генерала Эрдели съ коммодоромъ Норрисомъ произошло передъ недавнимъ приходомъ «Крюгера» въ Петровскъ. Генералъ Эрдели прибылъ на «Крюгеръ» въ сопровожденіи лейтенанта (русскаго морского офицера Добровольческой Арміи) Булашевича. На этомъ свиданіи присутствовали, кромѣ трехъ вышеозначенныхъ офицеровъ, капитанъ Уошингтонъ, секретарь С. Н. О. Пертви и лейтенантъ баронъ Нолькенъ. Лейтенантъ Булашевичъ служилъ переводчикомъ.

Генералъ Эрдели заявилъ Коммодору, что, согласно волѣ генерала Деникина, русская Каспійская флотилія въ полномъ составѣ, т. е.: «Карсъ», «Ардаганъ», «Астрабадъ», «Лейт. Шмидтъ», «Орленокъ, «Центрокаспій» и «Геокъ Тепе», должны перейти въ вѣдѣніе Добровольческой Арміи, какъ и все, что было въ распоряженіи генерала Бичерахова. Онъ, генералъ Эрдели, уполномоченъ генераломъ Деникинымъ, по изученіи вопроса на мѣстѣ принять суда въ ихъ теперешнемъ состояніи и съ находящимися на нихъ командами. Въ случаѣ, если команды окажутся ненадежны-

ми, ему надлежитъ ихъ расформировать и замѣнить имѣющимися на Черномъ морѣ лояльными командами. Въ случаѣ же нужды, генералу Эрдели предоставлено право даже разоружить корабли.

Коммодоръ, выслушавшій заявленіе генерала Эрдели съ любезной и доброжелательной улыбкой на лицѣ, высказалъ мнѣніе, что теперешнія команды Каспійской флотиліи ненадежны, и ихъ слѣдуетъ уволить. При этомъ онъ заявилъ, что въ случаѣ, если у русскихъ властей не хватитъ надежныхъ командъ для укомплектованія флотиліи, англійское командованіе согласилось бы включить «Лейтенанта Шмидта» въ составъ британской Каспійской флотиліи и укомплектовать его англійскимъ экипажемъ. («Лейт. Шмидтъ» былъ самымъ сильнымъ судномъ всей флотиліи и обладалъ наилучшими мореходными качествами).

Генералъ Эрдели отвѣтилъ, что у него нѣтъ полномочій на передачу какого-либо имущества, принадлежащаго Россіи, англійскому командованію, и что подобный вопросъ можетъ рѣшать одинъ только генералъ Деникинъ. Послѣ этого перешли къ обсужденію мѣръ на случай, если флотилія откажется подчиниться генералу Эрдели. Рѣшили, что первой мѣрой должно быть пріостановленіе уплаты жалованія. Если никакія мѣры мирнаго характера не помогутъ, то рѣшено было не останавливаться передъ насильственнымъ захватомъ кораблей генераломъ Эрдели. Коммодоръ увѣрилъ генерала Эрдели, что могущія произойти благодаря такому захвату волненія въ нѣкоторыхъ частяхъ населенія города, не тревожатъ англійское командованіе.

На этомъ кончилось первое свиданіе. Въ Баку тѣмъ временемъ стали прибывать немногочисленныя Добровольческія части, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ Пржевальскій. «Президентъ Крюгеръ» ушелъ въ Петровскъ.

Второе свиданіе произошло послѣ возвращенія этого корабля изъ Петровска въ Баку.

На второмъ свиданіи генерала Эрдели съ коммодоромъ Норрисомъ присутствовали тѣ же лица, что и на первомъ.

Генералъ Эрдели сообщилъ, что, согласно его распоряженію, генералъ Пржевальскій потребовалъ у командъ флотиліи подчиненія генералу Деникину. Въ отвѣтъ на это требованіе, «Орленокъ» заявилъ о своемъ полномъ подчиненіи. «Центрокаспій» примкнулъ къ рѣшенію «Орленка», обусловивъ свое подчиненіе оставленіемъ Воскресенскаго (произведеннаго тѣмъ временемъ Бичераховымъ въ полковники) въ должности уполномоченнаго по флотиліи. Всѣ другіе корабли отказались подчиниться.

Генералъ Эрдели сообщилъ далѣе, что, вопреки завѣренію Коммодора, генералъ Томсонъ опасается волненій въ городѣ, и онъ просилъ генерала Эрдели воздержаться отъ насильственнаго захвата кораблей. Въ виду этого, генералъ Эрдели предложилъ слѣдующій планъ: направить въ Петровскъ «Лейт. Шмидтъ» и тамъ его захватить, на немъ вернуться въ Баку и съ помощью «Орленка» и «Центрокаспія» заставить остальные корабли подчиниться. Генералъ сообщилъ, что въ Петровскѣ имѣется достаточно Добровольческихъ силъ, чтобы помочь захвату, самъ же захватъ былъ бы произведенъ организаціей изъ двадцати морскихъ офицеровъ во главѣ съ лейтенантомъ княземъ Тумановымъ. Генералъ Эрдели высказалъ также свое убѣжденіе въ томъ, что «Шмидтъ» несомнѣнно пойдетъ въ Петровскъ, такъ какъ его команда уже давно по разнымъ причинамъ туда стремится.

Въ отвѣтъ на это Норрисъ заявилъ, что «Шмидтъ» ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущенъ въ Пет-

ровскъ, и что генералъ Томсонъ не будетъ протестовать противъ производства операціи захвата въ Баку.

Впослѣдствіи выяснилось, что по этому вопросу произошелъ довольно рѣзкій обмѣнъ мнѣніями между Норрисомъ и Томсономъ. Томсонъ, дѣйствительно, боялся осложненій съ рабочими и вообще кровопролитія, которое могло произойти при захватѣ, но Норрисъ настоялъ на своемъ, взявъ отвѣтственность на себя. Послѣдующія событія показали, что Норрисъ дѣйствовалъ по опредѣленному плану, имѣвшему опредѣленную конечную цѣль, и что этотъ планъ былъ одобренъ свыше. Вѣроятнѣе всего, что Норрисъ сообщилъ свой планъ Томсону и тѣмъ сломилъ его противодѣйствіе.

Норрисъ настаивалъ на томъ, чтобы съ захватомъ судовъ было покончено возможно скорѣе. Къ концу бесѣды Норрисъ внезапно заявилъ, что у него имѣется категорическое предписаніе адмирала, командовавшаго британскими морскими силами въ Черномъ морѣ, согласно которому захваченныя суда не должны быть вновь укомплектованы. Послѣ этого заявленія воцарилось тягостное молчаніе. Наконецъ, генералъ Эрдели заявилъ, что подобное предписаніе ему совершенно непонятно, что здѣсь, навѣрное, кроется какое-то недоразумѣніе, которое необходимо выяснить. Однако, чтобы не задерживать всего дѣла волокитой съ выясненіемъ, генералъ изъявилъ готовность, захвативъ суда, взять ихъ подъ свое храненіе впредь до выясненія. Коммодоръ заявилъ, что въ такомъ случаѣ на судахъ должны будутъ быть сняты замки у орудій и нѣкоторыя части машинъ. Генералъ Эрдели соглашается съ этимъ при условіи, что все это будетъ находиться подъ его храненіемъ. Коммодоръ настаиваетъ далѣе на томъ, что команды кораблей должны быть списаны на берегъ и расчитаны. Генералъ Эрдели соглашается съ этимъ только въ отношеніи нело-

яльныхъ командъ, что же касается лояльныхъ, то, по его мнѣнію, ихъ можно было бы расчитать только «за ненадобностью», если таковая возникнетъ. Коммодоръ съ этимъ согласился. Къ концу свиданія были обсуждены техническія подробности захвата, и Норрисъ обѣщалъ снабдить офицерскую организацію двадцатью револьверами и ручными гранатами.

Третье свиданіе произошло на «Крюгерѣ» 27-го февраля 1919-го года. Въ немъ приняли участіе лейтенантъ Букашевичъ, коммодоръ Норрисъ, капитанъ Уошингтонъ, секретарь, лейт. бар. Нолькенъ, а также командиръ «Орленка».

Булашевичъ упорно настаивалъ на необходимости отослать «Шмидта» въ Петровскъ, гдѣ и попытаться его захватить имѣющимися тамъ многочисленными и хорошо снабженными Добровольческими частями. Булашевичъ сообщилъ, что, по имѣющимся у него достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, слухи о готовящемся въ Баку захватѣ проникли какимъ-то непостижимымъ образомъ на «Шмидта», и на немъ приняты мѣры защиты. У траповъ установлены пулеметы, и команда бдительна днемъ и ночью. Благодаря этому, захватъ «Шмидта» въ Баку обреченъ на неудачу. Норрисъ упорно не соглашался съ этимъ, при чемъ указывалъ на слѣдующее:

1. У генерала Пржевальскаго вполнѣ достаточно силъ въ Баку, чтобы осуществить захватъ даже, если «Шмидтъ» предупрежденъ.

2. «Крюгеръ» стоитъ у стѣнки прямо противъ «Шмидта», **и въ случаѣ нужды поможетъ артиллерійскимъ огнемъ.**

3. Необходимо дѣйствовать въ одномъ мѣстѣ—въ Баку, а не въ двухъ — Баку и Петровскѣ, такъ какъ дѣйствіе въ двухъ мѣстахъ усложняетъ дѣло.

Въ тотъ же день, въ частномъ разговорѣ въ каютъ-компаніи «Крюгера», Коммодоръ сказалъ, что допуститъ уходъ «Шмидта» въ Петровскъ онъ не могъ, такъ какъ **англійскихъ** силъ тамъ недостаточно, чтобы справиться со «Шмидтомъ», тогда какъ въ Баку ихъ достаточно.

Послѣ долгихъ переговоровъ, настаиваній Коммодора и Уошингтона, Булашевичъ, наконецъ, согласился произвести попытку захвата въ ту же ночь. Уговорились, что офицеры, идущіе на захватъ, придутъ на «Крюгеръ» за оружіемъ вечеромъ.

Днемъ на «Крюгеръ» была послана записка, адресованная Коммодору, въ которой генералъ Эрдели извѣщалъ его, что захватъ отложенъ на одну ночь.

Днемъ же **«Крюгеръ» неожиданно и безъ всякой видимой причины перешелъ къ другой пристани,** такъ что о помощи его артиллерійскимъ огнемъ не могло быть больше рѣчи.

Рано утромъ 28-го февраля на «Крюгерѣ» было получено извѣстіе, что Русская Каспійская флотилія ушла изъ Баку, за исключеніемъ «Орленка», «Центрокаспія» и «Астрабада». Ни на одномъ изъ ушедшихъ, за исключеніемъ «Карса», не было командировъ. «Карсомъ» командовалъ капитанъ 1-го ранга баронъ Майдель. Ему, вѣроятно, не удалось уйти съ корабля. На ушедшихъ корабляхъ офицеровъ почти не было. Разсказывали, что нѣкоторые изъ нихъ, не смогшіе заранѣе покинуть кораблей, побросались въ воду и вплавь достигли берега.

Около 10-ти часовъ утра три «Си-Эмъ-Би» («Коустъ Моторъ Боутсъ») съ минами Уайтхеда подошли къ «Крюгеру». Вскорѣ подошли еще двѣ — одна съ минами, дру-

гая съ бомбами противъ подводныхъ лодокъ. На всѣхъ «Си-Эмъ-Би» было по два пулемета Люиса. Одна изъ нихъ была отправлена на развѣдку и, по возвращеніи, донесла, что всѣ ушедшія суда стоятъ на якорѣ за островомъ Наргенъ. Никакихъ враждебныхъ дѣйствій ими при подходѣ мотора предпринято не было.

Около 11.30 двѣ «Си-Эмъ-Би» были отправлены къ выходу съ рейда съ приказомъ никого не выпускать. Въ случаѣ попытки одного или всѣхъ русскихъ судовъ выйти въ море, было приказано попытаться ихъ вернуть, въ случаѣ же невозможности вернуть, **потопить.**

Оба мотора ходили по рейду тихимъ ходомъ въ теченіе полутора часовъ... «Асхабадъ» стоялъ у стѣнки въ городѣ, а «Центрокаспій» — на брандвахтѣ. «Си-Эмъ-Би» сильно заливало на волнѣ, и работа моторовъ была неудовлетворительна. Около 12.30 «Крюгеръ» просемафорилъ обѣимъ «Си-Эмъ-Би» подойти къ борту. Минутъ черезъ десять всѣ пять моторовъ были посланы къ острову Наргенъ.

Въ это время въ рабочихъ кругахъ въ Баку происходили крайне нервныя собранія, а городъ волновался разными слухами. Настроеніе въ городѣ становилось съ часу-на-часъ болѣе напряженнымъ.

Вышедшими къ Наргену «Си-Эмъ-Би» командовалъ командеръ Робинсонъ, Р. Н., В. Ц. (то-есть кадровой службы, имѣющій орденъ «Викторія Кроссъ»). Изъ пяти моторовъ, какъ выше было сказано, четыре были вооружены минами Уайтхеда, а одинъ бомбами противъ подводныхъ лодокъ. Представляется загадочнымъ, зачѣмъ могли быть нужны эти бомбы, разъ онѣ не могутъ быть употреблены противъ надводныхъ судовъ. Правда, ихъ можно было бы употребить противъ надводныхъ судовъ послѣ того,

какъ эти послѣдніе были бы пущены на дно, и этимъ докончить ихъ разрушеніе. Принимая во вниманіе, что въ февралѣ 1919-го года, и до него, никакихъ подводныхъ лодокъ въ Каспіи не было, (если не считать тѣхъ двухъ, которыя, по непровѣреннымъ свѣдѣніямъ, были въ разобранномъ видѣ въ замерзшей Астрахани), приходится либо признать, что посылка мотора, вооруженнаго подводными бомбами, была безсмыслицей, либо признать за этой посылкой именно такое назначеніе.

Всѣ пять моторовъ подняли британскій флагъ. На одномъ изъ нихъ находился уполномоченный полковника Воскресенскаго и лейт. баронъ Нолькенъ. Построившись въ кильватерную колонну, лодки понеслись полнымъ тридцати-семи узловымъ ходомъ къ Наргену. Однако, строй сразу же нарушился, такъ какъ моторъ одной изъ «Си-Эмъ-Би» закапризничалъ, и она отстала. Чрезъ короткое время та «Си-Эмъ-Би», на которой былъ бар. Нолькенъ, потеряла флагъ и остановилась, чтобы его подобрать. Флагманская «Си-Эмъ-Би» вышла изъ строя и, сигнализируя двумъ другимъ остановиться, подошла къ подбирающей изъ воды флагъ. Однако, двѣ другія «Си-Эмъ-Би» продолжали итти къ Наргену полнымъ ходомъ и скоро скрылись изъ виду. Флагманская и та, на которой былъ Нолькенъ, пошли имъ въ догонку, идя рядомъ. Вскорѣ моторъ той «Си-Эмъ-Би», на которой былъ Нолькенъ, сталъ давать перебои и число оборотовъ сбавилось до трехсотъ. Тогда Робинсонъ приказалъ Нолькену и представителю Воскресенскаго пересѣсть на флагманскую лодку, въ которой такимъ образомъ оказалось шесть человѣкъ. Флагманская «Си-Эмъ-Би» вскорѣ обогнала одну изъ ушедшихъ впередъ, которая устопорилась тоже изъ-за неисправности въ моторѣ. Такимъ образомъ, изъ пяти лодокъ, вышедшихъ къ Наргену, три

болтались на волнѣ, возясь съ моторами, а двѣ дошли къ острову въ разное время.

За Наргеномъ стояли на якорѣ «Карсъ», «Шмидтъ», «Геокъ Тепе» и «Астрабадъ», который все-таки покинулъ Баку около 12-ти часовъ и присоединился къ остальнымъ. «Ардаганъ» куда-то ушелъ, и его не было видно. Недалеко отъ флотиліи стояла «Си-Эмъ-Би», пришедшая безъ приключеній. Вскорѣ подошла еще одна изъ отставшихъ и, такимъ образомъ, ихъ оказалось у острова три.

Флагманская лодка попыталась подойти къ борту «Карса», но изъ-за волны это ей не удалось. Тогда остановили проходившій буксиръ, и на него пересѣли Нолькенъ и представитель Воскресенскаго. Буксиръ направился по-очереди ко всѣмъ кораблямъ флотиліи въ слѣдующемъ порядкѣ: «Карсъ», «Геокъ Тепе», «Шмидтъ», «Астрабадъ». На всѣхъ судахъ, собравъ команду, представитель Воскресенскаго сообщалъ матросамъ, что Воскресенскій получилъ ультиматумъ отъ генерала Томсона, согласно которому суда должны быть разоружены, и передавалъ словесное приказаніе Воскресенскаго сняться съ якоря и итти въ Баку. На это было дано полчаса съ момента ухода представителя и Нолькена съ послѣдняго корабля. Команды выслушали слова представителя безъ замѣтнаго волненія: они производили впечатлѣніе безразличія и тупой растерянности. На всѣхъ корабляхъ заявили, что команды не могутъ рѣшить, что дѣлать, такъ какъ всѣ вожаки находятся въ Баку, гдѣ должны вести переговоры съ ген. Томсономъ. Просили дать возможность подождать ихъ возвращенія. Только на «Шмидтѣ» раздалось замѣчаніе: «это мы еще поглядимъ, кто кого потопитъ»... Отношеніе матросовъ къ Нолькену

было вѣжливое и какое-то покорно-растерянное. Ему съ готовностью давали дорогу и помогали садиться на буксиръ.

Въ это же время у ген. Томсона была делегація съ «Рабочей Конференціи». Объ этомъ интервью одна изъ бакинскихъ рабочихъ газетъ писала впослѣдствіи: «Думая, что флотъ стоитъ у Наргена въ боевой готовности, делегація стала говорить съ Томсономъ революціонкымъ языкомъ». Делегаты требовали допустить ихъ на суда. Томсонъ, улыбаясь, какъ потомъ разсказывали, категорически отказалъ, добавивъ, что суда вѣроятно, очень скоро будутъ въ Баку для разоруженія.

Въ 14.45 Нолькенъ и представитель Воскресенскаго покинули «Астрабадъ» и перешли на «Си-Эмъ-Би» командера Робинсона. Къ этому времени подошла еще одна «Си-Эмъ-Би», и всѣ четыре отошли на полъ-мили. Всѣ четыре — съ минами.

Черезъ десять минутъ къ флагманской лодкѣ подошелъ буксиръ и съ него сообщили, что «Карсъ» самостоятельно двигаться не можетъ изъ-за неисправности въ машинѣ. Отвѣтили приказаніемъ «Шмидту» взять «Карсъ» на буксиръ. Робинсонъ рѣшилъ подождать еще десять минутъ сверхъ тридцати, чтобы дать время буксиру передать распоряженіе.

Со стороны Красноводска изъ-за горизонта показались мачты приближающагося «Ардагана».

На «Карсѣ» и «Астрабадѣ» было замѣтно нѣкоторое движеніе. Остальные же не показывали ни малѣйшихъ признаковъ жизни. На палубахъ не было видно ни одного человѣка. Команды, вѣроятно, митинговали. Прошло сорокъ минутъ. Никакихъ попытокъ сниматься съ якоря замѣтно не было.

Робинсонъ сказалъ представителю Воскресенскаго: «У меня есть приказаніе потопить суда въ случаѣ неповиновенія».

Представитель Воскресенскаго отвѣтилъ: «Ваша воля, ваша милость»... и заплакалъ.

Робинсонъ сдѣлалъ сигналъ тремъ другимъ лодкамъ, и въ 15 час. 20 мин. 28-го февраля 1919-го года, пошелъ въ атаку на «Лейт. Шмидта».

Механикъ (отъ волненія?) слишкомъ рѣзко включилъ конусъ и заглушилъ моторъ. Ругаясь, цѣлыхъ пять минутъ заводили моторъ, и, наконецъ, три «Си-Эмъ-Би» въ кильватерной колоннѣ двинулись полнымъ ходомъ въ атаку. Четвертая осталась въ резервѣ.

Робинсонъ держалъ руку на рычагѣ миннаго аппарата. Въ послѣднюю минуту вдругъ вспомнилъ, что забылъ вынуть предохранительную чеку у рычага. Судорожно ковыряясь надъ чекой, онъ, наконецъ, вынулъ ее и выстрѣлилъ миной. «Си-Эмъ-Би» находилась въ этотъ моментъ въ крайне неудобномъ для выстрѣла положеніи: отъ волны она только что сильно накренилась и рыскнула. Когда мина вынырнула, ясно стало, что она въ «Шмидта» не попадетъ. Дѣйствительно, мина прошла далеко впереди цѣли. Робинсонъ круто развернулся и сталъ уходить, но смогъ отойти только на три-четыре кабельтовыхъ, такъ какъ внезапно устопорился моторъ, и «Си-Эмъ-Би» безпомощно остановилась.

Вторая «Си-Эмъ-Би» выпустила свою мину по «Шмидту», но тоже промазала. Приготовивъ буксиръ, она подошла къ флагманской, но на буксиръ флагманскую не взяла, такъ какъ ея моторъ тоже устопорился. Третья «Си-Эмъ-Би» въ свою очередь пошла въ атаку на «Шмидта», но пройдя полнымъ ходомъ въ его сторону, выстрѣла не сдѣлала. Оказалось, что ея мина заѣла и, несмотря на всѣ

старанія, она ее выпустить не смогла. Круто развернувшись, она подошла къ двумъ первымъ, и ей было приказано взять ихъ обѣ на буксиръ.

Въ это время пятая «Си-Эмъ-Би», отставшая въ самомъ началѣ похода, подошла тоже. Тутъ она внезапно и безъ всякой видимой причины уронила одну изъ своихъ бомбъ противъ подлодокъ въ воду. Произошелъ сильный подводный взрывъ, никому вреда не причинившій.

Четвертая «Си-Эмъ-Би», оставшаяся въ резервѣ, подошла къ остальнымъ четыремъ, и получилась безпорядочная куча.

«Лейтен. Шмидтъ», сразу послѣ атаки начавшій сниматься съ якоря, медленно развернулся и пошелъ прямо на сбившіяся и качающіяся на волнѣ «Си-Эмъ-Би». На нихъ заволновались, а представитель Воскресенскаго мрачно заявилъ, что «Шмидтъ» сейчасъ откроетъ огонь. На это Робинсонъ отвѣтилъ, что болѣе похоже на то, что «Шмидтъ» просто идетъ ихъ таранить. «Си-Эмъ-Би» съ неисправной миной, но исправнымъ моторомъ внезапно сорвалась съ мѣста и безъ всякаго распоряженія понеслась полнымъ ходомъ въ Баку. Оставшимся двумъ исправнымъ лодкамъ все никакъ не удавалось взять двѣ неисправныхъ на буксиръ. «Шмидтъ» медленно приближался, но..., къ неописуемому удивленію экипажей «Си-Эмъ-Би», слегка повернулъ и пошелъ въ направленіи Баку. Къ флотиліи подошелъ «Ардаганъ», и одинъ за другимъ всѣ суда флотиліи стали сниматься съ якоря и направились вслѣдъ за «Шмидтомъ» въ Баку...

Флагманская «Си-Эмъ-Би» была, наконецъ, взята на буксиръ, другая неисправная «Си-Эмъ-Би» заработала сама

и пошла самостоятельно. Всѣ онѣ двинулись на Баку, при чемъ то одна, то другая останавливались по дорогѣ изъ-за неисправностей въ моторахъ. «Карсъ» по дорогѣ остановился и сталъ ждать, чтобы кто-нибудь взялъ его на буксиръ. «Шмидтъ» сталъ на якорь неподалеку отъ «Карса». Проходя мимо него, представитель Воскресенскаго крикнулъ на «Шмидтъ» распоряженіе Робинсона итти къ пристани № 13. Съ «Шмидта» отвѣтили, что хотятъ подождать «Карса». Приказаніе было повторено, и тогда съ «Шмидта» отвѣтили, что у нихъ нѣтъ ни одного офицера, и что они сами къ пристани подойти не могутъ. Тогда на «Шмидтъ» былъ посланъ коммерческій капитанъ «Крюгера» Федоровъ, который и ошвартовалъ ихъ. Федорова же послали на «Ардаганъ» и «Геокъ Тепе», чтобы онъ и ихъ подвелъ къ стѣнкамъ. Однако, Федоровъ вернулся на буксирѣ, на которомъ былъ посланъ, и сказалъ, что въ темнотѣ не смогъ найти «Ардагана», на которомъ, очевидно, не было никакихъ огней, а съ «Геокъ Тепе» сбѣжали всѣ люди, кромѣ одного кочегара и четырехъ матросовъ, почему его невозможно пришвартовать. Выяснилось, что бѣгство команды съ «Геокъ Тепе» произошло при помощи подошедшаго къ нему по пути въ Баку Нобелевскаго буксира. На «Геокъ Тепе» былъ посланъ отрядъ гуркосовъ при офицерѣ и лейт. баронъ Нолькенъ; они сняли замки у орудій и собрали винтовки. На кораблѣ былъ оставленъ караулъ. Въ одной изъ каютъ былъ обнаруженъ трупъ матроса съ прострѣленной головой. Рядомъ съ нимъ лежала винтовка. Люди на суднѣ увѣряли, что онъ покончилъ самоубійствомъ, но раны на обоихъ вискахъ показывали, что винтовочная пуля прошла черезъ его голову сбоку, горизонтально. Ясно было, что произошло убійство.

Представитель Воскресенскаго былъ доставленъ на

«Крюгеръ», накормленъ и обласканъ. Капитанъ Уошингтонъ вызвалъ его въ свою каюту вмѣстѣ съ Нолькеномъ и чрезъ этого послѣдняго сказалъ представителю слѣдующее:

— Вы, какъ морякъ, знаете, что для остановки судна даютъ одинъ недолетъ и одинъ перелетъ, а затѣмъ уже бьютъ на пораженіе. Мы продѣлали то же самое, но съ минами, что является чрезвычайно трудной и отвѣтственной операціей. Блестящее выполненіе ея свидѣтельствуетъ о большомъ искусствѣ, проявленномъ нашими моряками, и, во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что все обошлось безъ кровопролитія, котораго мы стремились всячески избѣгнуть.

Представитель отвѣтилъ, что онъ не морякъ и ничего въ этомъ дѣлѣ не понимаетъ (что прекрасно было извѣстно Уошингтону), но что онъ оцѣниваетъ высокія качества командъ «Си-Эмъ-Би» и ихъ гуманность. Уошингтонъ попросилъ его поблагодарить Воскресенскаго и еще разъ настойчиво объяснилъ о «перелетахъ».

Впослѣдствіи въ каютъ-компаніи «Крюгера» Уошингтонъ говорилъ: «Я думаю, что мы хорошо сдѣлаемъ, если и сами повѣримъ въ минные перелеты и недолеты». Замки отъ орудій и нѣкоторыя части машинъ были англичанами сняты со всѣхъ кораблей Русской Каспійской Флотиліи и оставлены ими у себя.

13-го іюля 1919-го года пишущій эти строки докладывалъ о вышеизложенномъ Верховному Правителю, Адмиралу Колчаку. Сумрачно, съ горящими глазами, выслушавъ эту часть дсклада, Адмиралъ сказалъ: «И это были англичане?». Эту же фразу онъ повторилъ нѣсколько разъ и послѣ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ доклада. О нихъ рѣчь впереди.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Газеты всѣхъ оттѣнковъ отнеслись къ разоруженію Каспійской флотиліи съ крайней нервностью, являясь выразителями мнѣній самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія. Въ рабочихъ кругахъ волненіе все возрастало. Большевики удачно уловили моментъ и развили бѣшеную агитацію. Экстренныя засѣданія рабочей конференціи происходили одно за другимъ.

Газета «Искра», органъ соціалъ-демократовъ-меньшевиковъ, помѣстила слѣдующій отчетъ объ одномъ изъ такихъ засѣданій въ статьѣ озаглавленной: «Впечатлѣнія — рабочая конференція 5-го марта 1919 г.».

«Несмотря на то, что «разверзлись хляби небесныя», народу довольно много — свыше трехсотъ человѣкъ.

Передъ бакинскимъ пролетаріатомъ вновь всталъ вопросъ о боевой защитѣ правъ россійской демократіи.

Какой злой духъ толкаетъ подъ руку власть, мы не знаемъ, но многіе дѣйствія ея будто нарочно расчитаны на усиленіе недовольства и нервности массъ.

При обсужденіи вопроса о Каспійской флотиліи наблюдается ненормальное явленіе: гораздо больше времени посвящается обвиненіямъ различными партіями другъ друга въ происшедшемъ, чѣмъ поискамъ путей къ достойному выходу изъ создавшагося тяжелаго положенія. Что изъ того, что будутъ обнаружены «виновники» приглашенія въ іюлѣ 1918 г. англичанъ (виновнымъ окажется самъ бакинскій пролетаріатъ, къ которому политическія партіи апеллировали, и который почти единогласно высказался за приглашеніе англичанъ для военно-технической помощи въ борьбѣ съ турецкими завоевателями); что изъ того, что кто-нибудь будетъ посаженъ «на скамью подсудимыхъ» или пригвожденъ къ позорному столбу — развѣ этимъ дѣлу поможешь?

Развѣ англичане, вошедшіе въ Баку въ ноябрѣ 1918 г., явились сюда по тѣмъ же причинамъ, на томъ же основаніи, и въ томъ же качествѣ, что и англичане, приглашенные лѣтомъ 1918 года?

Въ такой моментъ, когда необходимо напряженіе всѣхъ силъ бакинскаго пролетаріата, когда особенно остро чувствуется необходимость въ полномъ единствѣ дѣйствій всѣхъ политическихъ и національныхъ группъ этого пролетаріата, — не время заниматься взаимными упреками и обвиненіями...

О будущемъ, о способахъ защиты впредь правъ и достоинства россійской демократіи и революціонной Россіи говорили сравнительно мало, но всѣ говорившіе сходились на томъ, что самостоятельное рѣшеніе англійскимъ командованіемъ, помимо всякаго участія россійскихъ демократическихъ организацій, вопросовъ о россійскомъ флотѣ, о россійскомъ государ-

ственномъ имуществѣ, является вопіющимъ нарушеніемъ правъ Россіи. Въ этихъ вопросахъ россійской демократіи принадлежитъ, по меньшей мѣрѣ, первое слово, и игнорированіе англійскимъ командованіемъ безспорныхъ правъ россійской демократіи на самостоятельное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, вызвавъ новыя тренія съ бакинскимъ пролетаріатомъ, врядъ ли получитъ одобреніе со стороны англійской демократіи, англійскаго народа.

Пріемы колоніальной политики въ отношеніи къ Россіи и вообще, конечно, должны быть оставлены разъ навсегда».

Статья эта заканчивается сообщеніемъ тѣхъ рѣшеній, которыя были приняты на рабочей конференціи 5-го марта, и общей характеристикой настроенія къ концу конференціи:

«Конференція выноситъ постановленіе о предъявленіи англійскому командованію требованій, уже напечатанныхъ въ отчетѣ и организаціи Стачечнаго Комитета. Настроеніе конференціи бодрое, но не крикливо-воинственное. Бакинскій пролетаріатъ не стремится къ использованію во что бы то ни стало могучаго орудія пролетарской борьбы — забастовки. Наоборотъ, не ограничивъ полномочій своей делегаціи къ англійскому командованію, конференція подчеркнула, что рабочіе г. Баку надѣются на возможность мирнаго разрѣшенія конфликта и хотятъ его. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они заявили о своей готовности поддержать свои справедливыя требованія, защитить права революціонной демократіи забастовкой по исчерпаніи всѣхъ мирныхъ способовъ разрѣшенія конфликта.

Будемъ надѣяться, что англійское командованіе

правильно учтетъ, наконецъ, истинное положеніе вещей и займетъ правильную позицію по отношенію къ бакинской демократіи и тѣмъ предотвратитъ забастовку бакинскаго пролетаріата, справедливость которой несомнѣнно будетъ признана англійской демократіей, не разъ уже отмѣчавшей устами своихъ лидеровъ въ Нижней Палатѣ и постановленіями различныхъ конференцій ошибочность тактики англійскихъ генераловъ въ Россіи».

Статья была подписана нѣкіимъ Павко.

Делегаты рабочей конференціи, дѣйствительно, явились къ ген. Томсону и предъявили рядъ требованій въ формѣ письма. Но... англійское командованіе, дѣйствительно, учло создавшуюся послѣ разоруженія флотиліи обстановку и совсѣмъ не такъ, какъ представляла себѣ рабочая конференція. Соотвѣтственно съ этимъ, тонъ ген. Томсона коренным образомъ измѣнился. Требованія не только были отклонены, но непродуманность ихъ дала возможность ген. Томсону отвѣтить на эти требованія съ примѣсью большой доли ироніи, переходящей мѣстами въ издѣвательство. Въ скоромъ времени всѣ газеты помѣстили слѣдующее сообщеніе подъ заголовкомъ: «Офиціальный отдѣлъ. Отвѣтъ Генерала Томсона»:

«ВОПРОСЪ. Полное невмѣшательство англичанъ во внутреннія дѣла.

ОТВѢТЪ. Непонятно, что подразумѣвается подъ «невмѣшательствомъ англичанъ во внутреннія дѣла?»

Благодаря вмѣшательству британскаго командованія, Вамъ гарантирована свобода прессы, рѣчи и собраній, уплата всѣхъ недоимокъ жалованія и правильная выдача жалованія. Англичане помогали снабжать

продовольствіемъ городъ Баку и понижать цѣны, а также организовали помощь голодающему населенію и лазареты. Ваше требованіе, чтобы англичане немедленно разрѣшили бы вопросъ Каспійской флотиліи и русскаго авто-транспорта (прим. автора: почти всѣ средства транспорта были мобилизованы англичанами и поставлены ими подъ свой контроль), является требованіемъ ихъ вмѣшательства во внутреннія дѣла.

Освобожденіе женщинъ и дѣтей изъ Асхабада также внутреннее дѣло, приведенное въ исполненіе британскимъ командованіемъ.

Желаете ли Вы, чтобы это все прекратилось?

ВОПРОСЪ. Немедленное освобожденіе всѣхъ арестованныхъ моряковъ и ихъ семей безъ всякихъ разслѣдованій съ возвращеніемъ отобранныхъ у нихъ вещей.

ОТВѢТЪ. Въ виду угрозы, содержащейся въ Вашемъ письмѣ, что будетъ организована забастовка, если Ваши требованія не будутъ исполнены, вопросъ объ освобожденіи тѣхъ изъ арестованныхъ моряковъ, которые до сихъ поръ еще не освобождены, снимается съ очереди. Дальнѣйшихъ освобожденій не послѣдуетъ, пока не будетъ снята угроза забастовки.

ВОПРОСЪ. Немедленно произвести расчетъ со всѣми моряками Центрокаспія.

ОТВѢТЪ. Несмотря на то, что это является внутреннимъ дѣломъ, Британское Командованіе, какъ Вамъ было сообщено 4-го марта, позаботится о расчетѣ моряковъ. Если же будетъ объявлена забастовка, этотъ вопросъ будетъ также отложенъ.

ВОПРОСЪ. Немедленно прекратить всѣ аресты и обыски и впредь таковые не производить.

ОТВѢТЪ. Никакихъ арестовъ и обысковъ произведено не было.

ВОПРОСЪ. Имущество, принадлежащее Россійскому государству, въ томъ числѣ цѣликомъ имущество автоколонны, должно остаться здѣсь подъ контролемъ и наблюденіемъ комитета, составленнаго изъ представителей демократическихъ организацій и соціалистическихъ партій.

ОТВѢТЪ. Вамъ было сообщено, что по предложенію британскаго командованія будетъ образована комиссія. Это также является внутреннимъ дѣломъ.

ВОПРОСЪ. А также о возвращеніи союзу увѣчныхъ воиновъ 12-го лазарета, какъ построеннаго на средства Совѣта Рабочихъ, Крестьянскихъ и Матросскихъ Депутатовъ.

Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, Президіумъ уполномоченъ образовать Стачечный Комитетъ и объявить забастовку. Президіумъ Конференціи, во избѣжаніе конфликта съ англійскимъ командованіемъ, надѣется на положительные результаты. Благоволите отвѣтить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Предсѣдатель Президіума Чураевъ.
Товарищъ Предсѣд. (подпись).
Секретарь (подпись).

ОТВѢТЪ. Этотъ лазаретъ англичанами былъ принятъ по соглашенію съ генераломъ Бичераховымъ. Не было случаевъ принудительнаго удаленія больныхъ изъ лазарета. Нѣкоторые изъ нихъ были перевезены

на англійскихъ санитарныхъ автомобиляхъ въ другой лазаретъ по соглашенію между врачами.

Если Президіумъ Конференціи желаетъ избѣгнуть конфликта съ Британскимъ Командованіемъ и надѣется достигнуть положительныхъ результатовъ, генералъ Томсонъ готовъ встрѣтить ихъ въ 10 час. 30 мин. утра 7-го марта с. г.

Командующій Союзными Войсками въ Баку
Генералъ-майоръ В. М. Томсонъ».

Тонъ отвѣта показалъ соціалистическимъ партіямъ, что генералъ Томсонъ, какъ будто, совершенно не испугался угрозы забастовки, и что онъ чувствуетъ себя вполнѣ увѣренно и не намѣренъ сходить съ избраннаго англичанами пути. Отвѣтъ этотъ, можетъ быть, потому, что онъ былъ нарочито ироническимъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ откровенно издѣвательскимъ, никому изъ русскихъ не пришелся по вкусу, безъ различія политической окраски, и онъ только подлилъ масла въ огонь. Допустимо предположить, что въ расчеты Томсона вовсе не входило внести успокоеніе, наоборотъ, онъ хотѣлъ какъ будто воспользоваться случаемъ, чтобы показать, что всякая борьба противъ рѣшенія англичанъ есть дѣло безнадежное.

Крайнее возмущеніе, нѣкоторая растерянность и подавленность царили въ правомъ русскомъ лагерѣ. Настроеніе лѣваго лагеря характеризуется слѣдующей статьей, появившейся въ органѣ партіи с.-р., «Знамя Труда» 14-го марта 1919-го года:

«Бакинскій пролетаріатъ, въ лицѣ Рабочей Конференціи, предъявилъ ген. Томсону рядъ требованій, изъ которыхъ основныя сводятся къ слѣдующему:

Освобожденіе всѣхъ арестованныхъ моряковъ и ихъ семей.

Прекращеніе политическихъ арестовъ и обысковъ.

Невмѣшательство англичанъ въ Россійскія дѣла въ формѣ отказа отъ борьбы противъ революціонной демократіи Россіи и самоопредѣлившихся ея народовъ, какъ непосредственно, такъ и въ видѣ поддержки контръ-революціонныхъ силъ.

Несмотря на справедливость и законность этихъ требованій, они все-таки не были удовлетворены ген. Томсономъ.

Такимъ образомъ, англійское командованіе, не считаясь съ печальными послѣдствіями конфликта, бросило бакинскимъ рабочимъ рискованный вызовъ.

И этотъ вызовъ былъ принятъ.

На двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ Рабочей Конференціи почти единогласно вынесено постановленіе:

Объявить всеобщую забастовку, выставить упомянутыя требованія.

Кто побѣдитъ въ этой неравной борьбѣ:

Мощный англійскій имперіализмъ или безоружные бакинскіе рабочіе — покажетъ будущее.

Но и независимо отъ исхода борьбы, эта забастовка сама по себѣ уже будетъ имѣть огромное значеніе, выходящее далеко за предѣлы не только Баку, но и Россіи.

Ибо походъ, объявленный англійскимъ командованіемъ, долженъ разсматриваться, какъ одинъ изъ моментовъ общаго наступленія, которое предпринято міровымъ капиталомъ противъ Россійской революціи, противъ демократіи и ея авангарда — пролетаріата.

Мы увѣрены, что зарубежный пролетаріатъ, а въ частности и англійскій, узнаетъ, что на далекой окраинѣ одинъ изъ славныхъ отрядовъ труда ведетъ напряженную неравную борьбу съ представителями международнаго капитала.

И, узнавъ, онъ не останется равнодушнымъ къ происходящему и скажетъ свое рѣшительное и вѣское слово противъ чинимаго насилія.

Не питая особенно радужныхъ надеждъ на исходъ забастовки, тѣмъ не менѣе, бакинскій пролетаріатъ проявилъ полную рѣшительность и готовность къ борьбѣ за выдвинутые имъ лозунги съ твердымъ убѣжденіемъ, что — лучше быть побѣжденнымъ съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ позорно бѣжать отъ врага, не принявъ боя.

И съ полнымъ сознаніемъ той отвѣтственности, которую беретъ на себя партія соціалистовъ-революціонеровъ, мы заявляемъ:

Разъ нѣтъ иного выхода изъ создавшагося положенія, мы будемъ всемѣрно поддерживать бакинскій пролетаріатъ въ его борьбѣ за справедливыя требованія».

Итакъ, забастовка была объявлена. Вечеромъ городъ погрузился въ полную темноту, въ которой ярко выдѣлялось освѣщенное собственной электрической станціей зданіе англійскаго штаба на набережной.

Забастовка принесла много страданій жителямъ города, который опять принялъ зловѣщій, притаившійся, голодный видъ.

Забастовка никакихъ результатовъ, кромѣ демонстраціи англійскаго спокойствія и увѣренности въ полномъ пре-

восходствѣ своихъ вооруженныхъ силъ, не дала. Понемногу рабочіе стали на работу.

Разоруженіе флотиліи, только случайно не превратившееся въ ея уничтоженіе, лишило Добровольческую Армію возможности имѣть вооруженную морскую силу на Каспійскомъ морѣ. Но этого крупнѣйшаго удара по національнымъ и территоріальнымъ интересамъ Россіи было, очевидно, недостаточно. Еще всеобщая забастовка не была объявлена, какъ мы всѣ были потрясены извѣстіемъ о томъ, что британское командованіе предъявило Добровольческимъ частямъ, находящимся въ Баку и окрестностяхъ, **ультимативное требованіе** покинуть городъ и «территорію Азербейджанской республики». Одновременно съ этимъ, на всѣхъ корабляхъ, входившихъ въ составъ англійской флотиліи, на которыхъ развѣвались Андреевскіе флаги, эти послѣдніе были спущены и замѣнены британскими флагами, при чемъ всѣ корабли стали называться вмѣсто «S. S.» — «H. M. S.», то есть, вмѣсто «Си Стимеръ» (морской корабль) — «Хисъ Мэжистисъ Шипъ» (корабль Его Величества, т.-е. Короля Англіи). Такъ, корабли, составляющіе русскую собственность, перестали ею быть и становились «Кораблями Его Британскаго Величества» на основаніи одного только приказа британскаго командованія, при чемъ **ничье** согласіе на это не было испрошено.

Андреевскій флагъ пересталъ развѣваться на Каспійскомъ морѣ.

Чтобы охарактеризовать способъ выселенія Добровольческаго отряда «съ территоріи Азербейджанской республики», достаточно будетъ указать на то, что генералу Пржевальскому подали грязный товарный вагонъ. Прекрасныхъ и чистыхъ классныхъ вагоновъ было въ Баку со-

вершенно нормальное количество. Только послѣ рѣзкаго и рѣшительнаго протеста штаба Добровольческаго отряда, грязный товарный вагонъ былъ замѣненъ класснымъ, и были даны еще нѣсколько дополнительныхъ классныхъ вагоновъ. Генералъ Пржевальскій былъ настолько подавленъ, что никакого участія въ протестѣ не принималъ.

Приводимая ниже передовица бакинской газеты «Единая Россія» отъ 8-го марта 1919-го года отразила, хотя и нѣсколько въ слабой степени, настроеніе, охватившее всѣхъ русскихъ и инородцевъ, исключая марксистовъ и сепаратистовъ. Привожу эту передовицу полностью:

«Несмотря на рѣшительную побѣду, одержанную союзниками надъ германскимъ имперіализмомъ, международное политическое положеніе остается неопредѣленнымъ и тяжелымъ.

Такая же неопредѣленность, неустойчивость и напряженность наблюдается и въ русскомъ вопросѣ, который при создавшейся міровой конъюнктурѣ неизбѣжно долженъ стать въ центрѣ вниманія международной дипломатіи.

Первоначальное отношеніе союзниковъ къ русскому вопросу опредѣлилось тѣми задачами, которыя они преслѣдовали продолженіемъ войны до побѣднаго конца, а именно, они поддерживали тѣ русскія силы, которыя до самаго конца боролись противъ общаго врага.

Такой силой, которую они застали на югѣ въ моментъ завершенія борьбы съ германо-турками, была Добровольческая армія; послѣдняя была признана воюющей стороной, и ей была офиціально обѣщана союзниками, въ лицѣ ген. Франшэ д'Эсперэ и Бертело, помощь деньгами, техническими средствами и

живой силой въ борьбѣ съ большевизмомъ, германофильская окраска котораго и предательская роль въ великой войнѣ не могли быть союзниками забыты.

Между прочимъ, представитель Добровольческой арміи, ген. Эрдели въ переговорахъ съ союзниками подчеркивалъ мнѣніе высшаго командованія Добровольческой арміи о томъ, что возрожденіе Россіи должно быть дѣломъ самого русскаго народа, и что живая сила союзниковъ нужна только для того, чтобы помочь добровольцамъ пробиться въ коренныя русскія области, гдѣ живая сила ихъ должна увеличиться притокомъ подъ знамена всѣхъ изнемогающихъ подъ гнетомъ большевизма.

Точно также ген. Эрдели указывалъ союзникамъ на необходимость оказанія населенію занимаемыхъ добровольцами областей широкой экономической помощи въ смыслѣ снабженія товарами, которая одна могла предупредить возможность повторныхъ, такъ сказать, рецидивовъ большевизма.

Эти взгляды нашли полное одобреніе со стороны союзниковъ, которые торжественно декларировали свое намѣреніе возстановить единую Россію въ довоенныхъ границахъ и обѣщали оказать Добровольческой арміи всемѣрную поддержку противъ большевиковъ, вплоть до присылки крупныхъ отрядовъ живой силы.

Однако, обѣщанная поддержка оказывается вяло, нерѣшительно и далеко не въ достаточной степени, что видно изъ заявленія генерала Деникина, сдѣланнаго имъ на засѣданіи донского войскового круга: «Союзники пока не пришли къ намъ, — говорилъ онъ. — Трудно сказать, какія техническія и политическія

условія тормозятъ прибытіе союзныхъ войскъ, но, очевидно, имѣются на то свои причины». (Между тѣмъ, на Кавказѣ и въ Закавказьи было не меньше пятидесяти тысячъ «союзныхъ войскъ», вдали отъ фронта. **Прим. автора**).

Между тѣмъ, мутная стихія большевизма, при дряблости межеумочныхъ соціалистическихъ и монархическихъ элементовъ Украины, докатилась почти до Чернаго моря, и единственнымъ оплотомъ противъ нея служитъ Добровольческая армія, собравшая вокругъ себя всѣ здоровые элементы края.

Эта шаткая, нерѣшительная, колеблющаяся политика въ русскомъ вопросѣ нашихъ союзниковъ, которые до сихъ поръ не сумѣли создать прочнаго оборонительнаго фронта противъ большевиковъ, вызываетъ невольныя разочарованія и тревогу среди тѣхъ элементовъ русскаго общества, которые желаютъ какъ можно скорѣе видѣть свою родину возрожденной на основахъ свободы, права и труда.

Поэтому вполнѣ естественнымъ является наше желаніе, чтобы въ политику союзниковъ на русскомъ востокѣ были, наконецъ, внесены ясность и опредѣленность, которыхъ до сихъ поръ еще нѣтъ.

То же самое можетъ быть отнесено и къ политикѣ союзныхъ оккупаціонныхъ властей въ Закавказскомъ краѣ, которая характеризуется не только неопредѣленностью, но и противорѣчивостью.

При появленіи своемъ въ Баку, союзная власть опредѣлила свою задачу, какъ поддержаніе порядка на этой окраинѣ русскаго государства, подлежащаго возстановленію въ довоенныхъ границахъ.

Но какъ примирить принципъ провозглашенія Россіи въ границахъ 1914 г. съ послѣдовавшимъ 1 марта изгнаніемъ изъ Баку россійскаго государственнаго флага? Союзники не должны скрывать отъ себя, что даже интернаціоналистическіе круги, группирующіеся вокругъ «Искры», оцѣнили актъ оккупаціонной власти, какъ ударъ по **россійской** (жирный нашъ) демократіи, а другіе элементы видятъ въ этомъ актѣ прямое оскорбленіе русскаго имени.

Какъ сочетать декларированіе единства Россіи съ покровительствомъ продолжающемуся дробленію ея закавказской окраины на крошечныя республики, нарушающему и тотъ статусъ кво, который застали союзники въ моментъ оккупаціи?

Какъ объяснить загадочное отношеніе къ Добровольческой Арміи, мѣняющееся подъ различной долготой и широтой и подверженное неожиданнымъ колебаніямъ даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ?

Какъ согласовать пресловутое невмѣшательство во внутреннія дѣла съ такого рода вмѣшательствомъ въ нихъ, которое въ отношеніи дальновидности и такта оставляетъ желать много лучшаго и можетъ гладко проходить развѣ только въ колоніяхъ съ «цвѣтнымъ» населеніемъ?

Всѣ эти неясности и противорѣчія, эти колебанія и зигзаги союзной политики, неоднократно отмѣчаемые бакинской прессой, порождаютъ смуту въ умахъ, сѣютъ неудовлетворенность и раздраженіе среди самыхъ разнообразныхъ круговъ населенія и отнюдь не способствуютъ созданію того порядка, къ которому стремятся оккупаціонныя власти.

Мало того, они питаютъ тотъ анархическій боль-

шевизмъ, ростъ котораго въ послѣднее время является неоспоримымъ.

Поэтому мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что только прямая, честная, ясная и послѣдовательная политика союзныхъ оккупаціонныхъ властей можетъ стать условіемъ созданія въ Баку того порядка, котораго ищутъ всѣ національности и всѣ классы и который можетъ предотвратить возможность всякаго рода «взрывовъ изнутри», грозящихъ быть катастрофическими по своимъ послѣдствіямъ».

Вышеприведенная статья въ одномъ существенномъ пунктѣ не отражала нашихъ настроеній. Авторъ ея, какъ и многіе жители края, считалъ, что политика «оккупаціонныхъ властей» была неясной, зигзагообразной и колеблющейся, другими словами, кореннымъ образомъ ошибочной въ «союзномъ» смыслѣ. Мы считали эту политику на основаніи всего, что мы видѣли и пережили, преслѣдующей совершенно опредѣленные, стройные и ясные планы, ничего общаго съ интересами Россіи не имѣющіе. Никакихъ иллюзій себѣ мы не строили, мы находились и служили въ станѣ враговъ нашей Родины, тѣмъ болѣе опасныхъ, что они выступали подъ видомъ друзей.

Вновь и вновь предъ нами вставалъ вопросъ, что дѣлать? Уходить или оставаться? Нолькенъ не выдержалъ и рѣшилъ уйти.

— Послѣ всего того, что я пережилъ на «Си-Эмъ-Би», —сказалъ онъ мнѣ, — я просто чувствую, что мои нервы больше не выдерживаютъ. Я чуть не сошелъ съ ума, когда началась попытка потопленія нашихъ кораблей.

Подавая рапортъ о своемъ уходѣ съ англійской служ-

бы, Нолькенъ предупредилъ меня, что, такъ какъ я послѣ того, какъ «Алла Верды» вычеркнутъ изъ списковъ, еще не назначенъ ни на какой другой корабль, и такъ какъ Коммодоръ Норрисъ ко мнѣ хорошо относится, то, по всей вѣроятности, мнѣ предложатъ занять мѣсто Нолькена на «Крюгерѣ».

Служить въ средѣ враговъ, въ самомъ центрѣ? Да, сказалъ я себѣ, но быть врагомъ подъ видомъ друга такъ же, какъ и они сами. Если мы уйдемъ, то они останутся безъ всякаго внутренняго наблюденія, и, кто знаетъ, не представится ли намъ возможность препятствовать или даже разрушать нѣкоторые ихъ планы, враждебные Россіи.

Черезъ короткое время меня вызвали на «Крюгеръ» и предложили занять мѣсто ушедшаго Нолькена, то-есть, мѣсто русскаго флагъ-офицера Коммодора и вахтеннаго начальника. Предложеніе это я принялъ и поселился въ отведенной мнѣ каютѣ.

Отношенія со всѣми офицерами «Крюгера» вскорѣ завязались отличныя. Это были, безъ исключенія, кадровые морскіе офицеры, отличные, высокообразованные и милые ребята, полные традицій и привыкшіе къ тѣмъ особеннымъ взаимоотношеніямъ между офицерами, которыя создаются на морѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Крюгеръ» простоялъ въ Баку довольно долго. Производились нѣкоторыя починки и мелкія перестройки.

Помимо корабельныхъ офицеровъ, на кораблѣ плавали еще чины штаба Коммодора, во главѣ съ начальникомъ штаба, капитаномъ Уошингтономъ. Изъ офицеровъ штаба мнѣ пришлось болѣе всего имѣть дѣло съ командеромъ Гай.

Одной изъ моихъ обязанностей на «Крюгерѣ», какъ и на «Алла Верды», было завѣдываніе трюмно-пожарнымъ дивизіономъ, составленнымъ изъ русской команды, но на «Крюгерѣ» въ придачу къ ней, въ составъ дивизіона входили еще и англійскіе нестроевые матросы. «Крюгеръ» еще ни разу не былъ въ бою, и команда была необстрѣлена. Этимъ объяснялось то, что въ началѣ штатская русская команда отнеслась къ дѣлу несерьезно. Нѣсколько собесѣдованій и ученій вскорѣ измѣнили картину, и впослѣдствіи въ бою дивизіонъ показалъ себя на высотѣ положенія. Это было крайне необходимо, такъ какъ «Крюгеръ», какъ пассажирскій корабль, имѣлъ массу деревянныхъ надстроекъ, и пищи для огня было въ изобиліи. Одинъ снарядъ, произведшій

пожаръ, былъ бы достаточенъ, чтобы натворить большихъ бѣдъ.

Въ концѣ марта мы ушли въ Петровскъ, а оттуда на о. Чечень.

Въ Петровскѣ оказалось гораздо больше Добровольческихъ частей, чѣмъ раньше, а на о. Чечень были наши русскія морскія части. Комендантомъ острова состоялъ молодой мичманъ Ц.

Въ одинъ изъ дней нашей стоянки у о. Чечень, на «Крюгеръ» пришелъ съ берега кап. 2 р. Ш. въ сопровожденіи двухъ офицеровъ и попросилъ аудіенціи у Коммодора Норриса. Встрѣча эта и послѣдовавшіе разговоры произошли въ каютъ-компаніи «Крюгера» въ моемъ присутствіи. Капитанъ 2 р. Ш. заявилъ Коммодору, что въ его распоряженіи имѣется морской офицерскій и матросскій составъ, и что онъ прибылъ для того, чтобы возстановить русскую Каспійскую флотилію и, если понадобится, вооружить въ придачу къ ней нѣсколько коммерческихъ пароходовъ. Можно было ожидать, что Коммодоръ будетъ отвѣчать уклончиво и сошлется на необходимость снестись съ ген. Томсономъ. Однако, Коммодоръ сразу отрѣзалъ, сказавъ, что не считаетъ нужнымъ имѣть на Каспійскомъ морѣ другихъ силъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже имѣются. Наличіе двухъ флотилій могло бы, по мнѣнію Коммодора, создать почву конфликтовъ. Кап. 2 р. Ш., помолчавъ нѣкоторое время, а затѣмъ, глядя на Коммодора прищуренными глазами исподлобья, спокойно отчеканилъ:

— Я не пришелъ къ вамъ, Коммодоръ, чтобы спрашивать разрѣшенія англійскаго командованія имѣть русскія силы на русскомъ морѣ.

Коммодоръ нѣсколько опѣшилъ, но затѣмъ спросилъ, чего же, собственно, кап. 2. р. Ш. отъ него хочетъ? На это

послѣдовалъ отвѣтъ, что кап. 2. р. Ш. ожидаетъ отъ англійскаго командованія передачи въ русскія руки русскаго имущества, то-есть, русскихъ кораблей, Каспійскую Русскую Флотилію. Коммодоръ заявилъ, что этого онъ не сдѣлаетъ и, вообще, не допуститъ даже вооруженія коммерческихъ пароходовъ. Пытаясь смягчить начинающуюся рѣзкость разговора, Коммодоръ добавилъ, что англійской флотиліи вполнѣ достаточно для борьбы съ большевиками, и что русскія силы больше нужны на сушѣ. Кап. 2. р. Ш. замѣтилъ на это, что англійскихъ силъ на Каспійскомъ морѣ нельзя никоимъ образомъ считать достаточными, такъ какъ у большевиковъ уже имѣются миноносцы и подводныя лодки, съ которыми слабо вооруженнымъ и тихоходнымъ коммерческимъ пароходамъ не справиться. Коммодоръ настаивалъ на своемъ, и разговоръ сталъ принимать все болѣе рѣзкій характеръ, при явномъ перевѣсѣ логики и убѣжденности на сторонѣ кап. 2. р. Ш.

Дошло до того, что Коммодору пришлось выслушать нѣсколько непріятныхъ истинъ, въ родѣ того, что... «я принужденъ вамъ напомнить, что мы находимся въ Россіи, на территоріи, принадлежащей русской націи, и никакъ не на территоріи, находящейся подъ суверенитетомъ Англіи».

Результатовъ, однако, этотъ разговоръ не принесъ никакихъ. Русскія морскія части прошли въ Петровскъ и вступили подъ командованіе кап. 1. р. С. Однако, на о. Чечень былъ оставленъ морской отрядъ, подчиненный мичману Ц.

При первой же возможности, я вступилъ въ Петровскѣ, въ связь съ кап. 1. р. С. и, освѣтивъ ему обстановку въ подробностяхъ, сталъ регулярно докладывать ему обо

всемъ, что становилось мнѣ извѣстнымъ, и что могло быть неизвѣстно русскому начальству.

До 19-го апрѣля не произошло ни одной встрѣчи съ большевицкими кораблями, а 19-го (это была Страстная Суббота) произошелъ короткій нерѣшительный бой «Азіи» съ большевицкимъ вооруженнымъ пароходомъ, ушедшимъ, благодаря преимуществу въ скорости. 23-го произошелъ такой же бой у «Вентюра».

Большевики занимались развѣдкой, не проникающей дальше линіи о. Чечень—Фортъ Александровскъ. Ихъ корабли, вступавшіе въ короткій бой съ нашими, были, очевидно, развѣдчиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Астрахани скапливались все большія силы. По свѣдѣніямъ шпіоновъ, въ Астрахани было уже восемь миноносцевъ Балтійскаго Флота: «Эмиръ Бухарскій», «Финнъ», «Москвитянинъ», «Туркменецъ Ставропольскій», «Дѣльный», «Прыткій», «Ретивый» и «Рьяный» и двѣ подводныхъ лодки: «Макрель» и «Минога». Комиссаромъ большевицкихъ морскихъ силъ въ Астрахани былъ нѣкій Саксъ. Воздушныя силы большевиковъ базировались на Могильный, гдѣ комиссарствовалъ нѣкій Третьяковъ. Большевики въ Астрахани ожидали прибытія еще двухъ Балтійскихъ подводныхъ лодокъ, находившихся уже въ Саратовѣ: «Касатки» и «Окуня».

Возникалъ вопросъ, захотятъ ли команды Балтійскихъ кораблей драться съ нами? Но если бы они захотѣли, наше положеніе въ любой моментъ могло бы стать отчаяннымъ. Странной казалось увѣренность Коммодора, высказанная имъ въ разговорѣ съ кап. 2. р. Ш., что англійскихъ морскихъ силъ на Каспіи вполнѣ достаточно для борьбы съ большевиками. Къ тому же мы не владѣли моремъ, такъ какъ весь восточный берегъ Каспія, съ двумя важными пунктами — Фортомъ Александровскъ и Краснозавод-

скомъ, былъ фактически беззащитенъ отъ нападенія большевиковъ. Нашихъ силъ хватало развѣ что на защиту Петровска и Баку, а также, съ гораздо большимъ трудомъ, о. Чечень, такъ какъ на островѣ не было никакихъ батарей. Что же касается силъ для нападенія на Астрахань или для блокады ея, то тутъ не о чемъ было даже и говорить. Правда, наша флотилія усилилась еще «Волгой», вооруженной двумя шестидюймовыми и несшей шесть «Си-Эмъ-Би». Но эти минные катера, какъ мы уже видѣли, не показали себя особенно боеспособными даже тогда, когда имъ не сопротивлялись, а «Волга» была тихоходомъ, какъ и всѣ наши корабли.

Интересно отмѣтить, что до 25-го мая 1919-го года мы ни разу не ходили въ Фортъ Александровскъ. Насколько мнѣ было извѣстно, туда летали англійскіе самолеты на развѣдку, но когда именно, мнѣ неизвѣстно. Это очень жаль, и изъ дальнѣйшаго будетъ видно, насколько существенно было бы имѣть точныя свѣдѣнія.

Одного взгляда на карту Каспійскаго моря достаточно, чтобы понять, насколько важна была для насъ линія Чечень—Фортъ Александровскъ, и намъ, русскимъ морскимъ офицерамъ, представлялось совершенно загадочнымъ, почему на этой линіи мы имѣемъ одинъ, и то слабый, опорный пунктъ — островъ Чечень, тогда какъ могли имѣть два, если бы заняли и укрѣпили Фортъ Александровскъ. Однако, мы не склонны были объяснить это явленіе непониманіемъ обстановки или отсутствіемъ стратегическаго чутья. Можно было объяснить это недостаткомъ силъ. Русскихъ Добровольческихъ частей было, конечно, недостаточно, чтобы прочно занять Фортъ Александровскъ, не имѣя при этомъ своей коммуникаціонной линіи къ нему отъ базъ снабженія. Англійскихъ же сухопутныхъ силъ, вда-

ли отъ фронта, было въ Закавказьѣ и на Кавказѣ много десятковъ тысячъ, такъ что о недостаткѣ этихъ силъ для занятія столь важнаго въ стратегическомъ отношеніи пункта не могло быть и рѣчи. Морскія же силы могли, во-первыхъ, быть увеличены до внушительной величины, если бы англичане передали кап. 1. р. С. разоруженныя канонерки и остальныя суда, входившія въ русскую Каспійскую флотилію. Во-вторыхъ, зная, что большевицкая флотилія все усиливается, естественно было ожидать энергичной дѣятельности для пополненія своихъ силъ новыми вооруженными единицами, хотя бы и подъ англійскимъ флагомъ. Никакой такой дѣятельности въ этомъ направленіи не было. Было... кажущееся благодушіе и кажущаяся твердая увѣренность въ своемъ превосходствѣ. Нѣкоторое моральное превосходство, конечно, было, но было ли справедливо и разумно расчитывалъ только на него, и былъ ли вообще такой расчетъ? Если былъ, то цѣна ему была дешевая.

Къ этому же времени относится появившійся и произведшій ужасающее впечатлѣніе слухъ о томъ, что англичане подумываютъ о признаніи большевиковъ законнымъ правительствомъ Россіи. Мы отказались этому вѣрить. Наши англійскіе офицеры считали это невозможнымъ, и самую мысль объ этомъ считали безумной. Однако, какіе-то переговоры происходили, но какъ будто только объ обмѣнѣ арестованными. Привожу текстъ радіо-телеграммы, посланной бакинскимъ британскимъ штабомъ, или вѣрнѣе, чрезъ него и при помощи его радіо-станціи, въ Астрахань (сохраняю точное правописаніе передачи):

«№ 227. Астрахань, комиссару Шляпникову.

Вашей радіограм. отъ Астрахани Баку содержащее отвѣтъ на постановленіе англійскаго командую-

щаго переданное вамъ, мною получено. Комиссаровъ Джапаридзе и Шаумяна въ распоряженіи англійскаго командованія не имѣется, они по мѣстнымъ свѣдѣніямъ самочинно группой рабочихъ убиты сентябрѣ около Кизилъ Арвата въ обмѣнъ на Завріева Назаряна, одиннадцать членовъ англійской миссіи арестованныхъ во Владикавказѣ и Вице консула Гау, арестованнаго Астрахани, англійскій командующій предлагаетъ кромѣ упомянутыхъ въ первомъ предложеніи варвары Джапаридзе Левона и Сурена Шаумянъ, Сато и Маро Мартикянъ, Амировой и Фіолетовой слѣдующихъ, поступившихъ нынѣ въ его распоряженіе. Вопервыхъ двѣнадцать человѣкъ медицинскаго персонала совѣтскаго госпитальнаго судна алесгерна (вернемся на нѣсколько страницъ назадъ и припомнимъ, что тамъ сказано относительно этого медицинскаго персонала: «... а медицинскій персоналъ, чрезвычайно довольный, что удалось вырваться изъ большевицкаго рая, былъ отпущенъ на всѣ четыре стороны». Очевидно, эти четыре стороны, судя по радіо, были все же въ сферѣ англійскаго распоряженія, или «нынѣ въ него поступили». ПРИМѢЧАНІЕ АВТОРА), а именно доктора Закса, Ковалевскаго (Ковалевскаго) (эта фамилія была повторена въ радіо дважды. ПРИМ. АВТОРА), бошко, Ястребова, федорова, Степанова, уренцов, шагуновъ, гусикову, сызранову, Гурова и картушева. Вовторыхъ семь бывшихъ агентовъ совѣтской власти во владикавказѣ предсѣдателя чрезвычайной Комиссіи члена Краевого комитета Цинцадзе, предсѣдателя исполкома (исполкома) (это слово повторено въ радіо дважды. ПРИМ. АВТОРА) совдепа Кавтарадзе Комиссара революю-

ціоннаго порядка бахтадзе, члена чрезвычайно комиссіи и исполкома Гахоккия, командующаго владикавказскимъ фронтомъ и отвѣтственнаго военнаго руководителя агніева, члена краевого комитета и товарища председѣдателя исполкома думбадзе и секретаря Чрезвычайной комиссіи Зубкова (пропускъ) оговорить что братья амировы (амеровы) и самсонъ конделака (конделаки) были упомянуты въ первомъ предложеніи безъ предварительной точной провѣрки содержались ли они въ красноводской тюрьмѣ, если таковые дѣйствительно тамъ содержатся и вообще состоятъ въ распоряженіи англійскаго командованія, они также войдутъ въ число предлагаемыхъ для обмѣна, мѣсто обмѣна желательно черномъ рынкѣ. Отвѣчайте Баку Британскій штабъ для передачи мнѣ представитель политическаго креста николай димитеремичъ Соколовъ.

192 пр. 17 сл. 27—8—40

тиф радіостанція прошу сообщить въ какое время с вами работать передана депеша в астрахань № 171 или нѣтъ».

Читая эту радіо-телеграмму, которая, какъ и много другихъ документовъ, попала ко мнѣ благодаря нѣкоторымъ заведеннымъ мною связямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ моей официальной службой, я какъ-то не представлялъ себѣ, кто такой этотъ «представитель политическаго креста Николай Димитріевичъ Соколовъ» ... пока не увидѣлъ его на «Крюгерѣ». Кстати, эти многіе другіе документы, о которыхъ только что было сказано, были переданы мною Адмиралу Колчаку, и копій ихъ у меня не сохранилось, о чемъ приходится очень пожалѣть.

Яснымъ и тихимъ апрѣльскимъ утромъ къ борту «Крюгера», стоявшаго на якорѣ у о. Чечень, пришвартовался пароходъ «Владиміръ», пришедшій изъ Баку. Офицеры разошлись по каютъ-компаніи послѣ утренняго завтрака, во время котораго говорили о томъ, что на «Владимірѣ» пришелъ изъ Баку кто-то, кто желаетъ говорить съ Коммодоромъ.

Приблизительно черезъ часъ послѣ завтрака мнѣ понадобилось что-то въ каютъ-компаніи, и я направился туда по коридору, въ концѣ котораго была открытая въ каютъ-компанію дверь. На стѣнѣ каютъ-компаніи, противоположной входу, висѣло большое широкое зеркало, и подходя къ двери, я увидѣлъ отраженными въ зеркалѣ Коммодора, группу нашихъ штабныхъ офицеровъ и среди нихъ, виднаго мнѣ въ полуоборотъ, невысокаго роста человѣка въ штатскомъ, съ длинной черной бородой. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы узнать въ немъ Соколова, яраго большевика, члена Петербургскаго Совдепа, автора знаменитаго «приказа номеръ первый», того самаго приказа, который далъ страшный толчокъ къ развалу дисциплины въ вооруженныхъ силахъ Россіи во время коротkаго властвованія Временнаго Правительства. Войдя въ каютъ-компанію, я внимательно осмотрѣлъ Соколова: ошибки быть не могло. Правда, теперь онъ былъ безъ повязокъ на головѣ, какъ тогда въ Або, въ Финляндіи, гдѣ я видалъ его въ послѣдній разъ послѣ того, какъ его за что-то избили матросы, кажется, минной дивизіи.

Въ каютъ-компаніи шелъ чрезвычайно оживленный разговоръ между Соколовымъ и обступившими его англійскими офицерами. Разглядывая Соколова, я поймалъ на себѣ недовольный взглядъ командера Гай. Показавъ ему знакомъ, что хочу съ нимъ поговорить внѣ каютъ-компа-

ніи, я вышелъ. Гай вышелъ за мной, и мы оба прошли въ его каюту. Здѣсь произошелъ слѣдующій разговоръ, начатый Гаемъ въ совершенно нелюбезномъ тонѣ:

— Что такое? Что вамъ нужно? У меня нѣтъ времени.

— Придется найти время, потому что дѣло серьезное: оно касается этого человѣка въ штатскомъ въ каютъ-компаніи. Вы его знаете?

— Да, это докторъ Краснаго Креста Зоколовъ. Онъ пришелъ изъ Баку на «Владимірѣ». Его генералъ Томсонъ посылаетъ въ Москву по дѣламъ Краснаго Креста... Но все это васъ совершенно не касается, и я не понимаю, что вамъ отъ меня нужно? У меня нѣтъ времени, я это вамъ уже сказалъ.

— Одну минутку. Можетъ быть, вы будете любезны отвѣтить мнѣ еще на одинъ вопросъ, а потомъ я вамъ объясню, насколько это меня касается. Неужели Соколовъ собирается итти въ Астрахань на пароходѣ «Владиміръ»? А какъ же съ офицерами и командой парохода? Вѣдь они всѣ попадутъ въ руки большевиковъ.

Гай дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе и мотаетъ головой, какъ-будто хочетъ стряхнуть съ себя что-то назойливое. Я стою между нимъ и дверью, такъ что уйти иначе онъ не можетъ, какъ отстранивъ меня. Злой скороговоркой отвѣчаетъ:

— Нѣтъ. Докторъ Зоколовъ отправится съ «Крюгера» на островъ Чечень, а оттуда на рыбачьемъ баркасѣ будетъ доставленъ до мѣста рандеву съ пароходомъ изъ Астрахани.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Конечно.

Отчеканивая каждое слово и съ трудомъ сдерживаясь, я говорю ему:

— Такъ вотъ позвольте вамъ сказать, что онъ ни въ Астрахань, ни въ Москву не попадетъ.

— Что?.. Какія у васъ основанія такъ говорить?

— Командеръ Гай, этотъ Соколовъ никакой не докторъ и никакого Краснаго Креста. Онъ... очевидно, ввелъ въ заблужденіе генерала Томсона.

— Генералъ Томсонъ прекрасно знаетъ, что онъ дѣлаетъ. Кто же онъ такой, по вашему?

— Большевикъ, авторъ приказа номеръ первый, о которомъ я раньше вамъ разсказывалъ!

Гай не показалъ никакого удивленія, но, вмѣсто этого, посмотрѣлъ на меня свысока, испытующе и съ крайнимъ неудовольствіемъ.

— Но при чемъ же здѣсь вы?

— При томъ, что этотъ негодяй ни въ Астрахань, ни въ Москву не попадетъ.

— Вы съ ума сошли! Я сейчасъ доложу Коммодору. Идите въ свою каюту. Васъ вызовутъ.

Гай быстро ушелъ въ каютъ-компанію, я же бѣгомъ— въ свою каюту. Сказалъ проходившему матросу, чтобы немедленно вызвалъ ко мнѣ моего личного вѣстового, Баграта. Баграт явился. Быстро написавъ записку, я передалъ ее Баграту съ приказаніемъ немедленно взять двойку (шлюпку) и отправиться на островъ Чечень къ мичману Ц., которому передать записку лично и срочно. Внушилъ Баграту, что дѣло крайне серьезное и срочное, и что его ожидаютъ муки ада, если онъ что-либо перепутаетъ.

Баграт удалился, и черезъ иллюминаторъ каюты я увидѣлъ, какъ онъ отвалилъ отъ «Крюгера» и сталъ грести въ сторону острова, отъ котораго мы стояли совсѣмъ близко.

Записка гласила:

«Мичману Ц. На «Крюгерѣ» находится большевикъ Соколовъ, авторъ приказа номеръ первый. Штатскій костюмъ, небольшой ростъ, черная длинная борода. Въ скоромъ времени высадится на Чечнѣ для тайнаго слѣдованія въ Астрахань и Москву. Прослѣдите и убейте. Отвѣтственность беру на себя».

Еле успѣлъ я все это сдѣлать, какъ меня вызвали къ Коммодору въ его каюту. Лицо маленькаго Коммодора подергивалось. Стараясь сдержаться, онъ сказалъ:

— Что это вы говорили командеру Гай?

— Я сказалъ, сэръ, что Соколовъ въ Астрахань и Москву не попадетъ.

Коммодоръ взорвался.

— Да какъ вы смѣете? Доктора Соколова посылаетъ генералъ Томсонъ, а вы позволяете себѣ вмѣшиваться. Вы забыли, что вы на англійской службѣ, сэръ? Вы забыли, что вы носите англійскую форму?

— Сэръ, это дѣло русское, и я не допущу, чтобы этотъ лже-докторъ, а на самомъ дѣлѣ негодяй и большевикъ, проѣхалъ бы въ Москву, внѣ зависимости отъ того, кто его посылаетъ. Что касается формы, то я могу снять ее въ любой моментъ.

— Что вы собираетесь съ нимъ дѣлать, сумасшедшій? Убивать его будете?

— Очень хотѣлъ бы, сэръ, но мѣры уже приняты, чтобы это было сдѣлано и безъ меня.

Глаза Коммодора горѣли. Лицо было перекошено. Воцарилось молчаніе. Опять, какъ въ памятный день моего доклада Коммодору объ Ашуръ-Аде, мы впивались въ глаза другъ-другу... два морскихъ офицера, служащихъ каждый своей родинѣ...

Молчаніе было долгимъ.

Наконецъ, Коммодоръ сказалъ глухо и рѣзко:

— Идите въ свою каюту.

Высунувшись въ иллюминаторъ своей каюты, я напряженно ждалъ возвращенія Баграта. Наконецъ, онъ вернулся: порученіе было выполнено.

Соколовъ въ Москву не попалъ. Но, къ сожалѣнію, убитъ онъ не былъ. Не то Багратъ проболтался на кораблѣ о содержаніи записки мичману Ц., такъ какъ она не была вложена въ конвертъ, и до Соколова или англичанъ дошелъ слухъ о пріемѣ, приготовленномъ на Чечнѣ, или англичане рѣшили не рисковать жизнью такой драгоцѣнной персоны, но Соколовъ былъ бережно водворенъ на «Владиміръ», который вскорѣ снялся и пошелъ въ Петровскъ. Всезнающій Багратъ доложилъ мнѣ объ этомъ за нѣсколько минутъ до ухода «Владиміра», и я успѣлъ передать капитану «Владиміра» черезъ того же Баграта записку, адресованную кап. 1. р. С. Впослѣдствіи оказалось, что «Владиміръ» пробылъ въ Петровскѣ нѣсколько часовъ, при чемъ кап. 1 р. С. моей записки не получилъ. Никто съ парохода на берегъ не сходилъ, и онъ прошелъ въ Баку. Тамъ Соколовъ былъ кѣмъ-то узнанъ, и онъ, боясь расправы, бѣжалъ въ Ленкорань. Тамъ, какъ говорили, онъ учредилъ нѣчто въ родѣ «Ленкоранской совѣтской республики».

На кораблѣ со мною стали чрезвычайно холодны и подчеркнуто-вѣжливы.

Вопросъ, съ какими порученіями генералъ Томсонъ посылалъ Соколова въ Москву остался открытымъ, но самый фактъ совѣщаній Томсона съ Соколовымъ, какъ и посылка его Томсономъ въ Москву, и особая любезность пріі-

ема его на «Крюгерѣ» (присутствовалъ весь штабъ), говорили сами за себя. Знаменательна была также посылка его по линіи, наименѣе подверженной контролю Добровольческой Арміи. —

Когда 13-го іюля 1919-го года въ Омскѣ Верховный Правитель Адмиралъ Колчакъ слушалъ эту часть моего доклада, онъ внезапно всталъ изъ-за стола и крикнулъ мнѣ: «Почему вы не убили его? Вы должны были пристрѣлить его, какъ собаку, этого негодяя!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Къ вечеру 26-го апрѣля нѣсколько нашихъ вооруженныхъ пароходовъ во главѣ съ «Крюгеромъ» вышли строемъ въ одну кильватерную колонну въ направленіи о. Тюленій. Побродивъ въ поискахъ непріятеля нѣсколько часовъ, мы въ наступавшей темнотѣ замѣтили нѣсколько силуэтовъ и измѣнили курсъ въ ихъ сторону. Была пробита боевая тревога. Однако, силуэты стали уходить и вскорѣ скрылись въ темнотѣ. Нашъ походъ продолжался всю ночь. Когда начало свѣтать, мы увидѣли, что горизонтъ чистъ, и что непріятельскихъ кораблей нигдѣ не видно. Утромъ 27-го апрѣля мы повернулись къ о. Чечень и стали на якорь.

Въ этотъ день на нашу якорную стоянку пришелъ небольшой красивый пароходикъ яхточнаго типа. Оказалось, что на немъ находится генералъ Алексѣй Николаевичъ Гришинъ-Алмазовъ со штабомъ, отправляющійся по порученію генерала Деникина къ адмиралу Колчаку.

Генерала Гришина-Алмазова и весь его штабъ пригласили на «Крюгеръ», гдѣ Коммодоръ обошелся съ нимъ крайне любезно. Выяснилось, что генералъ Гришинъ-Алмазовъ собирается пройти въ Петровскъ, а оттуда въ Гурьевъ (сѣверно-восточный уголъ Каспія, при впаденіи рѣки Уралъ

въ море). Коммодоръ уговаривалъ генерала вернуться изъ Петровска къ о. Чечень, чтобы Коммодоръ могъ эскортировать его черезъ море, плаваніе по которому было не безопасно въ виду частаго появленія въ этихъ мѣстахъ большевицкихъ кораблей. Генералъ согласился. Пароходикъ генерала пришвартовался къ «Крюгеру». Гришинъ-Алмазовъ отвѣтилъ на пріемъ, пригласивъ насъ къ себѣ.

Штабъ Гришина-Алмазова состоялъ почти сплошь изъ молодыхъ офицеровъ. Особенно запомнился мнѣ одинъ корнетъ, совсѣмъ юный, красивый, веселый, розовощекій, удивительно милый. Всѣ офицеры штаба относились съ какимъ-то обожаніемъ къ своему шефу. Этотъ послѣдній производилъ впечатлѣніе сильнаго, энергичнаго и умнаго человѣка, тактичнаго, сдержаннаго и осторожнаго въ своихъ сужденіяхъ.

За два дня, которые генералъ провелъ съ нами, мы всѣ очень сблизились. Это позволило мнѣ, не вызывая подозрѣній, добиться свиданія съ генераломъ съ глазу на глазъ.

То, о чемъ мы говорили во время этого короткаго свиданія, заставило генерала пригласить меня въ свою каюту вечеромъ 28-го. Мой подробный докладъ продолжался всю ночь, и къ утру 29-го апрѣля въ рукахъ генерала осталось много листовъ сдѣланныхъ имъ замѣтокъ. Въ результатѣ этой ночи, Верховный Правитель долженъ былъ получить точную информацію, съ объяснительными комментаріями, обо всемъ, что произошло за это время на Каспіи, о существующей обстановкѣ, объ опасностяхъ, связанныхъ съ нею, и ко всему этому нѣкоторыя соображенія о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы предпринять дипломатическимъ пу-

темъ. Огромное большинство того, о чемъ я доложилъ генералу Гришину-Алмазову, было, по его словамъ, неизвѣстно въ штабѣ генерала Деникина, а тѣмъ паче не могло быть извѣстно Верховному. Генералъ Гришинъ-Алмазовъ былъ пораженъ и подавленъ. Передъ разставаніемъ онъ мнѣ сказалъ:

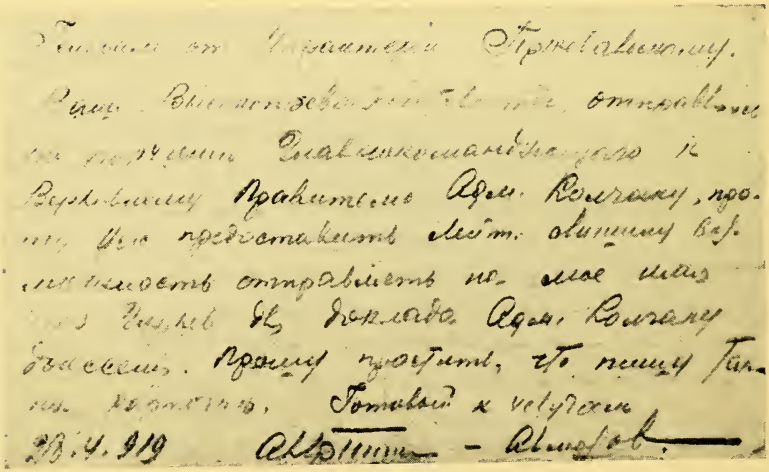
— Все, что вы мнѣ доложили, будетъ доложено Адмиралу. Это будетъ сильнымъ и необходимымъ ударомъ по вѣрѣ въ Союзниковъ. Можетъ быть, и удастся что-нибудь сдѣлать, чтобы спасти положеніе. Но какъ же здѣсь будетъ тѣмъ временемъ? Вѣдь несомнѣнно, что много важныхъ событій еще впереди. На нихъ надо реагировать, о нихъ надо знать. А между тѣмъ у насъ нѣтъ связи. Вы находитесь въ центрѣ событій, въ боевомъ и политическомъ штабѣ Каспія, и никто изъ русскихъ офицеровъ, кромѣ васъ, не обладаетъ возможностями знать почти все происходящее. Вамъ должна быть дана возможность пересылать мнѣ для доклада Верховному Правителю ваши дальнѣйшія донесенія.

Генералъ вернулся къ столику, вынулъ свою визитную карточку и написалъ на ней:

«Генералу отъ инфантеріи Пржевальскому. Ваше Высокопревосходительство, отправляясь по порученію Главнокомандующаго къ Верховному Правителю Адм. Колчаку, прошу Васъ предоставить Лейт. Лишину возможность отправлять на мое имя черезъ Гурьевъ для доклада Адм. Колчаку донесенія. Прошу простить, что пишу такъ — на карточкѣ. Готовый къ услугамъ А. Н. Гришинъ-Алмазовъ. 28. 4. 919». Вотъ ея факсимиле:

Алексѣй Николаевичъ

Гришинъ-Алмазовъ



Передавая мнѣ карточку, генералъ сказалъ:

— Держитесь на англійской службѣ до послѣдней возможности и посылайте регулярныя донесенія мнѣ черезъ генерала Пржевальскаго. Мы еще съ вами увидимся, когда я вернусь сюда изъ Петровска. Мы, навѣрное, переночуемъ у острова Чечень.

Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ не пришлось передать карточку Гришина-Алмазова генералу Пржевальскому, и она осталась у меня.

Генералъ Гришинъ-Алмазовъ ушелъ со штабомъ на своемъ пароходѣ въ Петровскъ утромъ 29-го, а мы, въ составѣ нѣсколькихъ кораблей, опять ушли въ крейсерство въ сѣверной части Каспія. Погода была тихая. До вечера не встрѣтили непріятеля, и уже возвращались, когда въ наступающей темнотѣ увидѣли силуэты шести миноносцевъ. Опять боевая тревога, и опять боя не произошло. Миноносцы не открывали огня и не приближались. Темнота сгустилась, и мы потеряли ихъ изъ виду, ожидая, однако, нападенія. Если бы оно произошло, то врядъ ли можно было сомнѣваться въ нашемъ уничтоженіи. Но нападенія не было. Былъ моментъ, когда мы съ «Крюгера» вновь ясно увидѣли нѣсколько быстро несущихся невдалекѣ отъ насъ силуэтовъ, но этимъ все ограничилось.

Плаваніе наше на этотъ разъ продолжалось нѣсколько дней, и затѣмъ мы вновь вернулись къ о. Чечень. Генералъ Гришинъ-Алмазовъ былъ уже тамъ на своемъ пароходикѣ-яхтѣ. Коммодоръ повторилъ ему свое предложеніе конвоировать его, но на этотъ разъ предложилъ свои услуги только до Форта Александровска, при чемъ было рѣшено, что «Крюгеръ» возьметъ пароходикъ-яхту на буксиръ. Коммодоръ предложилъ генералу сдѣлать походъ на «Крюге-

рѣ», и только уже у Форта Александровска пересѣсть на свой пароходикъ. Генералъ отказался, ссылаясь на большое количество работы.

Мнѣ удалось еще разъ переговорить съ генераломъ съ глазу на глазъ. Онъ былъ задумчивъ, какъ будто разстроенъ. Разставаясь со мною, онъ вдругъ сказалъ:

— Если со мною что-нибудь случится въ пути, то я беру съ васъ слово, что вы сами проѣдете къ Верховному Правителю и сдѣлаете вашъ докладъ лично. Поѣзжайте тогда черезъ Гурьевъ и тамъ явитесь генералъ-маіору Владиміру Сергѣевичу Толстому, Атаману Уральскаго казачьяго войска. Онъ устроитъ для васъ, все что надо, чтобы проѣхать въ Омскъ съ наивозможной скоростью.

Генералъ написалъ на своей карточкѣ нѣсколько словъ и передалъ ее мнѣ. Мы простились съ генераломъ чрезвычайно сердечно. Его послѣднія слова при этомъ свиданіи были:

— Возможно, что Верховный найдетъ нужнымъ послать къ вамъ офицера для связи. Если со мной ничего не случится, и я благополучно доѣду до Омска, оставайтесь на «Крюгерѣ» во что бы то ни стало и старайтесь поменьше рисковать порчей вашихъ отношеній съ англичанами и вашей службой у нихъ. Мы связь съ вами наладимъ.

Стояло чудесное весеннее утро, при почти безоблачномъ небѣ и совершенно гладкомъ морѣ. «Крюгеръ» взялъ пароходикъ Гришина-Алмазова на буксиръ, и мы двинулись съ «Вентюромъ» въ кильватерѣ, къ Форту Александровску. Я часто ходилъ на корму, чтобы обмѣняться привѣтствіемъ съ кѣмъ-нибудь изъ офицеровъ Гришина-Алмазова, выходившихъ на палубу, и чтобы посмотрѣть, какъ ведетъ себя

пароходикъ на буксирѣ. Плаваніе прошло безъ всякихъ препятствій. Непріятель не встрѣчался.

Мы не дошли десятка два миль до Форта Александровска, когда Коммодоръ приказалъ отдать буксиръ и попросилъ меня передать въ мегафонъ (рупоръ), что генералу Гришину-Алмазову предлагается итти самостоятельно въ Фортъ, такъ какъ ему никакой опасности больше не угрожаетъ.

Я передалъ все это на пароходикъ. Генералъ вышелъ на палубу и привѣтливо помахалъ намъ рукой. Потомъ взялъ въ руку мегафонъ и крикнулъ мнѣ:

— Передайте, пожалуйста, Коммодору Норрису и всѣмъ офицерамъ мою благодарность за любезный пріемъ и за помощь. Вамъ же желаю всего наилучшаго.

— Счастливаго пути, Ваше Превосходительство, желаю всяческой удачи и благополучнаго прибытія въ Омскъ, — отвѣтилъ я ему.

— Спасибо, прощайте...

Послѣднія слова донеслись уже еле слышно съ удаляющагося парохода-яхты.

«Крюгеръ» и «Вентюръ» развернулись и пошли обратно къ Чечнѣ.

Я долго стоялъ на палубѣ и слѣдилъ за быстро удаляющимся пароходикомъ. Вотъ уже и людей не стало замѣтно... Потомъ осталась узкая полоска дыма...

О томъ, что произошло дальше, можно было составить себѣ представленіе черезъ нѣсколько дней, когда мы во время одного изъ крейсерствъ наткнулись на два парусника, стоявшихъ на якорѣ на линіи Фортъ Александровскъ — Астрахань, миляхъ въ сорока отъ Форта. Они оказались

большевицкими, и, забравъ команду и документы, мы ихъ потопили артиллерійскимъ огнемъ.

Отъ забранной нами команды я узналъ, что Фортъ Александровскъ уже довольно давно находится въ рукахъ большевиковъ, оборудовавшихъ въ немъ базу.

Это былъ ударъ страшный своей неожиданностью и трагичностью. Помимо чисто-человѣческой трагедіи, здѣсь былъ разрывъ связи между генераломъ Деникинымъ и Верховнымъ Правителемъ. Несомнѣнно, что въ рукахъ генерала Гришина-Алмазова было много важнѣйшихъ документовъ, докладовъ и плановъ, имѣвшихъ крупное военное и политическое значеніе.

— Будемъ надѣяться, что генералъ Гришинъ-Алмазовъ избѣжалъ плѣна, — сказалъ Коммодоръ.

Нѣтъ, генералъ Гришинъ-Алмазовъ не избѣжалъ ни плѣна, ни смерти, черезъ два часа послѣ того, какъ мы разстались. Раненый въ ногу, не видя возможности сопротивляться нагрянувшему на его пароходикъ отряду большевиковъ, выпустивъ почти всѣ патроны изъ своего револьвера, онъ застрѣлился.

Офицеры штаба генерала были частью убиты, частью, израненные, были захвачены въ плѣнъ живыми. Всѣ документы попали въ руки врага.

Эти подробности трагедіи стали извѣстны мнѣ позже, когда, по дорогѣ въ Омскъ, я встрѣтился съ солдатомъ, бѣжавшимъ изъ Форта Александровска отъ большевиковъ къ бѣлымъ частямъ въ Гурьевъ. Однако, уже тогда, когда команда парусниковъ сообщила о большевицкой базѣ въ Фортѣ, стало ясно, что генералъ Гришинъ-Алмазовъ погибъ. Но все же теплилась какая-то слабая надежда, что онъ спасся. Я ждалъ извѣстія, надѣялся вопреки разсудку...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Наше плаваніе, во время котораго мы потопили парусники, продолжалось довольно долго. Затѣмъ мы ушли въ Петровскъ, и тамъ обо всемъ происшедшемъ я доложилъ капитану I ранга С.

Было рѣшено, что я долженъ уйти съ англійской службы и отправиться въ Омскъ съ личнымъ докладомъ Верховному Правителю.

Въ нашемъ штабѣ чувствовалась какая-то усиленная дѣятельность. Похоже было на то, что готовится какая-то крупная операція. Я рѣшилъ выждать нѣкоторое время со своимъ отъѣздомъ. Рѣшеніе уйти со службы и отправиться въ Омскъ было сохранено въ полной тайнѣ. Вскорѣ оказалось, что мы готовимся произвести нападеніе на Фортъ Александровскъ. Всѣ наши корабли, кромѣ «Волги», оставшейся съ своими минными катерами въ Петровскѣ, сосредоточились у острова Чечень.

24-го мая 1919-го года наши корабли въ составѣ: «Крюгеръ», «Вентюръ», «Азія», «Эмануилъ Нобель», «Слава», «Зороастръ», «Биби Эйбатъ» и однотипный съ этимъ послѣднимъ, вновь вооруженный пароходъ, переименован-

ный при зачисленіи въ списки флотиліи въ «Виндзоръ Кастль», — вышли въ походъ. Проблуждавъ до вечера 24-го въ морѣ, мы оказались у восточнаго берега Каспія, южнѣе Форта Александровска. Было принято рѣшеніе произвести атаку на Фортъ Александровскъ на разсвѣтѣ.

Всю ночь, идя малымъ ходомъ, мы шли въ направленіи Форта одной кильватерной колонной, держась близко другъ къ другу. Моей вахтой была «Собака». Ночь была темная. Волны почти не было. Въ нашемъ кильватерѣ еле вырисовывались грузные силуэты двухъ идущихъ за «Крюгеромъ» кораблей. Остальныхъ изъ-за темноты не было видно. Внезапно на горизонтѣ показался на короткое время свѣтъ маяка. Очевидно, большевики въ Фортѣ ожидали прихода какихъ-нибудь кораблей, и зажгли на нѣсколько минутъ маякъ на мысѣ.

Передъ разсвѣтомъ мы оказались нѣсколько сѣвернѣе Форта и съ разсвѣтомъ легли, продолжая итти кильватерной колонной, прямо на Фортъ.

Утро было совершенно ясное и тихое. Только вдали держался легкій туманъ, постепенно разсѣивающійся. По мѣрѣ нашего приближенія къ Форту, стали вырисовываться высокіе берега слѣва отъ насъ. Высота берега надъ водой достигала здѣсь около 12-ти саженъ. Не успѣли мы еще подойти до предѣла видимости городка въ глубинѣ бухты, какъ изъ-подъ высокаго берега къ намъ понеслось три большевицкихъ вооруженныхъ катера. Эти катера были переброшены изъ Балтійскаго моря, и были однотипны съ тѣми, о которыхъ я въ свое время подавалъ докладную записку Уошингтону. Ихъ вооруженіе состояло изъ двухъ 37 мм. орудій и пулеметовъ, и они способны были развивать ходъ до 25-ти узловъ. Они были большей величины, чѣмъ англійскія «Си-Эмъ-Би», въ отличіе отъ нихъ были палубны-

ми, и минъ Уайтхеда не несли. Съ нихъ зато можно было ставить мины загражденія. Отличались наши русскіе катера отъ англійскихъ минныхъ катеровъ также своими лучшими мореходными качествами.

Поведеніе большевицкихъ катеровъ сразу показало, что ими командовали не офицеры. Идя безъ всякаго строя, вразбродъ, они не рѣшились подойти даже на свой собственный пушечный выстрѣлъ, и когда они открыли безпорядочную стрѣльбу по намъ, снаряды ихъ дали большіе недолеты. Катера крутились между нами и берегомъ, то приближаясь къ намъ, то удаляясь, то поворачивая прямо на насъ, то идя параллельнымъ курсомъ. При этомъ они все время мѣняли свои скорости. Мы же продолжали итти все тѣмъ же строемъ и курсомъ, постепенно сближаясь съ высокимъ берегомъ. На огонь катеровъ мы не отвѣчали.

Вдругъ на кромкѣ высокаго берега, ясно вырисовавшись на фонѣ неба, показалась, игрушечная по виду, благодаря дальности разстоянія, полевая батарея, несущаяся карьеромъ. Ясно было видно, какъ батарея развернулась, построилась, и вскорѣ море вокругъ насъ стало пестриться разрывами — то совсѣмъ близкими, то далекими.

Большевицкіе катеры, давъ полный ходъ, направились въ Фортъ, идя подъ берегомъ.

Черезъ короткое время мы увидѣли справа по носу, кабельтовыхъ въ пятидесяти, низко лежащій на водѣ длинный силуэтъ, оказавшійся вооруженной четырьмя шестидюймовыми орудіями баржой, стоявшей на якоряхъ. Эта пловучая батарея при нашемъ приближеніи открыла огонь, и ея снаряды, не давъ въ «Крюгеръ», шедшій головнымъ, ни одного попаданія, ложились, однако, хорошо, обдавая насъ каскадами воды и осколковъ. Баржа стрѣляла вдоль

всей кильватерной колонны нашихъ кораблей. Наконецъ, «Крюгеръ», а за нимъ и всѣ наши корабли, открыли бортовой огонь по полевой батареѣ на высокомъ берегу, а затѣмъ «Крюгеръ» открылъ огонь и по баржѣ. Начался бой.

Мы продолжали итти тѣмъ же строемъ, не мѣняя скорости (около семи узловъ), въ направленіи Форта Александровска. Вскорѣ полевая батарея на высокомъ берегу получила нѣсколько эффектныхъ попаданій, снялась и перемѣнила мѣсто. Вновь пристрѣлявшись, она дала попаданіе въ «Крюгеръ»: снарядъ разорвался въ ванной каютѣ, разворотилъ все помѣщеніе, прилегающій коридоръ, повредилъ переборку моей каюты, разнесъ въ щепы трапъ на мостикъ (съ мостика я, кстати, за мгновеніе предъ этимъ спустился по этому самому трапу, чтобы провѣрить дѣйствіе бранспойтовъ, работавшихъ на полную уже по боевой тревогѣ), и перебилъ бранспойтъ, проходившій по палубѣ вдоль каютъ. Благодаря тому, что этотъ бранспойтъ былъ перебитъ, вода изъ перебитаго мѣста немедленно хлынула въ мѣсто взрыва, и пожара не послѣдовало. У насъ былъ одинъ легко раненый. Больше попаданій въ «Крюгеръ» за все время боя не было, что можно объяснить только очень плохой стрѣльбой большевиковъ.

Нѣсколько позже попаданія въ «Крюгеръ», шедшій третьимъ или четвертымъ «Эмануилъ Нобель» внезапно рыскнулъ въ сторону и застопорилъ ходъ: въ него попалъ шестидюймовый снарядъ съ баржи. Вслѣдъ за этимъ «Нобель» получилъ еще второе шестидюймовое попаданіе. Мы нѣсколько замедлили ходъ, но «Нобель» скоро оправился и вошелъ въ строй. Нашъ курсъ оставался все тѣмъ же.

Теперь уже ясно стали видны строенія въ глубинѣ

бухты и суда, стоящія грудой у пристаней. Отдѣльныхъ кораблей не было возможности разобрать. Эти корабли долгое время безмолствовали, но когда они открыли огонь, стрѣльба ихъ была безпорядочной. Отъ стѣнки они такъ и не отошли.

Впослѣдствіи оказалось, что еще нѣкоторые наши корабли получили попаданія, но эти попаданія иначе, какъ безсистемными, назвать было нельзя. Море вблизи и вдали отъ нашихъ кораблей кипѣло разрывами, но ясно было, что большевики не способны корректировать своей стрѣльбы, такъ какъ одновременно стрѣляли ихъ орудія изъ трехъ разныхъ направленій, по разнымъ цѣлямъ, и одни мѣшали пристрѣлкѣ другихъ. Никакой согласованности или общаго управленія огнемъ не было.

Огонь «Крюгера» былъ перенесенъ въ кучу кораблей у берега. Наши попаданія были ясно видны. Разрывы нашихъ снарядовъ подымались въ этой кучѣ одинъ за другимъ. Скорострѣльность англійскихъ орудій «Крюгера» была прекрасной, и прислуга работала, какъ часовой механизмъ. Остальные корабли не имѣли возможности открыть огонь по кучѣ большевицкихъ кораблей, такъ какъ эти послѣдніе были у насъ прямо по носу, а наши корабли шли за «Крюгеромъ» въ кильватерной линіи. Ихъ единственнымъ объектомъ (второстепеннымъ по обстановкѣ боя) могла въ этой стадіи боя быть только полевая батарея и она была вскорѣ уничтожена.

На линіи между кучей судовъ въ глубинѣ бухты и баржой — пловучей батареей, находившейся теперь еще болѣе справа отъ насъ, нѣсколько вдали отъ материка, стоялъ на якорѣ какой-то пароходъ. Въ бинокль была ясно видна бѣготня на немъ. Орудій на немъ не было видно, и огня

онъ не открывалъ. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ пароходъ былъ груженъ пятьюдесятью минами загражденія.

Въ разстояніи кабельтовыхъ 30-ти отъ кучи кораблей въ глубинѣ бухты, «Крюгеръ» измѣнилъ курсъ на 90 градусовъ вправо. Остальные корабли, оставаясь въ кильватерѣ, тоже сдѣлали поворотъ. Теперь всѣ корабли могли уже работать бортовымъ огнемъ по главнымъ цѣлямъ и, повинуясь указаніямъ Крюгеровскаго артиллериста, стали забрасывать большевицкіе корабли снарядами. Стрѣльба оказалась дѣйствительной: то здѣсь, то тамъ въ кучѣ большевицкихъ кораблей стали вспыхивать пожары, вспыхнулъ пожаръ и на пароходѣ, груженномъ минами загражденія, на который перенесъ свой огонь «Крюгеръ». Въ баржу уже раньше попало нѣсколько Крюгеровскихъ снарядовъ. Теперь и ей пришлось плохо: она только кое-какъ отвѣчала однимъ орудіемъ, но чрезъ короткое время прекратила огонь совсѣмъ. Въ бинокль было ясно видно, что она сильно скренилась и осѣла.

Идя тѣмъ же строемъ и ходомъ, мы постепенно стали удаляться,и, наконецъ, вышли изъ боя.

На «Крюгерѣ» оставалось около 50-ти снарядовъ, приблизительно такое же количество оставалось на каждомъ изъ другихъ нашихъ кораблей.

На горизонтѣ показалась «Волга», шедшая къ намъ. Вскорѣ она вошла въ строй, но ея минные катера не были спущены на воду и не были отправлены въ Фортъ Александровскъ доканчивать разрушеніе, хотя погода для катеровъ была идеальная и вполнѣ допускала ихъ использованіе въ благопріятныхъ для ихъ дѣйствія условіяхъ. Возможно, конечно, что Коммодоръ полагалъ, что произведен-

ныя нами разрушенія достаточно полныя. Если такъ, то уже слѣдующій день показалъ ошибочность подобнаго предположенія.

Вдали маячилъ еще высокій берегъ, остальное сливалось въ полоску. Вдругъ въ сторону Форта Александровска поднялся колоссальный бѣлый столбъ, разъ въ пять превышающій высоту берега. Глухо донесся звукъ страшнаго взрыва, подобнаго которому ни въ какихъ бояхъ не приходилось слышать: это пароходъ съ минными заграждениями взлетѣлъ на воздухъ.

Адмиралъ Колчакъ во время этой части моего доклада ему 13-го іюля 1919-го года въ его кабинетѣ въ Омскѣ, забросалъ меня вопросами: «Почему Коммодоръ въ первой части боя, до поворота, шелъ кильватерной колонной, а не развернутымъ строемъ? Почему ушли, имѣя возможность закончить бой, какъ слѣдуетъ? Вѣдь большевики еще отвѣчали, и вы не могли быть увѣрены, что вами нанесено рѣшительное пораженіе. Почему не послали «Си-Эмъ-Би»? Почему «Волга» съ шестидюймовыми и полнымъ запасомъ снарядовъ не была использована хотя бы въ послѣдней стадіи боя?...»

Насколько Адмиралъ былъ сумраченъ и гнѣвенъ во время политической части моего доклада, настолько онъ оживился при докладѣ о боѣ при Фортѣ Александровскѣ: онъ переспрашивалъ подробности, интересовался каждой мелочью боя. Что могъ я отвѣтить на его вопросы? Съ трудомъ сдерживая волненіе, не покидавшее меня во все время доклада («даю вамъ четверть часа». А слушалъ онъ докладъ около двухъ часовъ, забывъ про время), глядя на этого маленькаго огненнаго человѣка, одного изъ самыхъ блестящихъ морскихъ боевыхъ офицеровъ за время существованія Россійскаго Императорскаго Флота, я не могъ

найти иного отвѣта на его вопросы, какъ... «недооцѣнка обстановки»... или «отвѣта надо искать въ плоскости политики». «Но вѣдь...» — началъ Адмиралъ, но оборвалъ и сумрачно задумался... И тутъ, какъ послѣ многихъ другихъ частей доклада, воцарилось молчаніе, прерванное сумрачнымъ: «докладывайте дальше»...

Отойдя отъ Форта Александровска миль на двадцать, наша флотилія перестроилась въ двѣ кильватерныхъ колонны. Начались сигнальные доклады о полученныхъ поврежденіяхъ, объ убитыхъ и раненыхъ. «Нобель» получилъ поврежденіе машины, но не существенное и смогъ быстро его исправить. Остальные его поврежденія, какъ и полученныя другими кораблями, не затрагивали жизненныхъ частей, и были надводными. Убитыхъ и раненыхъ было немного. Къ сожалѣнію, я не отмѣтилъ количества, но оно, во всякомъ случаѣ, не превышало пятнадцати человѣкъ. Никто изъ офицеровъ не пострадалъ.

Среди раненыхъ былъ одинъ русскій матросъ «Нобеля». Раны его были смертельны, и онъ вскорѣ скончался, находясь въ полномъ сознаніи. Послѣднія минуты его жизни, жизни одного изъ безчисленныхъ героевъ бѣлаго дѣла, стали извѣстны всѣмъ намъ, имя же его Ты, Господи, вѣси... Физическія мученія его были ужасны, но, умирая, онъ радовался, что Господь сподобилъ его отдать жизнь свою за Россію. Русскую команду «Нобеля», окружившую его смертное ложе, онъ заклиналъ продолжать бороться за Родину, бороться противъ большевиковъ. Извѣстіе о колоссальномъ взрывѣ у Форта онъ встрѣтилъ лихорадочнымъ «ура».

Впечатлѣніе этой смерти на русскія команды нашихъ кораблей, да и на англичанъ тоже, было потрясающимъ.

Въ серединѣ дня, идя курсомъ на Петровскъ, наша флотилія остановилась для погребенія убитыхъ. Грустная, торжественная и величественная церемонія. По ея окончаніи флотилія раздѣлилась: поврежденные корабли, кромѣ «Крюгера», пошли на Петровскъ и Баку, другіе были отправлены къ о. Чечень, а «Крюгеръ» и «Вентюръ», вступившій намъ въ кильватеръ, пошли крейсеровать въ раіонѣ Форта Александровска, на югъ отъ него, внѣ видимости береговъ.

Весь остатокъ дня и всю ночь мы провели въ походѣ, на слѣдующее же утро оказались подъ восточнымъ берегомъ, въ милѣ разстоянія отъ него, идя вдоль берега, въ направленіи отъ Форта. Самъ Фортъ Александровскъ находился отъ насъ утромъ 26-го мая въ разстояніи около тридцати пяти миль.

Еще наканунѣ передъ вечеромъ къ Форту изъ Петровска былъ высланъ на развѣдку англійскій самолетъ. Результаты его развѣдки были сообщены намъ по радіо. Въ донесеніи говорилось, что пловучая батарея затонула, что затонуло также нѣсколько кораблей въ глубинѣ бухты, и что у самой пристани затопленъ миноносецъ типа «Москвитянинъ». Безславный конецъ доблестнаго корабля...

Пароходъ съ минами загражденія исчезъ безслѣдно. На берегу разрушено нѣсколько построекъ. Пристани сильно повреждены. У одной изъ пристаней стояло еще два миноносца того же типа. Очевидно, это были: «Эмиръ Бухарскій» и «Финнъ», такъ какъ изъ четырехъ миноносцевъ перваго полудивизіона Пятаго Дивизіона Минной

Дивизіи Балтійскаго Флота остались они одни: «Доброволецъ» взорвался на нѣмецкой минѣ въ Ирбенскомъ проливѣ, «Москвитянинъ» лежалъ на днѣ Каспія.

Погода 26-го мая была такой же хорошей, какъ и наканунѣ, но былъ легкій вѣтеръ и волна. Слѣва отъ насъ разстилался пустынный берегъ, тянувшійся безконечной полосой на юго-востокъ. Вдали, почти у самаго горизонта, онъ нѣсколько заворачивалъ косою къ югу, такъ что, придя къ тому мѣсту, мы должны были бы измѣнить курсъ вправо, чтобы обойти косу.

Внезапно съ сѣвера, мористѣе насъ, показались два низкихъ и быстро приближающихся дымка. Нашихъ кораблей здѣсь не могло быть, да и скорость движенія дымковъ не позволяла считать, что это могли быть наши грузные тихоходы. Это могли быть только большевики.

Всѣ были вызваны по мѣстамъ по боевой тревогѣ. Вскорѣ можно было различить въ бинокль, что это «Эмиръ Бухарскій» и «Финнъ», а потомъ уже и бинокля не надо было. По полоскамъ на трубахъ я увидѣлъ, что «Финнъ» идетъ головнымъ. Вспомнились слухи о томъ, что имъ будто командуетъ теперь одинъ мой большой другъ-лейтенантъ, блестящій артиллеристъ.

...Бинокль въ рукахъ невольно дрожитъ. Я вижу дорогія очертанія «Финна», надстройку надъ трапомъ въ офицерскія помѣщенія, въ каюту, гдѣ столько времени я жилъ... мостикъ, на которомъ было столько пережито во время войны, рубку, ютъ, гдѣ было мое мѣсто по боевой тревогѣ, орудія, повернутыя теперь въ мою сторону... Навѣрное, на «Финнѣ» все та же команда, отличные ребята, изъ которыхъ столько разъ приходилось вызывать добровольцевъ

для выполненія съ ними нѣсколько-рискованныхъ порученій. Каждая гайка, каждый закоулокъ «Финна» знакомы и дороги... Какъ красиво и легко онъ рѣжетъ волну...

Впиваясь руками въ поручни, стоя у праваго борта, ближайшаго къ миноносцамъ, я не въ силахъ былъ сдержать душевную боль, я молилъ о смерти...

Миноносцы шли параллельнымъ съ нами курсомъ и, дойдя до нашего траверса, уменьшили ходъ. Еще нѣсколько мгновеній... и два разрыва подняли столбы воды близко отъ нашего праваго борта. Еще мгновеніе, и два столба воды поднялись недалеко отъ нашего лѣваго борта. Вилка! И какая чистая, идеальная по одинаковому разстоянію разрывовъ отъ насъ, вилка!

Одновременно и мы открыли огонь, но наши снаряды дали значительный недолетъ. Второй и третій нашъ залпъ, и опять недолеты, совсѣмъ на немного приблизившіеся къ миноносцамъ. Ясно стало, что англійскія четырехдюймовки марки «9» бьютъ на свою предѣльную дальность, и эта дальность куда хуже дальности нашихъ русскихъ обуховскихъ четырехдюймовокъ. Послѣ трехъ залповъ мы прекратили огонь: стрѣлять не имѣло смысла.

Послѣ первой вилки «Финнъ», который, очевидно, велъ пристрѣлку, далъ опять короткій недолетъ, затѣмъ еще одинъ короткій перелетъ. «Теперь споловинитъ, и будетъ накрытіе», подумалъ я. Руки еще крѣпче впиваются въ поручни...

Слѣдующій залпъ былъ уже четырехорудійный. Стрѣляли оба миноносца. Опять недолетъ, затѣмъ опять перелетъ... «Почему же вы не половините?»... лихорадочно бьется въ головѣ мысль...

Одинъ за другимъ слѣдовали аккуратные залпы. Снаряды ложились, какъ по ниточкѣ. Опять недолетъ, опять перелетъ...

Безпомощно, не стрѣляя, мы ждали конца. Но миноносцы продолжали давать свои чередующіеся аккуратные недолеты и перелеты. Стрѣляли только по «Крюгеру». Опять мы дали залпъ, но все съ тѣмъ же результатомъ. Приближалась коса. Предстояло либо итти на сближеніе, либо выброситься на берегъ. «Вѣдь, они сами могутъ пойти на сближеніе, и тогда смогутъ работать еще и минами», — мелькаетъ мысль... Время тянется безконечно...

На горизонтѣ, нѣсколько впереди миноносцевъ, внезапно показывается еще одинъ дымъ. Скоро становится яснымъ, что кто-то спѣшитъ сюда, дымя немилосердно. Дымъ одиночный... Кто-то недалеко отъ меня говоритъ: «Это — «Волга».

«Теперь они перестанутъ играть, наконецъ, съ нами, а потомъ покончатъ и съ «Волгой», — думаю я...

Но нѣтъ. Еще нѣсколько чередующихся близкихъ недолетовъ и перелетовъ, и вдругъ миноносцы разворачиваются и, давъ большой ходъ, уходятъ въ сторону Форта Александровска.

Черезъ нѣкоторое время мимо меня проходитъ Коммодоръ съ Уошингтономъ. «Ей Богу, будь я проклятъ», — доносится до меня слова Коммодора.

Я еле дошелъ до своей каюты. Треснувшая, наклонившаяся переборка; въ дыры, сдѣланныя осколками русскаго снаряда, дуетъ вѣтеръ. Я повалился на койку и зарылъ лицо въ подушку.

Соединившись съ «Волгой», мы взяли курсъ на о. Чечень. Въ каютъ-компаніи царило нервное настроеніе. То здѣсь, то тамъ возникали споры о послѣднемъ боѣ. До Чечни мы дошли безъ дальнѣйшихъ происшествій и стали на якорь. У острова стоялъ на якорѣ пришедшій изъ Петровска съ провизіей для насъ пароходъ. Онъ вскорѣ долженъ былъ уйти на Баку.

Утромъ 27-го мая Коммодоръ устроилъ штабное совѣщаніе въ каютъ-компаніи. Совершенно неожиданно на это совѣщаніе былъ вызванъ и я. Коммодоръ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Мы теряемся въ догадкахъ, почему насъ вчера не потопили? Вѣдь, ихъ стрѣльба корректировалась отлично, и стоило только споловинить, чтобы мы были накрыты. Каково ваше мнѣніе?

— Я составилъ свое мнѣніе уже вчера, во время боя, сэръ, — отвѣтилъ я. — Управляющій стрѣльбой не хотѣлъ половинить, онъ только дѣлалъ видъ, что ведетъ съ нами бой, на самомъ же дѣлѣ онъ намѣренно не давалъ попаданій, не хотѣлъ насъ топить.

Коммодоръ торжествующее посмотрѣлъ на другихъ. Очевидно, высказанное мною мнѣніе сходилось съ его собственнымъ.

— Но какая чудесная стрѣльба, какая точная корректировка, — сказалъ задумчиво Коммодоръ. — Но почему же онъ все-таки не хотѣлъ насъ топить?

— Потому, что онъ не большевикъ, сэръ.

— Вамъ извѣстно, кто могъ командовать огнемъ?

— Точно неизвѣстно, имѣются только непровѣренные слухи.

— Вѣдь, это были миноносцы того дивизіона, на кото-

ромъ вы сами плавали, и одинъ изъ нихъ, возможно, былъ «Финнъ», вашъ «Финнъ»?

— Да, «Финнъ» былъ головнымъ вчера.

Коммодоръ посмотрѣлъ на меня какъ-то осторожно, исподлобья. Глаза его стали глубокими и мягкими... Британскіе офицеры сидѣли, потупившись. Можетъ быть, въ это мгновеніе они поняли и почувствовали всю глубину, весь ужасъ русской трагедіи.

Долго-долго просидѣлъ я въ своей каютѣ въ одиночествѣ. Потомъ позвалъ Баграта и спросилъ, поѣдетъ ли онъ со мною въ Омскъ? Багратъ ничуть не удивился, хотя объ этомъ заранѣе знать не могъ и, не раздумывая, отвѣтилъ, что поѣдетъ.

— Но ты, навѣрное, не представляешь себѣ, гдѣ это. (По спеціальной просьбѣ Баграта я говорилъ ему «ты»).

— Никакъ нѣтъ.

— Омскъ въ Сибири, туда дней сорокъ пути, частью безъ дороги, черезъ степи, мѣстами черезъ огромныя незаселенныя пространства... Ты хорошенько подумай.

— Все равно, поѣду.

— Только смотри, голова, винтовки своей не забудь, а то, можетъ, и пострѣлять придется, — сказалъ я, давая Баграту добраго тумака въ бокъ и смѣясь. Мы съ Багратомъ были друзьями, хотя онъ и былъ порядочнымъ жуликомъ. Въ вѣрности его сомнѣваться не приходилось.

— Когда ѣдемъ, вашскородь?

— Позже скажу, еще не знаю.

Отпустивъ Баграта, я попросилъ доложить Коммодору, что прошу меня принять. Коммодоръ усадилъ меня, самъ сѣлъ прямо напротивъ и сказалъ весело, любезно:

— Въ чемъ дѣло? Стрѣляйте.

— Я ухожу съ англійской службы, сэръ, и уѣзжаю къ Адмиралу Колчаку.

Коммодоръ перемѣнился въ лицѣ. Былъ пораженъ неожиданностью.

— Что такое? Вы съ ума сошли? Развѣ вы чувствуете себя плохо среди насъ?

— Нѣтъ, сэръ, все хорошо... но я хочу служить подъ собственнымъ флагомъ.

Коммодоръ придвинулъ свой стулъ вплотную ко мнѣ, положилъ руку на мое колѣно и сталъ говорить много хорошихъ, крайне любезныхъ словъ. Говорилъ о своемъ отношеніи ко мнѣ, о перспективахъ, которыя могутъ въ дальнѣйшемъ предо мною открыться. Я не могъ говорить съ Коммодоромъ о дѣйствительныхъ причинахъ, требующихъ моего отъѣзда, но онъ сталъ догадываться, хотя и нѣсколько своеобразно:

— Это все ваши русскіе друзья въ Петровскѣ вамъ крутятъ голову.

Нашъ разговоръ продолжался долго. Личныя наши отношенія съ Коммодоромъ были всегда очень хорошими, и самъ онъ былъ обаятельнымъ человѣкомъ, любимымъ всѣми офицерами и командой.

Коммодоръ какъ будто сталъ думать, что ему удастся меня уговорить. Тогда я рѣшилъ положить конецъ нашему разговору.

— Мое рѣшеніе безповоротно, сэръ.

Коммодоръ рѣзко отодвинулъ свой стулъ, вскочилъ, лицо его побагровѣло и губы зашевелились, — признакъ

бури. Вытянувъ руку рѣзкимъ движеніемъ въ сторону двери, онъ гнѣвно крикнулъ:

— Тогда... идите!

Черезъ короткое время въ мою каюту вошелъ Пертви.

— Коммодоръ приказалъ передать вамъ, что пароходъ отходитъ въ Баку черезъ полчаса, и вы должны на немъ отправиться... Почему все это случилось, и такъ внезапно? — прибавилъ онъ, измѣнивъ тонъ на дружескій.

— Хочу служить подъ своимъ собственнымъ флагомъ, Пертви.

Пертви посмотрѣлъ на меня долго и серьезно. Потомъ сказалъ всего только одну букву: «О» и направился къ двери. Но вдругъ остановился, протянулъ руку и съ теплой искренностью сказалъ:

— Я думаю, что понимаю. Желаю вамъ всего самаго хорошаго.

Начались спѣшные сборы. Багратъ развилъ стремительную дѣятельность. И вдругъ вызовъ къ Коммодору. Мрачно глядя въ сторону, онъ буркнулъ:

— Вы готовы къ отъѣзду?

— Готовъ!

— Хорошо. Я приглашаю васъ отобѣдать съ нами всѣми въ послѣдній разъ.

— Но вѣдь пароходъ сейчасъ уходитъ.

— Не болтайте ерунды. Пароходъ будетъ васъ ждать. Я распорядился. Теперь вы мой гость.

Обѣдъ на «Крюгерѣ» съ его традиціями британскаго флота, ставшими почти привычными для меня, послѣдній обѣдъ. Въ концѣ его Коммодоръ произнесъ маленькую рѣчь, объявивъ, что я покидаю корабль и англійскую службу. Рѣчь была пересыпана острыми, но хорошими и любезными шутками.

— Васъ я не поставлю въ примѣръ тому, кто займетъ ваше мѣсто, — будь я проклятъ, если я знаю, кто это будетъ, — потому что мнѣ не нравятся офицеры, которые способны опоздать на брэкфестъ. Если мнѣ память не измѣняетъ, вы чуть ли не отучились ѣсть брэкфестъ! Очень плохо для нервовъ, сэръ! Послѣ обѣда зайдите въ мою каюту!

Обѣдъ кончился. Попрощавшись со всѣми, я пошелъ къ Коммодору. Онъ протянулъ мнѣ бумагу.

— Читайте!

Бумага эта была блестящей аттестаціей. Подписи не было.

— Это вамъ пригодится? — и Коммодоръ, взявъ химическій карандашъ, подписалъ лѣвой рукой. Кисть его правой руки все еще не дѣйствовала послѣ перелома. Карандашъ сломался въ рукѣ Коммодора, оставивъ слѣдъ послѣ подписи...

Таковы британскіе кадровые офицеры. Внѣ своей англійской политики, они были отличными ребятами. Откидывая политику, другого чувства къ нимъ, кромѣ самаго теплаго, не могло остаться. Но и въ орбитѣ политики они были, вѣдь, вѣрными сынами своей родины, крѣпкими и не-

поколебимыми патріотами, даже тогда, когда политика ихъ страны заставляла ихъ причинять зло тѣмъ, къ кому въ душѣ они относились хорошо. Но если къ нимъ самимъ осталось теплое чувство, то ихъ англійская политика, основой которой мы въ правѣ считать отсутствіе самой элементарной порядочности въ отношеніи Россіи, возбудила нѣсколько другія чувства, при томъ совершенно неизгладимыя, и незабываемыя.

2-го іюня 1919-го года я вышелъ изъ Баку на коммерческомъ пароходѣ, направлявшемся въ Гурьевъ, безъ эскорта. Въ сѣткѣ дождя, недалеко отъ выхода въ море, въ разстояніи отъ насъ въ двѣ-три мили, мы увидѣли шедшаго въ Баку «Президента Крюгера». Погода портилась, и послѣ Петровска задуло жестоко. Каспій провожалъ меня бурей.

Январь, 1938 г.

Опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано	Надо читать
13	7 снизу	поднятую	подтянутую
39	5 „	службой начальниками	службой вахтенными начальниками
40	10 сверху	вольнаго	военнаго
43	3 „	случаѣ мы	случаѣ почему мы
74	15 снизу	написать	написалъ
77	2 сверху	пересѣлъ	перешелъ
117	10 „	кашевичъ	лашевичъ
122	2 „	на буксиръ	въ буксиръ
144	8 снизу	почву конфликтовъ	почву для конфликтовъ
146	1 „	Краснозавод-	Красновод-
171	5 сверху	въ сторону	въ сторонѣ
„	9 „	съ минными	съ минами

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.7
.L47
1938

РУССКАЯ КНИГА